

История одного континента (Часть 1)
«Аллисон и Вил, Лилия и Трейз, Мэг и Серон,
и все-все-все...»

Автор – Сигсава Кейичи
Иллюстрации – Куробоси Коухаку
Перевод – Saitou Hajime

* Все материалы предоставлены исключительно для ознакомления, без целей коммерческого использования.

** Все права в отношении ранобэ принадлежат их законным правообладателям. Любое распространение и/или коммерческое использование без разрешения законных правообладателей запрещено и карается по закону.

時雨沢恵一

KEIICHI SIGSAWA

イラスト:黒星紅白

ILLUSTRATION : KOUHAKU KUROBOSHI

一つの大陸の物語 〈上〉

～アリソンとヴィルとリリアとトレイズと
メグとセロンとその他～

〈上〉

序章	「懐かしい男」	9
第一章	「アリソンとヴィル」	19
第二章	「フィオナとベネディクト」	43
第三章	「リリアとトレイズ」	57
第四章	「メグとセロン、そしてラリーとジェニーとナタリアとニック」	73
第五章	「謎の転校生」	85
第六章	「心配するは、我にあり」	105
第七章	「証言と推理」	123
第八章	「新聞部、動く」	159
第九章	「エデルマンの罪」	183
第十章	「追う者と追われる者」	207
第十一章	「狙撃」	229

一つの大陸の物語〈上〉

～アリソンとヴィルとリリアとトレイズとメグとセロンとその他～

〈下〉

第十二章	「トラヴァース少佐の戦い」
第十三章	「めぐりあい」
第十四章	「続・懐かしい男」
第十五章	「サイラス」
第十六章	「イクストーヴァへ」
第十七章	「思惑」
第十八章	「奪い合い」
第十九章	「真昼の夜の決闘」
第二十章	「ロクシェ首都」
第二十一章	「結婚式」
第二十二章	「終わりは始まり」

Содержание:

Фронтиспис 1	5
Фронтиспис 2	6
Пролог – Старый друг.....	8
Глава 1 – Аллисон и Вил.....	12
Глава 2 – Фиона и Бенедикт	23
Глава 3 – Лилия и Трейз	29
Глава 4 – Мэг и Серон, Ларри и Дженни, Наталья и Ник	36
Глава 5 – Загадочный переведённый ученик.....	41
Глава 6 – Всё беспокойство во мне пребывает	49
Глава 7 – Свидетельские показания и выводы из них	56
Глава 8 – Клуб журналистики берётся за дело.....	72
Глава 9 – Преступление Эйдельмана	82
Глава 10 – Преследователи и преследуемый	91
Глава 11 – Снайперский выстрел.....	100
Послесловие	115

Фронтиспис 1

Фронтиспис 2

Аллисон Шульц:

Лётчик-испытатель Военно-воздушных сил Рокшенуксской Федерации. По совместительству приходится матерью Лилии.

Майор Травас:

Майор Сухопутной армии королевства СоБеИль. Работает в расположенном в столице Рокше посольстве королевства.

Лилия Шульц:

Ученица 4-й Столичной старшей школы Рокше. Она дочь Аллисон и является обладательницей невероятно длинного имени.

Трейз:

Ученик 4-й Столичной старшей школы Рокше. Приходится сыном Бенедикту и Фионе, а также является принцем королевства Икстова.

Фиона и Бенедикт:

Королева Икстова – единственного входящего в состав Рокше королевства – и её муж.

Штрауски Мэгмика (Мэг):

Учащаяся в 4-й Столичной старшей школе Рокше гражданка СоБеИль. Лучшая подруга Лилии и невеста Серона. Участница клуба журналистики.

Серон Максвелл:

Ученик 4-й Столичной старшей школы Рокше. Его давняя увлечённость Мэг в конечном итоге привела их к помолвке. Состоит в клубе журналистики.

Ларри Хепбёрн:

Ученик 4-й Столичной старшей школы Рокше. Лучший друг Серона Максвелла и член клуба журналистики.

Николас Браунинг (Ник):

Ученик 4-й Столичной старшей школы Рокше. Несмотря на внешний вид, в действительности он мужского пола. Является фанатом истории и состоит в клубе журналистики.

Наталья Штейнбек (она же Нася, она же Ната):

Ученица 4-й Столичной старшей школы Рокше. Приходится Ларри подругой детства. Также является большой любительницей поесть. Участница клуба журналистики.

Дженни Джонс:

Ученица 4-й Столичной старшей школы Рокше. Единственная дочь самой богатой в стране семьи. В клубе журналистики состоит в качестве президента клуба.

Пролог – Старый друг

Двадцать второй день четвёртого месяца 3306-го года по Всемирному календарю.

На поверхности планеты располагался единственный континент.

Огромный, в форме картофелины материк протягивался с востока на запад. Великая река и колоссальный горный хребет делили его вертикально пополам.

Центральный горный хребет вырос из огромной пустыни на южном побережье и тянулся до середины континента. Его зазубренные пики, некоторые из которых достигали высоты 10000 метров, стояли тесно прижавшись друг к другу. Северная же часть суши разделялась крупнейшей в мире рекой под названием Лутони.

Разделённые горами и рекой, народы континента каждый на своей стороне развили собственную культуру. Они заключали союзы и вели войны со своими противниками. Но одно историческое открытие свело на нет вероятность возникновения Мировой войны между Востоком и Западом.

И сотни миллионов людей продолжали жить на континенте, каждый со своими надеждами и тревогами.

– Чего? Ты – и волнуешься? Да я скорее поверю в летящих над Лутони свиней! – со злостью выплюнула сморщенная старуха.

– Да ладно тебе, бабуля! – ответил ей бородатый мужчина. – Я, может, и выгляжу так, но думаю о гораздо большем, чем показываю внешне.

Пожилая женщина и молодой мужчина сидели на полу на ковре.

Ковёр был связан из шерсти и содержал множество слоёв сложных, замысловатых узоров, в которых невозможно было разглядеть какой-то определённый мотив.

Комната была крошечной, с чёрными потолком и стенами, и в ней не было ни единого окна. Единственным источником света служила маленькая лампочка, так что в действительности помещение было очень тёмным.

Пожилая женщина сидела на подушке скрестив ноги, и её сгорбленная поза делала её визуально даже меньше, чем она была на самом деле. Её просторная одежда, сшитая из пёстрых, не сочетающихся друг с другом лоскутов ткани, выглядела столь же странно, как и её ковёр.

Всего в пятидесяти сантиметрах от неё сидел бородатый мужчина и глядел прямо на женщину.

Мужчина обладал подтянутым атлетическим телосложением. Он тоже сидел на подушке скрестив ноги, но выглядел словно внук перед своей бабушкой. На нём была поношенная красно-чёрная клетчатая рубашка и не менее затёртые джинсы в заплатках. Ногти на пальцах ног мужчины выглядывали из дыр на кончиках его шерстяных носков.

Его тёмно-каштановые волосы были небрежно подстрижены и зачёсаны назад. Черты лица у мужчины были не слишком правильными, но и не слушком грубыми, что придавало ему ничем не примечательную внешность. Из-за

растрёпанной бороды возраст его угадывался с трудом – на вид ему можно было дать как тридцать лет, так и сорок.

– О-о-о, и о чём же? Ну-ка, расскажи, – недовольным тоном потребовала у него старуха.

– Хм-м... – промычал мужчина не находя ответа.

– Мне определённо хотелось бы узнать, что творится у тебя в голове, если ты называешь себя «искателем приключений» и в тридцать с лишним лет шляешься по миру, – заворчала на него пожилая женщина.

Мужчина почесал голову и неловко сменил тему разговора:

– Бабуля, ты же всё-таки предсказательница судьбы, а не школьная учительница. И я пришёл сюда просто чтобы узнать своё будущее.

– Я с удовольствием тебе погадаю, если ты сможешь заплатить. Вот только откуда у тебя деньги? Наверняка родители из дома присылают – ты же жалкий маленький паразит!

– Нет. Я не получаю от своих предков ни единой монеты. Я ещё не настолько опустился, чтобы кланчить деньги у пенсионеров.

– О-о-о...

– Поэтому я попросил у сестры.

– Это ещё хуже! Бедное дитя, она заслуживает лучшего!

– Ничего страшного. Без меня ей живётся неплохо. Когда я звонил ей в последний раз, она сказала, что на работе у неё всё хорошо и что она отлично проводит время. Но давай вернёмся к делу поважнее. Бабуля, я хочу, чтобы ты мне погадала. Дай мне хоть какой-нибудь совет насчёт моей жизни! – попросил мужчина, вынимая из кармана бумажную купюру.

– Пф-ф. Тебе не нужна предсказательница судьбы, чтобы узнать, что тебе необходимо найти работу.

– Ну же, хоть небольшой намёк. Скажи мне, куда идти – на запад или восток – и этого мне будет достаточно. Чисто между нами, даже когда я был ребёнком, я никогда особо не верил в твоё гадание.

– Восток или запад – разве это важно? Мне не нужны твои деньги, так что иди-ка ты напрямиком к чёрту, мальчик.

– Спасибо, меня и здесь всё устраивает. Бабуля, ну пожалуйста, – произнёс мужчина, кладя купюру перед женщиной.

– Этой суммы хватит только на один ответ, – ответила пожилая женщина, поднимая костлявой рукой купюру и опуская её себе в карман. Она обернулась назад и что-то взяла в руки.

– Для меня этого будет вполне достаточно, – сказал мужчина, пожимая плечами.

Пожилая женщина поставила перед ним большой кристалл. Он был огранён в виде черепа и отполирован до блеска.

– Ух. Всё такой же жуткий, как и раньше, – тихонько засмеялся мужчина.

– Я смотрю, ты такой же бестактный, как и раньше, мальчик, – с гримасой на лице прошипела женщина. – А теперь не шевелись. Дай мне заглянуть в твоё безнадёжное будущее.

Взяв спички, старая женщина подожгла маленький пучок благовоний в чаше справа от себя. В воздух поднялся лёгкий белый дым, и странный аромат заполнил комнату.

После этого пожилая женщина подняла кристалл и пристальным взглядом заглянула в его глубину. С мрачным видом она пробормотала что-то на загадочном языке, сплошь изобилующем резкими щёлкающими звуками.

– Вот оно! То самое, о чём я и говорю! Эти твои жуткие заклинания и впрямь придают всему более достоверный оттенок.

– Замолкни.

Женщина ещё несколько секунд бормотала в курящемся белом дыму. А как только благовония сгорели дотла, она бережно опустила кристалл на ковёр.

– Ну? – поинтересовался мужчина.

– Мальчик, ты собираешься скоро вернуться домой? – с острым взглядом спросила пожилая женщина.

– Что? Нет, – тут же ответил мужчина.

– Правда? Тогда, я вероятно где-то ошиблась. Твоё будущее говорит, что проявляя доброту к постороннему, ты встретишь старого друга.

– Хм-м. Интересно, очень интересно.

Мужчина улыбался. Пожилая женщина тоже улыбнулась, из-за чего её морщины стали глубже.

– Я думала, ты не веришь в мои предсказания?

– «Особо не верил», вовсе не означает «совсем не верил». Иногда я в них всё же верил.

– Пф-ф! Как бы то ни было, постарайся должным образом отнестись к своему старому знакомому. И постарайся не дать никому узнать, какую жалкую жизнь ты ведёшь.

– Почему нет? У меня есть работа, и зовётся она «искатель приключений»!

– Мальчик, я говорю это ради твоего же блага. Возьмись за ум. По крайней мере, у тебя есть здоровье. На заводах и фермах всегда найдётся работа.

– Это не в моём стиле. Да уж, «проявляя доброту к постороннему, я встречу старого друга». Звучит здорово! И куда же мне теперь податься?

Мужчина с улыбкой встал на ноги и поднял большую поклажу, стоявшую у него за спиной. Это был длинный и узкий рюкзак, достигавший примерно половины его роста, к которому были пристёгнуты палатка, спальный мешок и другое туристическое снаряжение, а также кожаная куртка и кепка.

– Для начала навести свою семью. И постарайся не умереть где-нибудь в подворотне. Ты меня слышишь, Силас?

– Ого! Давненько я не слышал, чтобы меня кто-то так называл! Я уже почти забыл своё собственное имя!

– Мальчик, ты больше не пользуешься своим именем?

– Нет. Я использую первое, что приходит на ум. Иногда я беру чьё-то имя или немного его видоизменяю. Обычно так и рождаются идеи в голове, понимаешь? Через ассоциации.

– Фу. Тебе бы не помешало пообщаться с людьми, перед которыми можно называть своё настоящее имя. Иначе ты рискуешь потерять самого себя.

– Как и тебе, бабуля? Я ведь до сих пор не знаю твоего настоящего имени.

Пожилая женщина молчала.

– Что же, видимо, такова жизнь. Большое спасибо. Был рад с тобой повидаться. Когда-нибудь я вернусь и снова скажу «привет».

– В следующий раз, когда ты здесь появишься, я буду уже в могиле.

– Да ну, не может быть. У тебя впереди ещё пара столетий, бабуля.

Мужчина по имени Силас повесил рюкзак на правое плечо, отодвинул занавеску и вышел из тёмной, тесной комнаты.

– Пф-ф. Старый друг, значит? Интересно, – пожилая женщина тихонько про себя рассмеялась.

Глава 1 – Аллисон и Вил

Двадцать шестой день четвертого месяца.

Над аэропортом столицы Рокшенуксской Федерации бушевал холодный ливень. Бьющие все рекорды заморозки и снегопады зимы, наконец, закончились, но день всё равно был прохладным.

Стояло ещё раннее утро. Капли дождя, тонкие, словно шёлковые нити, тихо рассеивались по взлётно-посадочной полосе.

Параллельно покрытой асфальтом взлётно-посадочной полосе проходила рулёжная дорожка, за которой располагались просторная автопарковка и одноэтажное здание аэровокзала рядом с ней.

Хотя аэропорт обслуживал весь Столичный Округ, ему не хватало роскоши и великолепия городских железнодорожных вокзалов. Всё выглядело непритязательно, поскольку взлётно-посадочная полоса и другие объекты инфраструктуры использовались совместно с Военно-воздушными силами Федерации.

В последние годы технология самолётостроения шагнула далеко вперёд, позволяя летательным аппаратам пересекать Рокше из одного конца в другой всего за один день. Но поезда всё ещё оставались главным средством передвижения на дальние расстояния. Путешествие по воздуху по-прежнему было доступно лишь богачам, да тем, кто предпочитает необычные способы передвижения.

В тихий безлюдный терминал вошли мужчина и женщина.

Мужчина был одет в тёмно-синий деловой костюм и коричневый плащ. Мужчине было около тридцати пяти лет, у него были короткие чёрные волосы и овальные очки без оправы. Он выглядел спокойным и собранным, и походил на учёного. В руке он держал чёрный дипломат.

Длинные светлые волосы женщины были собраны в пучок. Лет ей было примерно столько же, сколько и мужчине. Её глаза ярко сияли небесно-голубым цветом, а вся её манера держаться дышала энергией. На ней красовались удобного покроя джинсы, ярко-красный свитер и кожаная куртка. Через плечо у женщины был перекинут простой холщовый рюкзак.

Пара остановилась посередине просторного вестибюля.

– Аллисон, тебе вовсе не нужно было провожать меня так далеко. Если вылет задержат, ты же решишь его дожидаться, – мягко произнёс мужчина.

Женщина по имени Аллисон с неохотой ответила:

– Наверное, ты прав – при таком-то дожде. А мне ведь ещё надо на работу.

– Очередная объяснительная записка?

– Ага. Руководству не понравилось, когда я угнала истребитель другой авиационной эскадрильи. Но я же спасла дочь и принца, так что всё в порядке, – ответила Аллисон, затем оглянулась, чтобы убедиться, что их никто не подслушивает. – Пару дней назад я на банковский счёт Лилии получила огромный платёж. Он пришёл от имени какого-то там президента фирмы, о которой я никогда не слышала, но ведь это же была принцесса, я права? (прим. пер.:

смотри сюжет шестого тома «Лилия и Трейз», либо 26-ю серию аниме «Аллисон и Лилия»)

Мужчина медленно кивнул:

– Быстро сработали. Считай это извинениями от той самой леди и её семьи. Они хотят, чтобы ты заявила, будто твоя дочь попала в небольшое ДТП.

– Ясно. Что же, мне не на что жаловаться. Я передам Лилии деньги, как только ей исполнится двадцать один год.

После чего Аллисон посмотрела на часы у себя на левом запястье. Это был дорогой хронограф, который она получила от всемирно известной фирмы в рамках рекламы своей продукции.

– Хоть мне и не очень хочется уходить, но мне пора. А то опять получу нагоняй от начальства!

Мужчина повернулся к Аллисон:

– Спасибо, что проводила меня до аэропорта, капитан Шульц.

– Всегда пожалуйста, майор Травас из королевской армии. Благодарю вас за отличную службу при посольстве СоБеИль в Рокше. Это большая честь для нас, – торжественно ответила Аллисон, сводя пятки вместе и салютуя воинским приветствием. Затем тон её голоса изменился. – Передавай от меня привет своей маме! Этот салют для неё! – добавила она, подмигивая.

Майор Травас улыбнулся:

– Обязательно передам. Мне ещё предстоит подумать, как передать салют по телеграфу во время полёта. Хотя времени у меня, конечно, будет хоть отбавляй.

– Да просто свернись в клубок с книжкой в руках, и все эти часы пролетят в одно мгновение, – предложила Аллисон.

На лице Траваса появилось разочарование:

– Я не прихватил с собой ни одной книги. Все свои вещи я отправил заранее по морю кораблём, а вчера у меня не выдалось ни единой возможности что-нибудь прикупить в дорогу. Хотелось бы мне, чтобы и в аэропортах тоже были книжные магазины, как на железнодорожных вокзалах.

– О-о-о. Тогда вот тебе от меня прощальный подарок, – произнесла Аллисон, снимая рюкзак. Она вынула из него толстенный фолиант, отпечатанный на бумаге низкого качества.

Взгляд майора Траваса упал на обложку. Она была пустой, за исключением названия, написанного на рокшенуксском языке.

[Основы лётной подготовки для новобранцев: Учебное пособие для молодых солдат войск противовоздушной обороны. Пересмотренное издание 3307 года.]

– Это учебник следующего года для курсантов Академии военно-воздушных сил. Редакторский состав хочет, чтобы я просмотрела его на ошибки. Я ещё не прочитала ни единой страницы – мне это настолько лень, так что, пожалуй, скажу им, что всё в нём отлично. Какая разница, ведь всё равно по нему нельзя научиться летать. Надо учиться в кокпите самолёта, летая по небу.

С покорной усмешкой майор Травас принял книгу:

– Спасибо. Я её внимательно прочитаю.

– Если найдёшь в ней какую-нибудь ошибку, то пошли мне телеграмму.

– Если найду, то непременно, – произнёс майор Травас, улыбаясь.

– Тогда, до свидания! – ответила Аллисон, слегка приподнимая голову и закрывая глаза. Она чуть подалась вперёд.

Майор Травас слегка прикоснулся своими губами к её:

– Да. Скоро у нас будет много времени на разговоры.

Под дождём майор Травас покинул Столичный Округ. Он летел на запад в передовом высокоскоростном пассажирском самолёте.

Обтекаемое воздушное судно имело двигатели и винты на каждом крыле, и вмещало шестнадцать сидений. Однако заняты были лишь пять из них. С места майора Траваса в самом конце салона он мог видеть четыре головы, располагавшиеся в первом ряду.

Рокше представляло собой по большей части равнинную местность с минимальным количеством гор, которые даже можно было не брать в расчёт, что

способствовало раннему развитию полётов по приборам. Когда самолёт влетал в облака, то он полагался на свои компас и высотомер. Во время полёта турбулентности почти не наблюдалось.

Когда остальные пассажиры уснули с дорожными повязками на глазах, майор Травас вынул из стоящего у ног дипломата подарок Аллисон. Он улыбнулся, когда припомнил одно из её высказываний: «Научиться управлять самолётом... Я бы ни за что до такого не додумалась».

Чтобы убить время, он раскрыл книгу.

Самолёт приземлился для дозаправки, и чтобы пассажиры с пилотами могли немного отдохнуть. За один этот перелёт они преодолели половину Рокше. Во время стоянки экипажу предстояло смениться, а пассажирам поесть.

После полудня самолёт снова поднялся в воздух.

Облака несколько поредели и в просветах стало видно небо. Внизу до самого горизонта простиралась коричневая земля, ожидающая начала посевного сезона.

Быстро пролистывая «Основы лётной подготовки для новобранцев», майор Травас время от времени поглядывал в иллюминатор.

Учебник включал в себя множество схем и рисунков, а для облегчения чтения и понимания, почти не содержал в себе технических терминов.

– Ещё одна.

И, тем не менее, он пестрел ошибками.

В каких-то случаях это были просто опечатки, в других – неточности в подписях к схемам, а в третьих – неверно рассчитанные данные. Каждый раз как майор Травас обнаруживал ошибку, он отмечал её чернильной ручкой и загибал уголок страницы.

Тем же вечером самолёт достиг своего конечного пункта назначения – международного аэропорта Лайонхарт в столице республики Раптоа.

– Готово.

К тому времени майор Травас уже закончил просмотр «Основ лётной подготовки для новобранцев» и даже переписал в нём некоторые предложения.

Республика Раптоа была одним из самых западных регионов Рокше. Её столицей был одноимённый город Раптоа.

Республика находилась близ слияния реки Лутони у подножия Центрального горного хребта, и её экономика в значительной степени – ну а фактически целиком – зависела от сельского хозяйства. С точки зрения рельефа её территория была обширной и равнинной. В ясные дни из южных областей республики были видны отдалённые вершины Центрального горного хребта.

Напротив через реку Лутони располагалось СоБеИль, также известное как Соединённое королевство Безель-Ильтоа.

Во время холодной войны прибрежные регионы Лутони – такие как Раптоа – находились на передовой линии конфликта между Востоком и Западом. Но в наше время положение дел изменилось и теперь эти регионы использовали своё близкое расположение к западу, чтобы выступать в роли пунктов обмена между двумя сторонами.

Международный аэропорт Лайонхарт в городе Раптоа являлся крупнейшим аэропортом региона. Из него осуществлялись рейсы в СоБеИль, выполняемые западными авиакомпаниями. Время их вылета специально синхронизировали со временем прибытия рейсов из Столичного Округа. А с появлением воздушных грузоперевозок и специализированных грузовых самолётов, бесчисленные воздушные суда начали использовать международный аэропорт Лайонхарт в качестве узлового аэропорта для местного воздушного сообщения.

Однако следующий рейс майора Траваса был уже не публичным.

Двадцать седьмой день четвёртого месяца.

– Здравия желаю, товарищ майор!

Майор Травас провёл ночь в гостинице города Раптоа. Он вернулся в аэропорт на следующий день.

– Я капитан Барнет, мне приказано вернуть вас на родину. А это...

– Младший лейтенант Клее!

Как только майор Травас выбрался из такси, ему отдали воинское приветствие два пилота. Они обратились к нему на официальном языке СоБеИль – безельском.

Капитан Барнет был сурового вида мужчина тридцати с лишним лет; младший лейтенант Клее, с его стройной фигурой, выглядел на двадцать с небольшим.

Оба лётчика были одеты в серые лётные костюмы. Карманы на передней части их брюк оттопыривались, будучи туго набитыми. А на плечах и нагрудной части кителя красовались погоны со званием и нашивки с именами и группой крови.

Они находились в самом неприятном, самом незаметном углу Международного аэропорта Лайонхарт. Данная территория использовалась только для грузовых самолётов, и гражданским лицам сюда вход был запрещён.

Тут же был припаркован и самолёт. Он был пятнадцать метров в длину и имел два мотора с двумя пропеллерами.

Ради маскировки аппарат был окрашен в различные оттенки зелёного и коричневого цвета. Нижняя половина фюзеляжа была покрашена в серый цвет, чтобы при взгляде снизу сливаться с небом.

На боку цилиндрического фюзеляжа располагались герб в виде изогнутого кинжала и надписи на безельском языке. Самолёт явно принадлежал СоБеИль.

Изначально данная модель самолёта разрабатывалась в качестве лёгкого бомбардировщика, но благодаря своим отличным лётным характеристикам, она также оказалась пригодной для разведывательных задач. Конкретно этот аппарат был предназначен для разведки – к нижней части его фюзеляжа была прикреплена высокопроизводительная фотокамера, а по бокам размещены иллюминаторы с большим обзором.

Самолёт прибыл рано утром с расположенной близ реки Лутони авиабазы Королевских военно-воздушных сил, чтобы забрать майора Траваса – видную фигуру в вооружённых силах СоБеИль. Разумеется, на его полёт были получены все необходимые разрешения.

Несколько аэродромных механиков возились у самолёта, занимаясь дозаправкой и проводя вместе с бортинженером последние предполётные проверки. Поскольку гражданские воздушные суда с запада регулярно использовали этот аэропорт, то процесс проходил без каких-либо затруднений.

– Майор Травас сухопутных сил Королевской армии. Я в ваших руках.

Майор Травас отсалютовал пилотам и опустил руку. Лётчики поступили так же.

– Можете на нас рассчитывать. Мы доставим вас в Суффрестус быстрее, чем любой пассажирский самолёт, – заверил его капитан Барнет.

– Товарищ майор, разрешите задать вопрос? – внезапно вмешался младший лейтенант Клее. – Когда вы вернётесь, вам будет назначена аудиенция у короля?

– Да. Это часть моих обязанностей, как старшего офицера при посольстве СоБеИль в Рокше, – без лишних эмоций ответил майор Травас.

Младший лейтенант Клее взорвался от возбуждения:

– Это просто невероятно! Я вам очень завидую. Я видел королевскую семью всего один раз и то издалека во время церемонии по случаю Дня основания государства! Вы знаете, это моя мечта – однажды пилотировать самолёт королевской семьи! Я прекрасно понимаю, что до этого ещё далеко, но я вызвался на сегодняшнюю миссию, чтобы заранее подготовить себя к этому моменту! Товарищ майор, для меня большая честь сегодня перевозить вас!

Капитан Барнет пожал плечами:

– Как видите, товарищ майор, Клее ещё молод и легкомыслен, но как пилот он заслуживает доверие. Конечно, основную часть полёта буду осуществлять я, но младший лейтенант всё равно сделает свою часть работы – нравится ему это или нет. Сегодня нашим бортинженером будет старшина Лод. Я представлю его вам позже.

– Благодарю за службу. А теперь, я могу подняться на борт? – поинтересовался майор Травас. Капитан Барнет в ответ заулыбался:

– Боюсь, для начала вам придётся посетить уборную, так как на борту нет туалета.

[Скопа-34 вызывает диспетчерскую вышку Международного аэропорта Лайонхарт. Приём.]

[Диспетчерская вышка на связи, слышу вас хорошо. Приём.]

[Говорит Скопа-34. Мы готовы к взлёту. Запрашиваю разрешение на выруливание. Приём.]

[Диспетчерская Скопе-34 – рулёжная дорожка свободна. Посадки не ожидается. Взлётная полоса в вашем распоряжении. Вы можете начинать руление. Повторяю, можете начинать руление.]

Майор Травас сидел в салоне самолёта-разведчика и слушал происходивший на безельском языке радиообмен.

Самолёт нельзя было назвать большим, но в нём стояли крепкие кресла. Майор Травас сидел в одном из них, пристегнувшись ремнём безопасности. Поскольку на больших высотах становилось холодно, вместо своего плаща он

надел поверх костюма выданную ему кожаную куртку Военно-воздушных сил. Его дипломат и скатанный в рулон плащ были надёжно закреплены под креслом ремнём. Из-за отсутствия внутренней обшивки, в салоне представляли полному обозрению дополнительный топливный бак и паутина из труб и проводов.

В нескольких метрах впереди, в кабине пилотов сидели капитан Барнет с левой стороны и младший лейтенант Клее с правой. Позади них справа располагался старшина Лод, сосредоточенно наблюдающий за многочисленными приборами перед ним.

Двигатели по обе стороны самолёта ревели так громко, что заглушали любые переговоры и сильно сотрясали воздушное судно. Все находящиеся на борту люди были в наушниках и с прикрепленными к горлу ларингофонами. *(прим. пер.: ларингофон – разновидность микрофона, использующий механические колебания кожи и гортани, возникающие при разговоре, для преобразования их в электрический аудиосигнал)*

[Товарищ майор, мы скоро начнём вырубивание и взлёт. Пожалуйста пристегните ваш ремень безопасности], – проинструктировал капитан Барнет. Майор Травас нажал кнопку связи у своего горла и заговорил со всем по внутренней линии:

[Ремень пристёгнут.]

[В таком случае, возвращаемся домой.]

Капитан Барнет медленно передвинул рычаги управления двигателями вперёд.

Утреннее солнце слепило бликами на корпусе самолёта-разведчика. Его прочные колёса катились по шероховатому покрытию рулётной дорожки. Ни один другой самолёт не готовился ни к взлёту, ни к посадке. Воздушное судно СоБеИль проследовало по рулётной дорожке до южного конца взлётно-посадочной полосы и остановилось для очередной связи с диспетчерской вышкой.

[Диспетчерская Скопе-34 – вы меня слышите? Вам разрешается занять взлётно-посадочную полосу и начать взлёт. Счастливого вам полёта.]

[Говорит Скопа-34. Вас принял. Занимаю взлётно-посадочную полосу и начинаю приготовление к взлёту. Спасибо вам и вашей стране за помощь и гостеприимство. Попутного ветра Востоку и Западу! Конец связи.]

Самолёт-разведчик вырубил на взлётно-посадочную полосу. Капитан Барнет повернул ручку управления, выполняя поворот на девяносто градусов. Вскоре самолёт стоял, направив нос строго вдоль полосы.

Затем Барнет резко вывел двигатели на полную мощность. Мощный рёв сотряс фюзеляж и всё вокруг, когда самолёт устремился вперёд, набирая скорость.

Глядя в иллюминатор слева от себя, майор Травас не нажимая переговорной кнопки пробормотал:

– Как же давно это было. Всё началось в тот день, много лет назад, когда мы взлетели с Раптоа...

Самолёт-разведчик с гербом в виде изогнутого кинжала взмыл в небо, неся в себе Вила.

Вскоре самолёт-разведчик сменил курс на северо-запад. Оставляя под собой бетонные джунгли города Раптоа, самолёт медленно набирал высоту. По мере подъёма, мир за окном иллюминатора становился всё шире.

[Товарищ майор, можете расстегнуть ремень безопасности], – произнёс капитан Барнет.

[Благодарю вас], – ответил майор Травас. – [Товарищ капитан, я не сомневаюсь в ваших способностях, но на борту самолёта я предпочитаю оставаться пристёгнутым].

[Это замечательное решение. Если честно, экипажу от этого становится гораздо спокойнее. Ведь никогда не знаешь, когда придётся заложить вираж, чтобы избежать вражеской атаки. Хотя, в наше время подобное, конечно же, маловероятно.]

[Рад слышать, что наши Военно-воздушные силы находятся в постоянной боевой готовности.]

[Благодарю вас, товарищ майор], – поблагодарил капитан Барнет. – [Сейчас мы около часа будем следовать на северо-запад, после чего пересечём Лутони. Как только мы окажемся за границей, то продолжим путь к горному хребту Ильтоа, затем над хребтом будем двигаться строго на запад и днём приземлимся на авиабазе Королевских ВВС в Лилианне. Там у вас будет время, чтобы поесть и размять ноги].

[Очень хорошо. Последний раз я был в Лилианне достаточно давно. Жду не дождусь, чтобы полюбоваться величественными пиками горного хребта Ильтоа.]

[Вы непременно их увидите. Судя по тому, что я видел, когда летел в Рокше, то снег с вершин ещё не сошёл. Кроме них вы сможете также разглядеть линию железной дороги и озёра. Товарищ майор, вы слышали о подпрудных озёрах? Это такие узкие длинные водохранилища, которые образовались в результате запруды горных рек обвалами и оползнями.]

[Да. Я видел одно такое собственными глазами – из поезда. То самое, у которого рельсы проходят по обоим берегам.]

[Ага, знаю его. Железнодорожные пути и озёра служат прекрасными ориентирами. Уверен, сегодня они тоже будут великолепными.]

[Если я вдруг к тому времени усну, то обязательно разбудите меня. Это приказ.]

[Ха-ха-ха! Будет сделано!]

В этот момент младший лейтенант Клее решил присоединиться к разговору:

[Майор Травас, разрешите задать вопрос насчёт ваших обязанностей в Рокше? Просто в качестве справки на будущее.]

[Разрешаю. Если у вас есть вопросы, то я буду рад на них ответить. Разумеется, в рамках разумного.]

[Большое спасибо. Каково было работать в посольстве со всеми этими культурными различиями? Вам не приходилось тяжело?]

Майор Травас, некогда бывший гражданином Рокше и носивший имя Вильгельм Шульц, ненадолго задумался, прежде чем наконец ответить.

[Жить в Рокше на самом деле не особо трудно. Неважно, откуда ты родом – с востока или запада – все мы люди. И пока мы можем общаться друг с другом, мы всегда можем добиться взаимопонимания. Естественно, в наших образах жизни

много различий, но даже те недоразумения, что случались раньше, я теперь вспоминаю с улыбкой. И кстати, рокшенуксская кухня просто объединение.]

Затем последовал следующий вопрос:

[Возможно, с моей стороны будет бестактно задать этот вопрос, но я слышал, что вы оставляете работу в посольстве. Работа в посольстве считается чрезвычайно престижной, поэтому разрешите спросить, почему вы решили вернуться на родину?]

Вопрос действительно был бестактным. Капитан Барнет бросил на младшего лейтенанта Клее взгляд и пожал плечами. Однако майор Травас, похоже, нисколько не обиделся.

[Потому что я выхожу в отставку из армии. Моё увольнение будет подписано, как только я прибуду в Суффрестус.]

[П-почему?]

Только у младшего лейтенанта Клее нашлись слова, но было видно, что его напарники тоже изрядно удивлены.

Майор Травас решил ответить на этот вопрос:

[Я единственный наследник «Приюта Травас», и на мне лежит обязанность продолжить семейное дело. После того, как я покину армию, я собираюсь помогать матери в её работе. Я считаю, что моя работа в посольстве стала достаточной службой родине. Теперь же я посвящу своё время и силы другим целям.] *(прим. пер.: Аллисон и Вил выросли в детском приюте «Дом Будущего», который в Рокше организовала во время войны женщина из СоБеИль по имени Мут Коразон. В первом томе «Аллисон», когда самолёт Аллисон и Вила сбивают над СоБеИль, их приютила Ладия Травас, обеих сыновей которой убило на войне. После обнаружения фресок и объявления перемирия, Аллисон и Вил стали частыми гостями в доме у Травас)*

[Всё понятно. Это, конечно, печально слышать, но у вас благородная причина. Разрешите узнать, а чем именно занимается ваша семья?]

[Конечно. Моя мать возглавляет фонд, который оказывает помощь нуждающимся детям. Он предоставляет стипендии одарённым сиротам из СоБеИль, включая оплату программы обучения за границей в Рокше. Очень важно, чтобы молодое поколение выходило в мир и познавало его собственными глазами. Я намерен использовать свой опыт, чтобы ускорить продвижение работы матери в направлении поездок между Рокше и СоБеИль.]

[Это просто прекрасно. Хотелось бы, чтобы и мои дети однажды занимались подобным делом. Правда, для начала мне нужно сперва жениться.]

Самолёт-разведчик летел над равниной.

Тридцатикилометровая полоса земли по каждому берегу реки Лутони была объявлена буферной зоной. Согласно соглашению, заключённому во время Холодной войны, размещение военного персонала в этой зоне было запрещено. Присутствие гражданских лиц тоже было строго ограничено. Фермерское хозяйство здесь отсутствовало, и земля оставалась невозделанной дикой пустошью.

Река Лутони регулярно выходила из берегов, поэтому чем ближе было к воде, тем меньше становилось деревьев.

Ещё до создания буферной зоны, берега Лутони были малопригодны для жизни. Заселить эту территорию было бы невозможно без возведения дамб вдоль всей реки – задача, на выполнение которой ушло бы более трёхсот лет, учитывая протяжённость Лутони.

Майор Травас наклонился ближе к окну.

Для появления почек было ещё рано, поэтому большинство равнин и полей всё ещё оставались бурыми.

Когда он поднял взгляд, то увидел реку Лутони. Её тёмные воды пересекали равнину по прямой линии с юга на север. В нескольких сотнях метрах вдали он мог разглядеть территорию СоБеИль.

[Младший лейтенант, можете на время перехватить управление?]

[Так точно, товарищ капитан. Младший лейтенант Клее готов принять управление самолётом.]

[Младший лейтенант Клее, примите управление самолётом на себя.]

[Принимаю управление самолётом на себя.]

[Самолёт в вашем распоряжении.]

После обмена установленными репликами младший лейтенант Клее повёл самолёт. Капитан Барнет убрал руки с органов управления и развернулся в салон:

[Прошу прощения, товарищ майор, но мне нужен короткий перерыв. Я так до сих пор ещё и не позавтракал.]

[Не волнуйтесь, товарищ майор, наш капитан точно не проспал завтрак], – в защиту пилота заговорил старшина Лод. – [Просто он так сильно увлёкся предполётной проверкой самолёта, что просто забыл поесть].

Младший лейтенант Клее в разговоре участия не принимал, так как он сосредоточился на управлении воздушным судном.

Капитан Барнет отстегнул ремни безопасности, разъединил кабель шлемофона и вошёл в салон. Он спокойно прошёл по проходу, миновал майора Траваса и присел перед большим металлическим ящиком в хвосте самолёта.

Затем он отстегнул защёлки и поднял крышку ящика.

Из металлического ящика капитан Барнет достал деревянную коробку размером с толстенный словарь. На коробке красовалась наклейка с надписью «Обед Барнета – бутерброд с индейкой, шоколадный батончик, вода».

Капитан Барнет закрыл металлический ящик, прошёл мимо майора Траваса и остановился не у своего кресла пилота, а позади старшины Лода. Он раскрыл складной стул, прикрепленный к стене по левую руку, и снова подключил штекер своего шлемофона.

[Прошу прощения, товарищ майор, но эта еда предназначена только для пилотов], – объяснил он. – [Нам заранее готовят перекус на случай дальних перелётов. И в качестве подстраховки от пищевого отравления, у каждого члена экипажа своё меню. Мне, например, сегодня достался бутерброд с индейкой.]

[Потрясающе. Я об этом даже и не знал.]

[Правда, предполагалось, что это будет мой обед, но я надеюсь, вы закроете глаза на подобное нарушение протокола. Мы, пилоты, постоянно так поступаем. Я потом в Лилианне куплю себе чего-нибудь поесть.]

[Ага. Помнится, когда я был курсантом, то постоянно так поступал со своим обедом], – вставил слово старшина Лод.

Майор Травас засмеялся:

[Товарищ капитан, я сильно увлечён открывающимся снаружи пейзажем. Так что я ничего не видел], – произнёс он, поворачиваясь к иллюминатору.

Внизу величественно несла свои воды река Лутони. Самолёт скоро уже должен был пересечь границу и войти в воздушное пространство Запада.

[В таком случае прошу меня извинить, я отобедаю.]

Капитан Барнет поставил деревянную коробку себе на колени и снял кусочки скотча, удерживающие крышку с обеих сторон. После чего он открыл коробку.

Пш-з-з... Раздался скрежещущий звук, а затем из коробки вырвался клуб белого дыма.

– Ха? – капитан Барнет нахмурился.

И тут коробка взорвалась.

В этот же день.

Мужчина из республики Раптоа в одиночестве рыбачил на Лутони, когда он заметил вдалеке крушение самолёта.

Всего несколько минут назад самолёт незнакомого типа пролетел над его лодкой и умчался вдаль, покачиваясь то влево, то вправо.

Потом он накренился, резко завалился на правый бок и стал быстро терять высоту. Затем самолёт скрылся за берегом реки...

И больше уже не появлялся.

Мужчина тут же решил никому ничего не говорить.

Он не стал обращаться за помощью в полицию или пожарную часть, потому что боялся, что его накажут за браконьерство.

Глава 2 – Фиона и Бенедикт

В самом сердце безлюдного Центрального горного хребта приютилась одинокая страна. Её название – Королевство Икс. Оно является одним из регионов Рокше и единственной монархией на Востоке. Современное официальное название данного королевства – Икстова.

Икс граничит с юго-западными районами республики Раптоа вблизи северных отрогов Центрального горного хребта. Вся его территория располагается вокруг длинного и узкого горного озера.

Озеро Рас, протяжённостью 100 километров и шириной 40 километров, находится в центре небольшого королевства, границы которого определяются самим озером и прилегающими к нему долинами. Жители Икс по своей натуре закалённый народ, который стойко переносит зимние морозы с температурой значительно ниже нуля. Национальная экономика Икс большей частью базируется на лесном хозяйстве, сельском хозяйстве и рыболовстве, а также на стремительно развивающемся туризме.

Из-за своей уникальной культуры, так разительно отличающейся от культуры равнинных земель, Королевство Икс присоединилось к Федерации самым последним.

Два происшествия, случившиеся в недавней истории этой крошечной страны, оказали влияние на весь мир.

Первое из них – возвращение на трон королевы в 3287-м году.

Принцесса Франческа, вот уже двадцать девять лет считавшаяся погибшей вместе со всей семьёй в пожаре, уничтожившем королевский дворец, неожиданно явила себя народу и объявила о том, что она жива.

На самолёте майора Королевской армии Карра Бенедикта, того самого «Героя фрески», принцесса буквально снизошла на политический митинг в столице Королевства Икс, городе Кунсте. Там она и раскрыла, что пожар во дворце на самом деле был творением рук террористов.

Она вывела на чистую воду истинного виновника трагедии – Оуэна Нихто – как раз в тот момент, когда он баллотировался в парламент, полагая, что общественный интерес к делу уже угас. Принцесса прижала его к стене прямо на месте. В итоге Нихто покончил с собой, и правда о случившемся так и не выплыла наружу, однако народ Икс ликовал от возвращения своей юной и прекрасной королевы.

Второе происшествие заключалось в публичном оглашении всего четыре месяца назад новости об Икстовском проходе.

Во время ежегодного новогоднего послания королева Франческа объявила своему народу и всему миру о существовании Икстовского прохода.

Знание о тайном проходе в Центральном горном хребте передавалось в королевской семье из поколения в поколение на протяжении всех 400-т лет её существования. Оказалось, что Центральный горный хребет, долгое время считавшийся непроходимым, скрывал в себе глубокую долину, соединяющую Королевство Икс с СоБеИль.

Объявление о существовании Икстовского прохода – так теперь называют эту долину – стало потрясением не только для Востока, но и для Запада. Если бы этот проход стал известен миру во время войны, то его непременно бы использовали для дальнейшего разжигания конфликта.

Более того, если бы проход был раскрыт во время войны, то королевскую семью Икс подвергли бы критике за сокрытие его существования. Однако теперь, когда угроза войны значительно уменьшилась, общественность приветствовала решение королевской семьи.

Как только летом угроза схода снежных лавин спадёт, королевская семья собирается пригласить учёных с Востока и Запада, чтобы снарядить совместную экспедицию в долину. И возможно, когда-нибудь в будущем она станет торговым путём между Рокше и СоБеИль.

Тогда Королевство Икс, при его и без того бурно развивающемся туризме, добилось бы ещё большего процветания.

Поддерживаемая своим мужем господином Бенедиктом и их дочерью принцессой Мериэль, королева Франческа правит маленьким королевством и с каждым годом становится всё прекраснее. Единственная королевская семья Рокше и её необычное маленькое королевство и впредь будут сиять как драгоценный камень в короне Центрального горного хребта.

– Вот такое содержание статьи. Фи, ты будешь вносить исправления?

– А фраза «с каждым годом становится всё прекраснее» в ней действительно необходима?

Мужчина и женщина сидели в маленькой бревенчатой избушке в уютно расположившейся в долине деревне, и разговаривали на рокшенуксском языке.

Возрастом мужчина был за сорок лет. Его лицо покрывала борода, а длинные волосы собраны на затылке в конский хвост. На нём были надеты чёрно-зелёная клетчатая рубаха и коричневые тактические брюки.

Женщине было чуть меньше сорока. Она обладала короткими чёрными волосами и привлекательной внешностью. Женщина была одета в национальную одежду – мозаичное платье, сшитое из множества различных лоскутов ткани.

Бревенчатая избушка была скромной постройки. Небольшая гостиная в ней служила одновременно и кухней. Вся обстановка в ней ограничивалась лишь самым необходимым – вроде двухместного стола с двумя стульями, а также простой полкой.

На бревенчатой стене высоко под самым потолком красовались три деревянные тарелки с искусно вырезанной резьбой. На них были изображены: виноградная гроздь, птица с расправленными крыльями и цветок Линнея, склоняющийся вниз и влево – соответственно. *(прим. пер.: виноградная гроздь – герб королевы Франчески, птица – герб короля Бенедикта, цветок влево – герб принцессы Мириэль. Тут стоит добавить, что у принца Трейза тоже есть герб – цветок склонённый вправо. Но так как в Королевстве Икс по традиции у королевской семьи может быть только один ребёнок и он же будущий правитель, то второго от всех прячут и о нём никто не знает. Эта судьба постигла и саму «Франческу»)*

У двери на стене висела оружейная стойка с охотничьим карабином и большим пистолетом, оснащённым прикладом. Карабин был стандартной моделью, стоящей на вооружении армии Рокше. Пистолет же, напротив, представлял собой мощную модель, способную вести автоматический огонь.

Хотя на улице царила ночь, тающие снеговые заносы обманчиво ярко светились за обрамлённым кружевными занавесками окном. Над миром сияла полная луна.

Мужчина и женщина сидели на ковре перед мерцающим камином, прислонившись к большой пушистой подушке.

У мужчины в руках находился лист бумаги, с которого он только что зачитал текст женщине. Его заглавие гласило «Знакомство с Икс для туристического журнала Столичного Округа, черновик».

– Конечно же, необходима, Фи, если мои глаза меня не обманывают, – ответил Карр Бенедикт (герой фрески), и без единого сомнения поцеловал жену в щёку.

– Тогда, пожалуй, я ничего не буду менять. Всё кратко и по делу, – с улыбкой ответила королева Франческа, которая на самом деле была Фионой, сестрой-близнецом настоящей Франчески.

– В таком случае, не позднее чем завтра вышлем им ответ. Я позвоню в Столичный Округ, – произнёс Бенедикт на рокшенуксском языке, сворачивая бумагу и убирая её в нагрудный карман. – Ну а теперь, давай поговорим как муж с женой? У меня к тебе важный разговор, – прошептал он жене на ухо.

– Я тебя слушаю, дорогой.

– В общем... – начал Бенедикт, и морщинки вокруг его глаз стали заметнее, когда он улыбнулся. – Мне нужен самолёт. Не могла бы ты как-нибудь выделить на него бюджет?

– Хм-м... – взгляд Фионы обратился к потолку. – Но ведь у тебя их и так уже четыре штуки.

– Конечно, у нас дома... в смысле, у королевской семьи Икстовы уже есть четыре самолёта: один учебно-тренировочный биплан, один небольшой гидросамолёт и два наблюдательных самолёта, которые мы использовали для поиска прохода. Но Фи, разве тебе в голову больше ничего не приходит?

Фиона на десять секунд бросила пристальный взгляд в серые глаза Бенедикта, после чего отрицательно покачала головой:

– М-м... нет.

– Звучит невероятно, но у нас нет ни одного самолёта-амфибии!

– Чего?

– Фи, ты же знаешь, что такое самолёт-амфибия? Это такой самолёт, на котором мы при необходимости можем приводняться на озеро, а кроме того, можем использовать лёд замёрзшего озера в качестве взлётно-посадочной полосы. У нас нет ни единого самолёта подобного типа! Какой ужас! Что мы будем делать в случае чрезвычайной ситуации?

– Эм-м, летом мы можем пользоваться гидропланом, а зимой обычным самолётом, как мы всегда это делали.

– А-а... ну, да... но...

Фиона продолжала смотреть на него пристальным взглядом.

– Н-но ведь может случиться так, что нам придётся взлетать либо с взлётно-посадочной полосы, либо с воды. Мы же не знаем, что именно может произойти! Например, когда мы нашли проход в начале года! Если бы мы взяли гидросамолёт, то не смогли бы приземлиться в долине. А самолёт-амфибия очень пригодится экспедиции летом. Что может быть удобнее него?

– Неужели это действительно твоя единственная причина? Мы ведь уже давно знаем о предстоящей экспедиции. Так почему ты заговорил о самолёте-амфибии только сейчас?

– Эм-м...

– Бенедикт.

– ...По правде говоря, я получил телеграмму от авиапроизводителя, который работает с нашим другом. Из-за сокращения военного бюджета у них осталось не реализовано несколько единиц новейшей модели. Они не смогли заставить себя уничтожить аппараты, над созданием которых так усердно трудились. Поэтому они готовы предложить их Икстове по сниженной цене.

– Я так и знала. Всё то же самое, что и с этими нелепыми наблюдательными самолётами.

– Ну-у, да. Только эти два были нам предложены майором Травасом – Вильгельмом Шульцем.

– Интересно, как он сейчас? Он сказал, что собирается бросить работу в посольстве. Это значит, что он уходит и из армии? Он, наконец-то, женится на Аллисон и будет жить со своей семьёй в Рокше? Такое возможно?

– Я уверен, что какими бы ни были трудности, они двое обязательно одержат победу. Вил – удивительный человек.

– Да. Он словно волшебник. Волшебник, который изменил весь мир и всю мою жизнь... – Фиона замолчала, погрузившись в воспоминания.

Бенедикт вернул разговор в прежнее русло:

– Гхм, давай продолжим наш разговор. В этот раз они связались уже непосредственно со мной. Они предлагают один самолёт-амфибию и запасные детали к нему. Они готовы доставить его незамедлительно. А что касается цены, то они по-дружески дают нам скидку... – Бенедикт принялся пальцем на полу выводить сумму.

– Дорогой.

Фиона отодвинулась от подушки и села напротив мужа.

– Я слушаю? – спросил Бенедикт.

Тон голоса у Фионы был серьёзный:

– Ты – пилот, и я понимаю, что тебе хочется летать. Это твоя неотъемлемая часть. Мне тоже нравится летать с тобой. Это напоминает мне наш первый совместный полёт с тобой в кресле пилота. Но у нас уже есть целых четыре самолёта.

– А. Ну, да... есть.

– И я прекрасно понимаю, что ты хочешь помочь товарищу в его нужде. Этим можно гордиться. Но нельзя же просто так купить самолёт, словно то подбираешь на улице бродячего котёнка. Разумеется, мы можем себе позволить эту покупку, однако значительную долю финансирования придётся покрыть за счёт налоговых поступлений от населения.

– Д-да, ты права.
– Но я не хочу отвергать столь редкую просьбу моего мужа.
– Правда? Ох, Фи.
– Поэтому у меня есть встречное предложение.
– Какое? Тебе нужна компенсация? Я сделаю всё, что угодно. Я буду лучшим мужем и лучшим отцом из всех тех, которые преданно служат королеве! – заявил Бенедикт, прикладывая руку к груди.

– Замечательно, – с улыбкой произнесла Фиона. – Что скажешь насчёт того, чтобы купить несколько фотоаппаратов? Я подумываю насчёт пяти штук.

– Подожди, пожалуйста. Пять это слишком много.
– Они стоят дешевле самолёта.
– Когда ты покупаешь самолёт, тебе потом несколько лет не надо его менять.
К тому же, у них совершенно разные размеры.

– Но я хочу фотоаппараты столь же сильно, как и ты свой самолёт.
– У тебя их уже много.
– А у тебя уже четыре самолёта.
– Они предназначены для различных целей. Можешь считать их совершенно разной техникой.

– Так ведь и фотоаппараты существуют для разных целей. Мне нужен маленький, чтобы носить его повсюду с собой, и большой – для эффектных пейзажных снимков. Можешь считать их совершенно разной техникой.

– Но...
– Что ты на это скажешь?
– Ты права, но...
– Вот и подумай об этом...

Бессмысленный спор продолжался до полуночи, к тому времени семейная пара была уже совершенно измотана.

– Давай прекратим наш спор. Мы можем купить и то, и то!
– Ты права. Незачем спорить по таким мелочам. Можно купить и самолёт-амфибию, и фотоаппараты!

В конце концов, королева и её супруг договорились выжать из бюджета деньги на желаемое, и скрепили своё перемирие поцелуем.

– Кстати, как ты думаешь, у нашего сына Трейза в Столичном Округе всё хорошо?

– Если так подумать, то – да. Я думаю, он в порядке.

И их мысли обратились к сыну, который буквально в начале этого месяца поступил в старшую школу Столичного Округа.

Глава 3 – Лилия и Трейз

Десятый день четвёртого месяца 3306-го года по Всемирному календарю.

Столица Рокше располагалась в северо-восточной части континента. Столицу заложили при создании Федерации достаточно далеко от границы и любого побережья, с которого враг мог бы нанести внезапную атаку.

Город размером примерно 30 километров в диаметре был известен под названием Особый Столичный Округ. Он был независимым образованием и не принадлежал ни единому региону Рокше. И само слово «столица» в рокшенуксском языке относится именно к Столичному Округу, а не к столичному городу какого-либо региона Федерации.

Инфраструктуру города продумали до мелочей, так как он был образован на пустом месте, а не на территории какого-либо существовавшего ранее поселения. Ключевые правительственные здания образовывали ядро города, вокруг которого располагался деловой район, а тот, в свою очередь, уже окружал жилой район.

Город представлял собой разросшийся мегаполис, в котором повсюду доминировали коричневый кирпич зданий да чёрный асфальт дорог, и лишь изредка в парках встречались островки зелени. Для Рокше, земли бескрайних зелёных равнин, это было непривычным зрелищем.

Столичный Округ был крупнейшим городом Рокше, с наибольшим числом жителей и самой высокой плотностью населения. Он являлся центром восточной культуры и вызывал восхищение у тех, кто жил за его пределами.

На окраине города, по направлению на девять с половиной часов располагалась 4-я Столичная старшая школа.

Ученики возрастом от двенадцати до восемнадцати лет посещали данную школу с целью дальнейшего поступления в университет. Как нетрудно догадаться по её названию, 4-я Столичная старшая школа стала четвёртой школой, построенной в Столичном Округе, а численность её учащихся превышает тысячу человек.

Школьную территорию с каждой стороны примерно шестьсот метров окружали многоквартирные жилые дома. На территории школы располагалось множество учебных корпусов, большое спортивное поле, спортивные залы и школьное общежитие. Все постройки были размещены частью упорядоченно, а частью в беспорядке.

В этот тёплый день дул лёгкий западный ветерок, и небо было слегка затянуто облаками.

Две школьницы в зелёной униформе и весеннем пальто шли по двору 4-й Столичной старшей школы.

У одной девочки были длинные каштановые волосы.

У второй – чёрные волосы были собраны по бокам в хвостики.

Девочка с каштановыми волосами что-то сказав улыбнулась и протянула своей подруге фотографию.

Девочка с хвостиками посмотрела на изображение. Три секунды спустя она потеряла сознание.

Девочка с каштановыми волосами запаниковала.

– Трейз, а ну колись! Кто эта загадочная «Хильда с поезда»?!

Дело происходило вечером того же дня в пустом классе.

– Да ну тебя, Лилия. Штрауски наверняка тебе уже всё рассказала. И не могла бы ты постараться вспомнить, что три моих ребра ещё не зажили?

Девочка с каштановыми волосами, которую мы уже видели ранее, вцепилась в воротник черноволосого мальчика.

На обоих была школьная форма: зелёные пиджаки, а также юбка и брюки соответственно.

Мальчика звали Трейз Бэйн.

Он перевёлся в школу и заселился в общежитие на второй день месяца – восемь дней назад. Ему было семнадцать лет. Благодаря регулярным физическим упражнениям он имел стройное, но крепкое телосложение. На его левом запястье красовался хронограф.

Девочку звали Лилия Шульц.

Ей было шестнадцать лет, и училась она в десятом классе. Её каштановые волосы каскадом спускались до пояса.

«Лилия Шульц» было сокращённой формой её имени, которую она предпочитала использовать, тогда как официально её звали «Лилианна Айкасия Коразон Уиттингтон Шульц». По любым меркам это было до неприличия длинное имя.

Пустой класс наполняли вечерние сумерки.

Класс располагался на последнем этаже учебного корпуса, а Лилия и Трейз сидели у окна – как можно дальше от коридора. Шторы были задёрнуты наглухо, дабы со двора никто не мог их увидеть.

Ситуация почти напоминала романтическое свидание, но реальность была не столь сладкой.

– Гхм... хорошо. Не могу же я тебя допрашивать, когда мы оба стоим, – сказала Лилия, медленно разжимая кулак. – А теперь садись!

– Это приказ, моя госпожа? И как долго продлится допрос? Мне надо вернуться в общежитие навёрстывать программу, – пожаловался Трейз, явно выказывая своё недовольство.

Лилия стрельнула в него взглядом:

– Это будет зависеть от ваших ответов, Ваше Высочество.

– Пожалуйста, не называй меня так. И перестань вести себя так официально, моя госпожа, – взмолился Трейз, снимая стул с парты, переворачивая и садясь на него.

– Ладно, – Лилия заняла место напротив него и расправила волосы так, чтобы они ниспадали на спинку стула. Она выглядела чрезвычайно недовольной. – Я не буду тебя так называть. Я не буду звать тебя «Ваше Высочество» в школе. Ясно?! И вне школы тоже не стану! Ты просто Трейз. Всегда им был и всегда будешь! – прошипела она на языке, на котором происходил весь их разговор – на безельском.

По лицу Трейза расплылось облегчение. Он улыбнулся и приложил руку к груди.

«Трейз Бэйн» было вымышленным именем. Официально же он именовался «Трейз Икстовский». Это имя он получил, так как являлся одним из немногих людей в мире, кому дозволялось прибавлять титул «Икстовский» к своему имени.

Официально королевская семья Икс состояла из королевы Франчески, её мужа – господина Бенедикта, а также их так называемой *единственной* дочери – принцессы Мериэль.

Трейз был братом-близнецом Мериэль (они всегда спорили, кто из них первый появился на свет) и сыном королевы Франчески. Но из-за древнего правила королевской семьи, о его рождении объявлено не было. Однако это правило было введено лишь для того, чтобы сохранить тайну Икстовского прохода. Теперь же, когда проход стал известен всему миру, в соблюдении этого правила больше не было необходимости. Возможно, когда-нибудь о существовании Трейза будет объявлено для всех.

Но на данный момент о нём официально знали только королевская охрана, ведущие политики Рокше да королевская семья СоБеИль, с которой икстовская королевская семья поддерживала связь.

Аллисон Шульц, как давняя подруга королевы Франчески, естественно, тоже была в курсе. Ну а Лилия Шульц, дочь Аллисон и подруга детства Трейза, только недавно влилась в ряды этой привилегированной группы избранных лиц – и сделала это с невероятным шумом. *(прим. пер.: эта сцена изображена в девятой главе шестого тома «Лилия и Трейз»)*

– Никто мне не поверит, если я начну всем говорить, что «этот таинственный переведённый новичок на самом деле принц одного отдалённого королевства». Звучит как плохая радиопостановка! – воскликнула Лилия.

– Как жестоко с твоей стороны, – вздохнул Трейз и надул щёки.

– И все начнут думать, что я безнадёжная романтическая натура!

– А-а, ну да.

– Сейчас не время для «а-а, ну да»!

Некоторое время Трейз спокойно отвечал на ярость Лилии, позволяя ей выпустить пар.

– Значит, девушка на фотографии это принцесса Матильда Безельская? Первая претендентка на трон?

– Да.

– Ох-х! Если бы я только знала заранее, то не показала бы фотографию Мэг! Она совершенно помешана на королевской семье... Ты хоть представляешь, как мне трудно было выкрутиться из всей этой истории?!

– И как ты выкрутилась?

– Я использовала весь свой пожизненный запас слова «совпадение»! Я даже наврала ей, что ехала на поезде из порта Уоттс! Да я никогда не была в этом самом порту Уоттс!

– А-а, это из её ложного маршрута, о котором специально объявляли? – понимающе кивнул Трейз.

Согласно официальной программе визита принцессы Матильды в Рокше в прошлом месяце, принцесса направилась из Столичного Округа в порт Уоттс на поезде, откуда она затем вернулась домой на боевом корабле.

Однако принцесса в порту Уоттс была двойником. Настоящая принцесса Матильда посетила Королевство Икс, а затем отправилась на север поездом вместе с Трейзом и их телохранителями – группой майора Траваса – во время которого попала в определённое происшествие. *(прим. пер.: за подробностями можно обратиться к пятому и шестому томам «Лилия и Трейз», либо же к последним сериям аниме «Аллисон и Лилия»)*

– Я вынуждена была ей сказать «вообще-то мне не разрешалось сделать фотографию, но мне удалось получить особое разрешение, хотя вообще-то делать её нельзя, так что, пожалуйста, никому о ней не рассказывай»!

– Как много у тебя «вообще-то» во фразе.

– И по чьей вине, как считаешь?

– Хорошо-хорошо, я извиняюсь.

– Как бы то ни было, я думаю, мне удалось убедить Мэг. Честное слово, я там чуть не поседела... – Лилия облегчённо выдохнула. – Трейз...

– Да?

Лилия наклонилась к нему поближе и снизила голос:

– Я хочу кое-что прояснить. За исключением меня, мамы и майора Траваса кто ещё в Столичном Округе знает о тебе? А ну колись.

Она требовала, чтобы Трейз раскрыл государственную тайну. Но он без колебаний подчинился.

– Посмотрим... Несколько высокопоставленных чиновников из правительства Рокше. Хотя я не уверен точно насчёт их числа и ранга. Конечно же, президент. Я с ним встречался, перед тем как сюда перевестись. Довольно приятный мужик.

– През... Ладно, проехали. Не похоже, что он когда-нибудь приедет в нашу школу. Кто ещё?

– Двое из королевской охраны. Это живущая в Столичном Округе семейная пара. Прямо сейчас они находятся в арендованной неподалёку квартире. Если пока я здесь учусь со мной что-нибудь случится, то они заявят, что являются моими дальними родственниками и будут выступать в роли моих законных опекунов. Также они заботятся и о моём мотоцикле.

– Значит, два охранника. Поверить не могу, что ты притащил сюда мотоцикл.

– Ну-у в смысле, я же не очень хорошо знаю Столичный Округ, а мне как-то надо передвигаться по городу...

– К твоему сведению, большинство обычных старшеклассников сами за рулём не ездят! Пожалуйста, не ездь на мотоцикле в школу или куда-то ещё в школьной форме. Это, конечно, не против правил, но ведь ты же выделяешься как прыщ на носу! Хотя, ты можешь кататься за городом.

– Я это запомню – не приезжать в школу на мотоцикле.

– А что насчёт твоего королевского кулона? Тебе надо переодеться на физкультуру вместе со своими одноклассниками. А ещё у нас в школе проводят уроки плавания, – пояснила Лилия, становясь более серьёзной – и взволнованной – чем ранее.

Членам королевской семьи Икс было положено всегда носить золотой кулон в качестве доказательства своего статуса. На таком кулоне был выгравирован персональный королевский герб владельца.

– Здешний народ вероятней всего не разбирается в королевских гербах и тому подобном, но всё же... – Лилия прервалась. Как и большинство людей за пределами Икс, она не узнала кулон, когда увидела его в первый раз.

– Спасибо, что так обо мне беспокоишься, – ответил Трейз с улыбкой на лице, – но это не проблема.

– Правда?

– Я знаю, что большинство старшеклассников – в особенности, парней – не носят ювелирные украшения. И я также знаю, что школа разрешает надевать украшения только по религиозным причинам. Поэтому я поговорил с мамой и получил у неё особое разрешение не носить кулон, пока я нахожусь здесь. Так что я оставил его в Икстове.

– Вот и славно. Значит, у тебя есть разрешение королевы... то есть, формально ты нарушаешь королевский этикет, но тебе это прощают?

– Ага. За нашу 400-летнюю историю впервые кто-то получает подобное разрешение.

Трейз, казалось, совершенно не осознавал масштаба полученного им послабления. Лилия недоверчиво покачала головой.

– Ну, хорошо. Полагаю, мне не стоит волноваться насчёт кулона, – затем она сделала паузу. – Ты же оставил своё оружие дома? Ты ведь не притащил в общежитие ради «личной защиты» дробовик или что-то ему подобное?

Задавая этот вопрос, Лилия полушутлила, но Трейз отвёл взгляд в сторону.

Лилия замерла.

– Ты же не...

– В-всё нормально.

– Каким образом?

– Оружие надёжно спрятано в моём сейфе вместе с патро...

Лилия не дала ему закончить фразу. Если бы кто-нибудь в этот момент находился в коридоре, то голос Лилии порвал бы ему барабанные перепонки:

– ТРЕЙЗ! Ты вообще собираешься жить как обычный школьник?!

Только после того, как солнце полностью зашло, Лилия, наконец, закончила посвящать Трейза в тонкости школьной жизни в старшей школе Столичного Округа и позволила ему вернуться в общежитие.

В вестибюле Трейз столкнулся с одноклассником и по совместительству старостой общежития, который помогал ему заселиться.

Староста был одет в школьный спортивный костюм и в данный момент направлялся на ежевечернюю пробежку по школьному двору. Он поздоровался с Трейзом и посмотрел на него удивлённым взглядом:

– У тебя всё хорошо? Ты выглядишь уставшим.

Трейз ответил именно тем образом, которому его только что научила Лилия:

– А, нет, ничего такого. Обычная личная пустяковая ерунда. Я просто немного устал. Не знаешь, до ужина ещё далеко?

– Уже скоро. Сегодня вечером подают стейк. Его готовят только два раза в месяц, и он очень вкусный. Поэтому очередь ожидается больше, чем обычно. А когда долго ожидаешь, то можешь получить свой заказ уже остывшим, так что советую либо занять очередь пораньше, либо прийти, когда она уже почти рассосётся.

Это был дельный совет. Трейз утвердительно кивнул головой:

– Спасибо за информацию. Ладно, пора заправить организм белком. Ой, но сначала надо бы прибраться у себя в сейфе...

И Трейз, пошатываясь, пошёл на свой этаж.

Его комната находилась в самом конце коридора на самом верхнем этаже здания. Каждый день подниматься и спускаться по лестнице было достаточно тяжело, но зато из его окна открывался потрясающий вид на школьные ворота, кольцевую дорогу за ними и окружающие школьную территорию многоквартирные жилые дома.

Глядя на удаляющегося Трейза, староста общежития ломал голову – что же могло довести его до такого состояния.

– Что же, полагаю, это не моё дело.

Но он быстро отмахнулся от этой мысли и пошёл дальше.

Три дня спустя прошёл весенний бал.

Организованное школой мероприятие было доступно только ученикам десятых классов и старше.

После вечеринки этого года вся школа только и говорила о паре, что вышла на танцпол первой. Они танцевали с невероятным мастерством, но в их движениях была странная, сбивающая с толку смесь враждебности и привязанности.

Глава 4 – Мэг и Серон, Ларри и Дженни, Наталья и Ник

Пятнадцатый день четвертого месяца.

После полудня тучи окончательно рассеялись, и тёплые лучи солнца окутали школу.

– Ещё никого нет? Как необычно.

Серон Максвелл первым появился в комнате клуба журналистики.

Старое здание на окраине школьной территории, в котором находилась клубная комната, рано опустело, так как его не использовали после окончания занятий. В то время как новые корпуса наполнялись голосами, это здание оставалось в полной тишине.

Комната клуба журналистики располагалась на первом этаже упомянутого здания. Некогда бывшая обычным классом, теперь она представляла собой самое роскошное помещение в школе.

Комната была разделена на две части, одна из которых являлась проявочным помещением. В нём были наглухо занавешены окна и установлена дверь, чтобы ни единого луча света не проникало внутрь. Всю работу по перестройке проводили профессионалы. Внутри проявочная комната содержала в себе всё необходимое оборудование для того, чтобы фотограф мог сам проявлять и печатать фотографии.

Обстановку другой половины бывшего класса составляли пара дорожных диванчиков, кофейный столик и два кресла. Этого было достаточно, чтобы устроить чайные посиделки на восьмерых человек. Из всех объектов на школьной территории, только столовые и вестибюли могли похвастать тем же.

В углу комнаты располагались варочная плита и раковина, а рядом – сушилка для посуды с чайным сервизом на ней.

Рабочие парты и стулья по краям комнаты были намного крепче и дороже, чем аналогичные в учебных классах. Окна комнаты украшали два комплекта штор: один из красивого кружева, а другой – из более плотного материала.

Наиболее необычным из всех предметов обстановки был телефонный аппарат. Далекое не каждая семья могла себе позволить данный предмет роскоши. Но для клуба журналистики не было практически ничего невозможного.

...По какой-то причине в комнате находился и большой чехол для гитары.

Серону Максвеллу было шестнадцать лет, и учился он в десятом классе.

Из родственников у него были младшая сестра двенадцати лет и мать, которая управляла самым успешным в Рокше бизнесом по производству замороженных продуктов. Так как его родной город располагается достаточно далеко от Столичного Округа, то с самого первого года обучения в старшей школе он проживал в общежитии.

Обладая привлекательной внешностью и светлым умом, а так же вежливой манерой поведения, Серон был почти идеален – его и правда часто приглашали на свидания, – но долгое время его мучал один недостаток: он не мог признаться

в любви предмету своих вздыханий. Но два месяца назад, во втором месяце года, он преодолел множество трудностей и проблема, наконец, была решена.

Признание всей его жизни по недоразумению обернулось свадебным предложением века. Но Серон не видел необходимости исправлять эту счастливую ошибку, и так и оставил всё как есть.

В результате он заполучил не просто девушку, а невесту.

Хотя в его жизни после этого мало что поменялось. Он по-прежнему ходил на занятия, усердно учился и уделял время клубной деятельности – всё, как и раньше.

Отчасти причина заключалась в том, что его невеста тоже состояла в том же клубе.

Серон снял пиджак и повесил на вешалку, затем он распахнул шторы и открыл окна.

Благодаря централизованному круглосуточному отоплению в клубной комнате было тепло. Серон выждал, когда свежий воздух заполнит комнату, после чего снова закрыл окна, дабы не стало холодно.

Затем он наполнил чайник водой на шесть кружек и поставил его на плитку кипятильщика. Время пролетело в тишине, покуда свист чайника её не нарушил.

– Привет! Серон, ты один? Тогда получается, что я второй.

В комнату вошёл Ларри Хепбёрн.

Ларри был лучшим другом Серона с самого первого класса старшей школы. Он тоже учился в десятом классе, но лет ему было всего пятнадцать, так как до его дня рождения оставался ещё месяц.

Он являлся обладателем коротко стриженных светлых волос и голубых цвета неба глаз. А благодаря ежедневным тренировкам, у него было крепкое телосложение. Вот только роста он был для своего возраста слегка низковатого, и сей факт его несколько смущал.

Будучи вторым сыном в семье знаменитых военных, он и сам мечтал в будущем поступить в Военную академию, как и все остальные мужчины в его роду. Но, к сожалению, за пределами спортивного зала его оценки оставляли желать лучшего.

– Привет, Ларри. Как дела?

– Как всегда отлично! А у тебя?

– Ежедневная пробежка творит чудеса с моим сном. Я чувствую себя более отдохнувшим, чем когда-либо. Кстати, не дождавшись тебя, я вскипятил чайник.

– Спасибо. Остальное я беру на себя!

Ларри, на которого была возложена обязанность заваривать чай, и который справлялся с этим лучше всех, снял пиджак и повязал кухонный фартук. Чтобы не мешаться у него на пути, Серон присел на край одного из диванов.

Ларри подогрел заварник, добавил в него чайные листья, налил горячую воду, дал заварке настояться и мастерски завершил все приготовления.

– Добрый день. Сегодня только вы двое? Как я вижу, комната полностью в мужском распоряжении.

В клубную комнату вошёл обладающий женской внешностью Николас Браунинг.

У него были длинные волосы, изумрудные глаза и стройная фигура с чертами скорее женственными, чем мужскими. Если бы не школьная форма, его легко можно было бы принять за девочку.

– Привет, Ник. – Добрый день.

Ларри и Серон одновременно с ним поздоровались. Ник бросил Ларри короткий кивок и повернулся к диванам.

У каждого члена клуба было определённое место. Существовало негласное правило, что мальчики сидели с одной стороны кофейного столика, а девочки с другой. Ник сел на противоположном от Серона конце мужского дивана.

Ларри налил три кружки чая и расставил остальные три, затем снял фартук и занял единственное оставшееся место на диване.

– Спасибо, Ларри. – Мы всегда ценим твои старания.

Серон с Ником принялись за чай.

– Да не за что, – кивнул Ларри и тоже поднял свою кружку.

Каждому члену клуба также полагалась и своя собственная кружка. У Ларри была самая маленькая, разрисованная миленькими розовыми цветочками кружка.

Мальчики расслабились, погрузившись в аромат чая и наслаждаясь превосходным вечером.

– Это же наше первое собрание после весеннего бала? Тот вечер, должен сказать, оставил приятное впечатление, – заметил Ник. Серон утвердительно кивнул головой.

– Ещё бы! – усмехнулся Ларри, с явным удовольствием наблюдавший в тот вечер, как Серон танцует с Мэг. – Хотя я не уверен, что хочу вспоминать о том, как сам оказался на танцполе. Кстати, та пара, что вышла танцевать первой, была очень хороша.

Внезапно Ник чуть подался вперёд:

– Да! Насчёт них, – он сделал паузу. – Прошу прощения. Наверное, я должен отложить этот разговор, пока остальные не подошли.

– М? Конечно.

Ларри кивнул и не стал спрашивать дальше. Вместо этого он спросил, не хотят ли они добавки. Серон утвердительно кивнул головой.

Клубная комната была забита сладостями к чаю, но так как одна девочка приходила в чрезмерное негодование, когда мальчики начинали есть без неё, то они решили просто наслаждаться чаем без ничего.

– Йо, парни. Я смотрю, вы кусняшки ещё не доставали. Моё почтение.

Та самая девочка – Наталья Штейнбек – вошла в клубную комнату.

Она была высокого для девочки роста, с длинными каштановыми волосами, убранными в аккуратную причёску, и овальными очками. Наталья также была известна тем, что всегда надевала чулки или колготки под юбку. Как и остальные присутствующие, она училась в десятом классе.

– Да потому что если мы начинаем без тебя, то ты всегда закатываешь сцену, Ната, – пробубнил Ларри. Когда-то он был её соседом по дому и другом детства, но до их встречи прошлым летом он почти совсем о ней забыл.

Ларри был единственным, кто называл Наталью по её детскому прозвищу – Ната.

– Привет, Нася. – Добрый день, Нася.

Все остальные называли её Нася.

Сегодня к чаю полагались хрустящие вафли из знаменитого универмага. Наталья сняла с полки жестяную коробку и сорвала с неё упаковочную плёнку.

С глухим стуком она поставила её на стол. Заваривая девочке чай, Ларри неодобрительно покачал головой.

– А нельзя было их как-нибудь разложить на тарелке, чтобы... ну, не знаю... выглядело повкуснее?

– На моём уровне подача еды – это что-то вроде оптического обмана. От подачи еда не становится вкуснее. Мир делится на два типа еды – хорошую и не очень. Разница видна как день и ночь. Это прямо как Рокше и СоБеИль.

– Спасибо за бесполезное крупномасштабное сравнение. Держи свой чай, – произнёс Ларри. Наталья сердито нахмурилась.

– А нельзя было подать чай с бóльшим шиком? Например, «вот Ваш чай, моя госпожа».

– Хорошо быть тобой, Ната. Ты кроме как набить себе желудок больше ни о чём другом не думаешь.

Четверо членов клуба журналистики наслаждались чаем с вафлями, когда подошли остальные.

– Привет. – Мы пришли.

Первой из вошедших была Дженни Джонс. Ей только недавно исполнилось шестнадцать лет, и она, как и остальные, училась в десятом классе.

Дженни была миниатюрной, с короткими рыжими волосами и большими глазами – ну словно маленькое животное. Она была дочерью семьи, владевшей компанией «Джонс Моторз» – крупнейшим автопроизводителем в Рокше, – и состояла президентом школьного клуба журналистики. Именно она оплатила всё роскошное оборудование для клубной комнаты.

Дженни сняла с плеча кожаную сумку с фотоаппаратом внутри и осторожно поставила её на рабочий стол.

Последним членом клуба была Штрауски Мэгмика.

Она обладала светлой кожей и длинными чёрными волосами, завязанными в хвостики по бокам головы. Мэг была единственным членом клуба, кто родом происходил из СоБеИль. Так как после переезда в Рокше она пропустила один учебный год, то сейчас ей было семнадцать лет, и она стала самой старшей среди своих одноклассников.

А ещё Мэг была невестой Серона.

Ларри поздоровался первым:

– Привет Жежо, Мэгмика.

«Жежо» было детским прозвищем Дженни. Хотя, Ларри был единственным, кто так её называл.

– Йо, шеф. Привет, Мэгмика.

Будучи вице-президентом клуба (по крайней мере, на бумаге), Наталья частенько называла Дженни «шефом».

– Добрый день, – кивнул Ник, потягивая чай.

Теперь наступил черёд Серона. В первую очередь он поздоровался с президентом:

– Привет, Дженни.

Затем он повернулся к своей давней возлюбленной, а теперь невесте:

– Привет, Мэг.

Его приветствие не сильно отличалось от других. Но он был единственным, кто назвал её по прозвищу – Мэг.

– Добрый день.

И единственный, кого она приветствовала с широкой улыбкой, был Серон.

До клубной комнаты доносилось, как где-то вдалеке тренировались спортивные клубы.

– Мне бы хотелось как можно скорее приступить к выпуску следующего номера, – произнесла Дженни, опустошая кружку.

Клуб журналистики обычно расклеивал свою газету на стенах школы.

В прошлом бурная деятельность Дженни и её скандальные статьи привели к сокращению численности членов клуба, в результате чего она в конечном итоге осталась в нём одна. Клуб журналистики лишили официального статуса (хотя ему всё же удалось сохранить за собой клубную комнату), так что Дженни пришлось работать в одиночку и расклеивать газету партизанскими методами, после чего учителя её неизменно срывали со стен.

Но теперь клуб насчитывал шестеро членов и у него даже имелся куратор, что восстановило его статус. Газетные публикации больше не срывали со стен, если только они не мешали чему-то иному.

В последнем выпуске была опубликована статья школьника по обмену из Раптоа. В ней рассказывалось о жизни в Столичном Округе и о школе. Это был своего рода скромный путеводитель, который был довольно хорошо принят читателями.

– В связи с этим мне нужны ваши предложения.

На призыв президента никто не откликнулся. Именно в этот момент Ник дожевал и проглотил вафлю:

– Разрешите! Я хотел бы кое-что обсудить, – с улыбкой на лице произнёс Ник.

– Ага, опять задумал какую-то пакость? – ухмыльнулась Наталья. Ник посмотрел на неё с недоумением.

– Что бы это могло значить?

– Да мне просто захотелось это произнести.

– Не обращай на неё внимания, Ник, – сказал Ларри. – Так что у тебя на уме?

– Недавно ты сказал, что хотел бы кое о чём поговорить, – вторил ему Серон.

– Так о чем же?

– Вот именно. Так что позвольте мне начать, – сделав глоток чая, сказал Ник.

Глава 5 – Загадочный переведённый ученик

– Прошедший два дня назад бал был великолепен. Я и сам прекрасно провёл на нём время. Но что более важно – кто-нибудь из вас помнит ту пару, которая первой вышла на танцпол? Ту самую, что продемонстрировала свои невероятные танцевальные навыки.

– Конечно! – воскликнула Мэг, поднимая руку.

Серон тоже утвердительно кивнул головой:

– Они мои одноклассники. А парня я частенько вижу в общежитии.

Следующим ответил Ларри:

– Да. Серон мне о них рассказывал.

– Я тоже их знаю, – произнесла Дженни. – Только ни с кем из них никогда не разговаривала.

– Это подруга Мэгмики – Лилия Шульц, и переведённый школьник с которым она дружит. Кстати, как его зовут? Кажется, я где-то уже слышала его имя, – задумалась Наталья.

– Его зовут Трейз Бэйн, – сказал Ник, обводя взглядом остальных. – Он на год старше нас, но перевёлся в десятый класс.

– Прямо как Мэгмика, – заметила Наталья. Мэг кивнула.

– Так вот насчёт этого самого Трейза Бэйна – похоже, вокруг него немало загадок.

– Загадок?

– Да, Нася, загадок, – Ник поднял вверх левый указательный палец. – Поговаривают, что Трейз перевёлся к нам из Королевства Икс. Это сразу же порождает вопрос: почему? Икс располагается на самом западном краю Рокше, посреди Центрального горного хребта. Кроме того, мало кто в нашем возрасте осмелится бросить учёбу и перейдёт в другую школу. И, как уже отметил Серон, Трейз живёт в общежитии, а это значит, что он попал сюда не из-за внезапного переезда родителей. Любопытно, не правда ли?

– Да, – произнесла Дженни. – Это достаточно необычно. Чтобы найти себе старшую школу вовсе не обязательно пересекать половину континента. И даже если он действительно хотел поступить именно в старшую школу Столичного Округа, то должна быть причина, почему он выбрал именно нашу. Той причины, что он дружит с Лилией Шульц, недостаточно. Как много родителей разрешат своим детям переехать по такому поводу? Так, что ещё?

Ник поднял вверх большой палец:

– Серон с Мэгмикой, возможно, уже знают – ведь они его одноклассники – но Трейз Бэйн, похоже, весьма способный ученик. Прошу прощения за выражение, но для «неотёсанной деревенщины» из Икс ему, очевидно, не составляет труда успевать по нашей учебной программе. И это особенно впечатляет, учитывая, что вступительные экзамены и занятия в нашей школе достаточно сложные. Как ты считаешь, Серон?

– Согласен, – ответил Серон. Учащаяся с ним в одном классе Мэг не возражала.

Ник продолжил:

– К тому же он отлично развит физически. По словам одного знакомого, учитель физкультуры был поражён мастерством Трейза Бэйна на турнике. Тот выполнил подряд несколько гигантских оборотов, и лишь когда его попросили слезть, он отпустил снаряд и приземлился на ноги в нескольких метрах от турника. Говорят, после этого он спокойно прошёл обратно в строй, будто ничего необычного не произошло.

Глаза Ларри стали размером с обеденную тарелку:

– Да уж, вот это вестибулярный аппарат! Такой трюк не осилить, если тебя не переворачивали вверх тормашками тысячу раз. Как думаешь, может, он раньше в Икс занимался гимнастикой?

– Такое, безусловно, возможно. Но будь оно так, он бы уже давно присоединился к гимнастическому клубу. К тому же, история на этом не заканчивается!

Ник был необычно для него возбуждён.

– Что ещё случилось? – поинтересовался Серон.

– Далее учитель попросил его продемонстрировать другое упражнение. Боюсь, я не знаю его название, но для его выполнения требуется активная работа верхней частью тела. Однако Трейз Бэйн отказался, заявив: – Ник сделал драматическую паузу. – «Мне очень жаль, но я недавно сломал рёбра и теперь должен подождать, пока они не заживут».

На клубную комнату опустилась тишина.

– ...То есть, ты имеешь в виду, что он вышел танцевать со сломанными рёбрами? Ничего себе.

– Кстати говоря, – подал голос Серон, – я припоминаю, что слышал что-то подобное в начале триместра, когда Трейз представлялся классу.

Лилия тогда шмякнула Трейза о школьную доску, пригвоздила его к ней и принялась трясти за воротник. Если у него уже были сломаны рёбра до этого момента, то поступок Лилии был воистину жестоким.

Ни Серон, ни Мэг не стали раскрывать остальным присутствующим эту её безжалостную сторону.

– Значит, его рёбра начали заживать. Но это всё равно сумасшествие. Даже если забыть о боли... что если бы он упал с турника и снова поранился? Если у него сломаны рёбра, то они могли бы проткнуть ему лёгкие. Неужели ему не страшно? Или может он просто хорошо себя знает и уверен в своих силах, потому что уже сталкивался с чем-то ещё более страшным и одержал победу, – предположила Дженни, показывая редкое для неё почтение. – Но в любом случае, это исключает его гимнастическое прошлое из списка возможных вариантов.

– Это почему, шеф?

– Профессионал никогда не пойдёт на такое безрассудство.

– Ага, – утвердительно кивнула Наталья. Ник продолжил:

– Это ещё не всё. Трейз Бэйн проявил свой талант в беге на короткие и длинные дистанции, в плавании и во всех остальных видах спорта. Все до единого школьные спортивные клубы решительно настроены его заполучить. Хотя ему каким-то образом удаётся до сих пор от них ускользать.

– Я частенько вижу его в общежитии, – произнёс Серон. – И он всё время учится. После окончания уроков он запирается в комнате самообучения. По нему сразу видно, что он старательный.

– В точку. Прилежный ученик, который никогда не останавливается на своём пути самосовершенствования. Он воистину целеустремлённый человек, раз его даже не прельщают развлечения, которые может предложить Столичный Округ, – подтвердил Ник. – Дамы и господа! Пред нами талантливый и серьёзный школьник по обмену. Он окутан тайной, а появление и цели его неизвестны. Кто же, скажите на милость, этот загадочный юноша?!

В сочетании с великолепной игрой Ника, это театральное заявление получилось на редкость мелодраматичным.

– И какое твоё мнение? – поинтересовалась Наталья, беря ещё одну вафлю. Она оставалась единственной за столом, кто всё ещё ел.

– Отличный вопрос, Нася. Моё предположение такое... – произнёс Ник, прикладывая руку к груди. – Переведённый школьник Трейз Бэйн... мордерка! *(прим. пер.: так как у меня нет японского подстрочника, то могу только предположить, что английский переводчик взял игровой слэнговый термин, который происходит от слова «murderer», то есть, «убийца»)*

– Чего? – Наталья удивлённо вскинула брови. Ник слегка поник.

Серон бросил взгляд в сторону Мэг. Судя по всему, она не горела желанием что-либо говорить, поэтому Серон взялся объяснять вместо неё:

– «Мордерка» это безельское слово, характеризующее определённую вооружённую группу людей. Оно происходит от их понятия «тайные наёмные убийцы». В прошлом мордерки работали в качестве шпионов и наёмников. Они не были похожи ни на спецподразделения, ни на прямых вассалов королей, ни на агентов разведки. Скорее они представляли собой нечто вроде наёмного отряда, целиком состоящего из людей одного клана или жителей одной деревни, которые нанимались на службу к тем, кто им заплатит – королям или военным – без разницы. В общем, кто-то вроде вольных рыцарей Рокше или странствующих наёмников. Разница лишь в том, что каждый отдельный мордерка это специально обученный боец. Даже сейчас исторические романы и фильмы часто изображают их самих и их сверхчеловеческие подвиги.

– Серон, другого я от тебя и не ожидал. Молодец, заслужил золотую звезду, – затем Ларри, который тоже немного знал о мордерках, повернулся к Нику. – Но я думал, что мордерки больше не существуют.

– Что же, вероятно уже не в прежнем масштабе. Однако, что если Трейз Бэйн – их потомок? Мне это кажется вполне правдоподобным, – ответил Ник.

– Ну не знаю... – пожал плечами Ларри.

– Теперь, когда ты об этом упомянул, – сказала Наталья, бросив взгляд в сторону Ларри, – а ведь Хепбёрны тоже в своё время были рыцарями-наёмниками, верно? Эй ты, потомок воинов.

Мэг с удивлением посмотрела на Ларри. Тот изобразил смущённый вид.

– Поверить не могу, как ты с твоим-то интеллектом такое запомнила, Ната. Должно быть, слышала это от моей или своей матери. Да, мы действительно были рыцарями-наёмниками, но это было очень давно. Наш родоначальник был

наёмником, и порой мы служили тому, кто платил больше. Но всё изменилось, когда 490 лет назад мы принесли клятву верности Венерусу Второму.

– Хватит с нас уроков истории, – перебила их Дженни, возвращая разговор в нужное русло. – Главное сейчас выяснить, является ли этот Трейз Бэйн мордеркой или нет. Дело в том, что он приехал из Иксовы, а это всё-таки регион Рокше. Как ты объяснишь, Ник?

– Совершенно верно, Икс принадлежит восточному блоку. Но ещё в начале этого года я разработал теорию, которая может подкрепить мою гипотезу. На самом деле то, что Трейз Бэйн из Королевства Икс, кажется мне дополнительным доказательством того, что он может быть потомком мордерки. Я бы вряд ли предположил это, если бы он, скажем, перевёлся к нам из Республики Раптоа.

– И что это за теория?

– Всё началось с объявления об открытии Иксовского прохода, которое доказало, что люди с древнейших времён могли пешком пересекать Центральный горный хребет. Я уже обсуждал это ранее с Ларри, и тогда предположил, что королевская семья Икс, скрывавшая существование перевала, возможно изначально жила на Западе и только потом перебралась на Восток именно через этот перевал. Следовательно, потомки мордерок вполне могут жить в Икс – пусть уже и не в качестве убийц, но всё ещё обладая навыками, передавшимися им от предков! – торжественно объявил Ник и отхлебнул чая.

– Хм-м. Всё понятно, – кивнула Дженни.

– Я не вижу здесь каких-то особых противоречий, – произнёс Серон, принимая во внимание тот факт, что теория Ника была лишь теорией и ничем больше.

– Я слабо во всём этом разбираюсь, но звучит круто. А ещё, у меня горло пересохло, – сказала Наталья и попросила у Ларри добавки чая.

Мэг как и прежде молчала.

Ларри подлил Наталье последние остатки из заварника.

– И что этот потомок мордерок делает в нашей школе? Не скрывают ли учителя от нас что-то важное? Например, клад или что-то в этом роде?

Вопросы Ларри имели под собой основу.

Ответ Ника же...

– Тут я могу сказать наверняка, что понятия не имею!

...был разочаровывающе уверенным.

Ларри недоверчиво покачал головой:

– Что же, всё это, конечно, звучит довольно интересно. Но что конкретно тебе надо от этого Трейза Бэйна?

– Ответ очевиден, Ларри. В каком клубе мы с тобой сидим?

– В клубе чаепития после занятий... в смысле, в клубе журналистике. То есть, ты хочешь, чтобы мы исследовали его личность и обнаружили, кто он такой и что делает в нашей школе?

– Совершенно верно.

– Хм-м... Что скажешь, Жежо? – спросил Ларри у Дженни, затем встал, чтобы вскипятить ещё чайник воды.

– Ну-у...

Дженни скрестила на груди руки и в своей обычной манере глубоко задумалась.

Всё это время Серон не сводил глаз со своей невесты. Она по-прежнему молчала, да и вообще, в ней чувствовалась какая-то нерешительность.

– Что же, – Дженни, наконец, прервала молчание, – полагаю, мы исчерпали все местные сплетни для работы. Так что нет никакой реальной причины этим не заняться. Я имею в виду – разгадать тайну Трейза Бэйна.

– Отлично! – воскликнул Ник. Но Серон подобным энтузиазмом не пылал:

– Но если Трейз и в самом деле мордерка и скрывает этот факт, то это значит, что он явно не хочет, чтобы о нём узнали посторонние. Неужели ты думаешь, что нам ничего за это не будет, если мы раскроем его личность?

Ответ Ника был чёткий и ясный:

– Настоящий мордерка не настолько прост, чтобы его могла раскрыть группа школьников. И даже если мы каким-то образом найдём такие доказательства, то вопрос о публикации этих материалов будет решать только Дженни.

Серон замолчал.

– Ты дьявол во плоти, Николас Браунинг. Ещё и умница, – Наталья повернулась к Дженни. – Что скажешь, шеф?

Последнее слово было за ней. Она утвердительно кивнула головой:

– Что же, начнём расследование завтра. Сначала по-тихому соберём все слухи, которые крутятся вокруг него. Постарайтесь не слишком высовываться – помните, мы не хотим, чтобы он узнал, что мы за ним следим. Старайтесь не спрашивать незнакомцев. Если повезёт, возможно, вы наткнётесь на того, кто знает что-то полезное. Действуйте осторожно. Следующее наше собрание будет через два дня на третий. Завтра и послезавтра я занята другими делами, так что после уроков пойду сразу домой. Такой план вас устраивает?

Это была впечатляющая демонстрация её лидерских качеств как президента клуба, и как главного редактора.

– Конечно. – Хорошо. – Как интересно!

Только одна Мэг ничего не произнесла. Он молча попивала остатки своего уже остывшего чая.

Серон молча на неё смотрел.

В этот день собрание завершилось ещё до захода солнца.

После принятия решения о расследовании личности Трейза, клуб перешёл к обсуждению других дел. Собрание клуба по итогу обернулось посиделками за чаем.

Дженни и Мэг, которых обычно забирали у кругового перекрёстка за школьными воротами, позвонили по клубному телефону своим личным водителям-телохранителям (они ожидали поблизости). Тем временем Ларри вымыл кружки и заварник, и поставил их на сушилку.

– Пора идти, – сказала Дженни, поднимая сумку с фотоаппаратом. – Кто-нибудь закройте шторы.

В последнее время клуб стал закрывать в комнате шторы, чтобы никто не мог заглянуть внутрь из центрального двора. В этот раз Ник вызвался выполнить эту работу.

– Погоди, Ник. Я сегодня задержусь, так что сам всё сделаю, – сказал Серон.

– О-о-о. Ты остаёшься? – протянула Дженни. Поскольку у неё не было возражений, она достала свой ключ и затем убрала его обратно.

– Мэг, мне нужно с тобой кое о чём поговорить, – произнёс Серон. – Это не займёт много времени. Я потом тебя провожу до ворот.

– Ух ты! Да ты смельчак, Серон! Теперь мне надо поискать место, откуда я за вами смогу понаблюдать. Не переживай, я не собираюсь вам мешать, – тут же отреагировала Наталья.

– Ната, замолчи... И не забудь закрыть дверь, – сказал Ларри. Он аккуратно свернул свой фартук и положил его на полку. Затем он напялил пиджак и вытолкнул остальных из клубной комнаты. – Всем пока.

На лице Мэг застыла причудливая смесь тревоги, разочарования и смущения. Всё это смешалось в выражении, которое она почти никогда не показывала.

Серон дождался, когда шаги одноклубников затихнут вдали, потом, наконец, заговорил:

– Прости, Мэг. Я обещаю, всё пройдет быстро.

– Д-да! Н-но! То есть! До свадьбы нельзя!

– Ха? Нет, эм, я н-не это имел в виду, – Серон отвёл взгляд в сторону и покраснел.

– Что? Как?

Мэг посмотрела ему прямо в глаза.

– Я о расследовании.

– А-а... слушаю.

– Я вижу, тебе не очень хочется заниматься делом Трейза.

– ...Как и следовало от тебя ожидать, Серон. Ты прав! – Мэг не скрывала своего гнева и нервозности. – Я против расследования Трейза. Он друг моей подруги Лилии, и у каждого есть секреты, о которых не хотелось бы, чтобы их знали другие.

– Да.

– Но в прошлый раз... я сама именно так и поступила. Я надавила на человека, загнала её в угол и вытянула у неё секрет. Я прямо и с гордостью утверждала, что я права.

– М-м.

– И как результат – я загнала её в угол. Поэтому я не думаю, что кому-то вроде меня, кто уже сам так поступил, позволено заявлять «вы должны остановиться».

– М-м.

Серон терпеливо слушал Мэг и кивал головой.

– Трейз – мордерка? В это совсем не верится. Хотя нет, я, наверное, была бы даже слегка счастлива, если бы он оказался неловким мордеркой, – грустно захихикала Мэг.

– Ты можешь ей всё рассказать, Мэг. Именно это я и хотел тебе сказать, – произнёс Серон, встретив взгляд девочки.

– Что? Рассказать кому? И о чём?

– Ты можешь рассказать Лилии Шульц о том, что клуб журналистики изучает Трейза.

Мэг молчала.

– Даже если остальные узнают о том, что информация утекла от тебя, я буду на твоей стороне. Я даже могу сказать им, что я тоже всё рассказал Шульц.

– ...Ты потрясающий человек, Серон. Я думаю, что ты можешь прочитать все мои мысли.

– Тебе не нужно колебаться в выборе между Шульц и клубом журналистики. У каждого человека есть пара секретов. Но на этот раз давай сделаем так, чтобы этот секрет стал только нашим с тобой.

– Вот это да, Серон, ты такой классный! – засияла Мэг, почувствовав, как у неё с плеч спадает ноша. – Тогда я потом позвоню Лилии! Я скажу ей, чтобы она передала Трейзу, чтобы он был осторожным! И он будет! Тогда вероятность того, что всё раскроется, станет намного меньше!

– Да. Хорошая идея, – уверенно кивнул Серон и посмотрел на свои наручные часы.

Когда он только поступил в старшую школу, мать подарила ему наручные часы фирмы «Уитфилд». Они стоили так дорого, что если их продать, то на вырученные деньги Серон может вернуться домой из любой точки Рокше.

– Не будем заставлять твоего водителя долго ждать. Давай закроем комнату и пойдём уже.

– Да! Но перед этим, скажи мне, пожалуйста, который сейчас час?

– М? Ты разве не...

Серон указал на левое запястье Мэг.

Мэг тоже носила роскошные часы фирмы «Уитфилд» – женскую версию тех, что носил Серон. Именно часы первыми пришли Серону в голову, когда его мать настоятельно попросила его подумать о предсвадебном подарке.

– Да! Я ношу часы! Они очень точные, но мне хотелось бы знать, сколько сейчас на твоих.

Слегка смущаясь, Серон назвал время по своим часам с точностью до секунды. Поскольку они были механическими, их часы могли отставать или убежать на несколько секунд в день.

– Спасибо! Я сейчас установлю себе время.

Мэг подвела свои часы, выставив время в точности по часам Серона.

– Вот! – вытягивая вперёд запястье, девочка улыбнулась.

Серон перешёл на безельский язык:

– Я не гарантирую, что у меня точное время. Тебя это устраивает?

– Да! – ответила ему Мэг на том же языке. – Мне нравится быть в одном времени с тобой!

Глава 6 – Всё беспокойство во мне пребывает

[Вы дозвонились в квартиру к Шульц!]

[Привет, Лилия. Прости, что так поздно беспокою.]

[Мэг! Об этом не переживай. Мама последние несколько дней сильно занята, и сегодня вечером она тоже задержится на сверхурочной работе.]

[Фу-х. Мне по-быстрому нужно тебе кое-что рассказать.]

[Правда? Что бы это ни было, ты можешь выкладывать. В последнее время так много всего случилось, что кажется, меня уже ничто не сможет удивить.]

[...и клуб журналистики собирается расследовать личность Трейза.]

[...]

[Лилия?]

[Уг-гу-у... Да. Ух ты! Гхм! Какой сюрприз! Да. Это реально шокирует!]

[Хм? Д-да. Прости, у меня не получилось их остановить.]

[Не извиняйся, Мэг. Это не твоя вина!]

[Ну-у, эм, я думаю у Трейза на самом деле нет никаких секретов, чтобы их раскрывать, но ты всё равно должна сказать ему, чтобы он вёл себя осторожно.]

[...]

[Лилия?]

[Д-да! Конечно же ему нечего скрывать! Ага! Спасибо, что предупредила, Мэг. Я ему передам!]

[Хорошо. Я сейчас тут кое-что придумала. Не знаю только, сработает это или нет...]

[М-м?]

[Может, вы с Трейзом придёте в гости к нам в клуб журналистики? Если вы поговорите с остальными членами клуба, то я уверена, что они прекратят его подозревать. И как только вы подружитесь, они тут же прекратят расследование. Мне следовало познакомить вас всех ещё на балу...]

[То-о-очно! Отличная мысль!]

[Я познакомлю членов клуба с вами, а ты познакомишь нас с Трейзом!]

[Х-хорошо!]

Мэг положила телефонную трубку.

– Помнится, ты говорила, что неприлично так поздно звонить кому-нибудь, – указал Курт, бросая на сестру неодобрительный взгляд. Курт был старшим из двух младших братьев Мэг. Йохан – самый младший – в это время уже находился в постели.

Штрауски Курту было двенадцать лет. Как и сестра, он обладал чёрными волосами и светлой кожей. Он выглядел – да и был таким в действительности – энергичным и общительным. В начале учебного года он поступил в 4-ю Столичную старшую школу, где училась его сестра, и теперь вместе с ней по утрам ездил на занятия.

Уровень знания рокшенуксского языка у Курта был намного лучше, чем у его сестры. Он говорил на уровне носителя языка, и даже дома, в кругу семьи, общался только на рокшенуксском.

– Ничего страшного! Это было по важному делу. Кстати, а ты почему ещё не спишь? Если будешь так стоять, то простудишься.

Курт только что вышел из ванны и на нём вместо пижамы были надеты футболка и шорты. Также мальчик полотенцем сушил волосы.

– Хорошо-хорошо. Ванна свободна, – произнёс он, доставая бутылку молока из холодильника и залпом выпивая три стакана подряд. Затем он убрал полупустую бутылку обратно на её место. – Спокойной ночи, – сказал он на рокшенуксском.

Но прежде чем покинуть гостиную, он задержался:

– А! – с ухмылкой на лице он повернулся к сестре. – Это же был братан Серон? Может, мне следовало быть более тактичным?

– Нет. Я разговаривала с Лилией.

– А-а, с героем. И насколько важное это твоё «важное дело»?

От Мэг последовал чёткий и твёрдый ответ:

– Извини, что разочаровываю тебя, но это вовсе не секрет государственного уровня. Спокойной ночи, Курт.

В этот день Аллисон Шульц вернулась домой только за полночь.

– Эх, вот бы эта объяснительная записка сама себя написала...

– С возвращением, мама. Держи, – поздоровалась Лилия и протянула своей уставшей матери чашку чая с дополнительной порцией сахара и молока.

– М? А-а, спасибо, дорогая.

Аллисон свалилась на диван, даже не удосужившись переменить военную форму на домашнюю одежду. Форма с самого основания ВВС Федерации имела грязно-красный цвет, чем всегда огорчала военнослужащих.

– Ты пишешь объяснительную из-за того, что угнала истребитель, чтобы меня спасти?

– Ага. Когда уже эти бюрократы из руководства подавятся своими бумажками...

– Мама, спасибо тебе, что меня спасла.

– Спасать своих детей это долг и обязанность каждого родителя, моя милая.

– С помощью авиационного пулемёта...

– Иногда и такое тоже необходимо. Спасибо за чай.

Лилия, которая в тот вечер нарочно не легла спать, задала матери важный вопрос:

– Знаешь, мне тут стало интересно. Что случится, если все узнают, кто такой Трейз?

Будучи невосприимчивой к горячей еде и напиткам (в отличие от кое-кого), Аллисон отхлебнула чай и, даже не моргнув, ответила:

– Хм-м. Скорее всего, эта новость станет крупнейшим скандалом года. Журналисты каждый день будут роиться у вашей школы, устраивая безумную суматоху. Всё-таки это секрет государственной важности.

– Ох-х-х... – простонала Лилия, вознося глаза к потолку.

Аллисон совершенно не подозревала о тяжёлом положении своей дочери.

– Какой вкусный и ароматный чай. Прямо идеально заварился, – лениво вздохнула она, держа в руках кружку с чаем.

На следующее утро.

К середине четвёртого месяца весна с каждым днём всё больше вступала в свои права. В этот день над Столичным Округом было ясное небо, и солнце пригревало по-весеннему.

4-я Столичная старшая школа постепенно оживала.

Спортивные клубы, закончив свои утренние тренировки, бросились к душевым в клубном здании.

Душевые комнаты никак нельзя было назвать плохо оборудованными, однако каждый день у кабинок возникала давка – школьники старались отыграть себе достаточное количество времени, чтобы как следует переодеться и потом успеть добраться до классов вовремя. Как правило, по всей школе всё работало по принципу «кто первый встал, того и тапки». Это касалось всех, и старшекласники не имели никаких преимуществ перед младшекласниками.

Кроме того, по всей школе то и дело встречались ученики, которые приходили рано по привычке, а не из-за участия в клубах.

Те, кто приходил на занятия заранее, старались прийти в школу пораньше, чтобы избежать суеты и толкотни у школьных ворот. Оставшееся свободное время они проводили за учёбой в классах, либо болтали с друзьями.

Тем временем в общежитии большинство школьников ещё завтракали в кафетерии. Многие из них даже ещё не переоделись в школьную форму. Поскольку им не нужно было преодолевать долгий путь до школы и продираться сквозь толпу у школьных ворот, у проживающих в общежитии утренняя рутина проходила гораздо спокойнее.

И всё же один из них решил выйти спозаранку.

Темноволосый мальчик в школьной форме, но без пиджака. А отсутствие свитера указывало ещё и на то, что он, вероятней всего, привык к холодной погоде. В руке школьник держал большой кожаный чемодан.

Серон заметил этого мальчика через двери кафетерия и проводил его глазами.

– Трейз? Что-то он сегодня рано собрался на занятия. И зачем ему понадобился чемодан? – удивился он. – Ну, думаю, мне не стоит забивать этим голову.

Серон направился к себе в комнату.

В то же время, как Серон добрался до комнаты, чтобы переодеться в школьную форму...

– Доброе утро, Лилия, – поздоровался Трейз и вошёл в класс. Внутри находился всего один человек. Девочка повернулась на голос.

– Ага, доброе.

– Хм?

Трейз замер на месте.

Под глазами у Лилии пролегли тёмные круги. Её обычно аккуратная причёска была в беспорядке.

Трейз присел рядом с Лилией.

– Что случилось?

– Ничего... хотя, на самом деле – нечто. Насчёт тебя.

– Меня? – удивлённо переспросил Трейз.

– Мне нужно с тобой поговорить. Насчёт того, кто ты есть на самом деле.

Это был не тот ответ, на который надеялся Трейз. Он обескураженно сник.

– Прости, что вытащила тебя так рано. Но мне нужно, чтобы ты кое-что узнал, – тихим голосом проговорила Лилия.

Трейз тоже понизил голос:

– Я живу в общежитии, так что ничего страшного. А вот тебе, наверное, было сложнее попасть в школу в такую рань. Так что случилось?

Поскольку в этом классе утренних занятий не проводилось, то их вряд ли могли побеспокоить другие ученики (если только кто-нибудь не заблудится). Но Лилия всё равно проявляла максимальную осторожность.

Каждый раз, когда за дверью раздавались шаги, они замирали. А в промежутках между паузами Лилия рассказывала Трейзу всё то, что слышала от Мэг накануне вечером.

– Всё понятно, – ответил Трейз, кивая снова и снова. – Спасибо, что переживаешь за меня.

– Э-это не то, чтобы я переживаю! Просто... ну, ты знаешь!

– Нет, не знаю.

– Да всё ты знаешь! Это... ну... будет плохо, если народ о тебе узнает! Так что будь осторожен с клубом журналистики! И перестань так сильно выделяться!

– Хорошо-хорошо. Но я и в самом деле думаю, что тут не о чем волноваться...

По мнению Лилии, ответ Трейза прозвучал слишком равнодушно. Она нахмурилась.

– Почему нет? Тебе стоит быть осторожным!

– Но, – привёл аргумент Трейз, – у них нет никаких доказательств.

– Что?

– Ну, ты знаешь, отсутствие доказательств. У них нет подтверждения того, что я... ну, ты понимаешь, – объяснил Трейз, старательно избегая фразы «принц Икстовы». – Пусть допрашивают меня сколько угодно, но я просто ничего им не скажу. Возьмём самый невероятный пример: даже если бы кто-то из осведомлённых – вроде тебя – им рассказал, то я бы просто всё отрицал и потребовал бы прямых доказательств.

Лилия застыла на целых десять секунд. Затем, наконец, она произнесла:

– Ты п-прав! – она энергично захлопала в ладоши. – Точно. У них нет доказательств.

Лилия с облегчением выдохнула и откинулась на спинку стула. Она посмотрела в потолок.

– Всё это беспокойство – зря. Какая же я глупая.

– Что самое интересное – это довольно круто, что они считают меня мордеркой! Может, мне просто стоит им сказать, что это так и есть?

– Ты дурак?!

– Я вполне допускаю, что навёл шума в спортивном зале. Поэтому впредь постараюсь так сильно больше не выделяться.

– Очень сильно тебя прошу. И ещё...

– М?

– Кажется, я, наконец, поняла, через что тебе пришлось пройти. Или, наверное, я была вынуждена это понять.

– Чего?

– Мне пришлось всё понять.

– Эм-м...

– Это было принуждение.

– Ага.

– Не по своей воле.

– А-а, до меня дошло. Ты не хотела понимать, что я чувствовал все эти годы, пытаюсь скрыть от тебя правду. Ты злишься на меня за то, что я всё это время тебя обманывал.

– К твоему сведению, не стоит быть таким прямолинейным в разговоре!

– Я пошла в свой класс, – с полусонным взглядом, наконец, произнесла Лилия.

– Я тебя провожу, – следом за ней поднялся и Трейз. Он открыл дверь и потом закрыл за собой, когда они вышли наружу.

Лилия тихо его поблагодарила и только сейчас заметила, что всё это время Трейз носит с собой чемодан.

– Ты всё время его с собой таскаешь?

– Нет, только с сегодняшнего дня начал.

В коридорах стало чуть больше школьников, чем раньше. Лилия и Трейз продолжали разговаривать на ходу. Причём Лилия вела себя теперь более спокойно.

– Зачем? Это же неудобно?

– Неудобно. Но в последнее время я стал носить с собой конспекты для учёбы. Я беру в библиотеке много больших книг, да и спортивную форму тоже нужно брать с собой, – небрежно ответил Трейз.

– Чего? – произнесла Лилия, нахмуриваясь. – Но зачем тебе чемодан?

– Как, зачем? Чтобы взять с собой в класс свои принадлежности...

– А почему ты не воспользуешься шкафчиком? – удивлённо склонила голову на бок Лилия.

– Чем? – аналогично поступил и Трейз.

Несколько минут спустя они оказались в зоне личных шкафчиков в главном корпусе школы. Главное здание располагалось в самом центре школьного двора,

и бóльшая часть его первого этажа была занята предназначенными для школьников индивидуальными шкафчиками.

Высокие узкие шкафчики были деревянными, с вентиляционными прорезями в верхней и нижней части дверей. Вереница таких дверок, выстроившихся друг за другом в ряд, почти придавала коридорам вид кладбища. Но в отличие от настоящего погоста, зона шкафчиков всегда была полна жизни.

Ученики 4-й Столичной старшей школы постоянно были заняты переходами из одного класса в другой, а огромные размеры школьной территории только усугубляли эту суету. Поэтому подавляющее большинство школьников хранили свои вещи в шкафчиках, чтобы облегчить себе ношу.

Те, кто только что пришёл, стояли у своих шкафчиков, чтобы забрать из них такие вещи как тетради и учебники, и убрать в них то, что им было не нужно – например, в случае спортивных клубов, спортивную форму.

– А-а, так вот как это работает! – протянул Трейз.

– Т-ты серьёзно? – с запинкой произнесла Лилия. – Неужели, когда ты только сюда переехал, тебе в учительской об этом не рассказали?

– Мне сказали, что в главном корпусе есть шкафы. Но я посчитал, что это что-то вроде камеры хранения, чтобы можно было на короткое время сдать туда свои вещи. Я и подумать не мог, что у каждого ученика есть личный шкафчик! Они определённо упрощают процесс учёбы!

– Просто невероятно....

– И как им пользоваться? – поинтересовался Трейз.

Лилия объяснила. У Трейза, вероятно, где-то есть выделенный ему шкафчик, на который стоит повесить бирку с именем, чтобы его было легче найти. Также ему следует купить небольшой замок – либо с ключом, либо с кодовым механизмом – такой можно было приобрести в школьной торговой лавке.

– Всё понятно.

– А ещё, чисто к твоему сведению, есть временные шкафчики. Ты можешь воспользоваться таким прямо сейчас, пока не узнал номер своего индивидуального.

– Правда?

– Пошли.

Лилия повела их в угол зоны со шкафчиками, на край главного корпуса.

– Вот здесь.

Тут тоже находился участок с выстроенными подряд друг за другом шкафчиками. Сами шкафчики ничем не отличались от остальных, но находились в нише с торца здания. Ни на одном из них не было табличек с именами владельцев.

– Вот это временные шкафчики. Они ни к кому не приписаны. Любой, у кого накопилось слишком много вещей для одного шкафчика, может воспользоваться одним из этих. Хотя и одного обычно достаточно. Я, например, таким не пользуюсь.

– Хм-м. Тут явно хватит места для всех моих учебников и одежды, – задумчиво проговорил Трейз, внимательно разглядывая шкафчики. – Эти замки означают, что ими уже кто-то пользуется, я прав? Мне кажется, что свободных уже не осталось.

– Как интересно. Когда я была тут в последний раз, оставалось ещё много пустых. Неужели временные шкафчики всегда были такими популярными? – удивилась Лилия.

– Ну и ну, – ответил Трейз. – Я лучше схожу в учительскую и узнаю номер моего. Спасибо за информацию, Лилия.

Глава 7 – Свидетельские показания и выводы из них

Показания №1.

Свидетели: Артур Сиарс и София Улерикс. Ученики двенадцатого класса, президент и вице-президент театрального клуба.

– Переведённый школьник из Икс? Как необычно.

– Никогда не видела его лично. Откуда такое внезапное любопытство, Николас?

– На самом деле, я хотел у вас попросить совет. Переведённый школьник является другом для подруги Мэгмики, и клуб журналистики рассчитывает, что он в ближайшем времени тоже станет нашим другом, как и она. Мы собираемся устроить для него вечер знакомств и хотим удивить его чем-нибудь, что связано с его родиной.

– Это хорошая мысль.

– Ага. Для переведённого ученика трудно завести новые знакомства.

– И поэтому я сейчас расспрашиваю друзей и знакомых всё насчёт Икс. Артур, София, вы что-нибудь знаете об этом королевстве?

– Хм-м... дело в том, что я никогда не была в Икс. И я не знаю никого, кто бы там побывал.

– Аналогично. Мы бы рады помочь, но... о, я тут припоминаю, что кураторша Кранц упоминала о том, что ездила в Икс.

– Превосходно. При первой же возможности я у неё поинтересуюсь. А теперь, что насчёт переведённого ученика? Вы о нём что-нибудь слышали?

– Нет, совсем ничего не слышал.

– А я немного слышала. Девчонки из нашего клуба болтали о том, какой он красивый, умный и спортивный. Кто-то уже приглашал его на свидание, но он отказался, заявив, что не совсем уверен в себе.

– О-о. София, не могла бы ты пояснить?

– Ну, в смысле, я сама это знаю только из третьих рук, но вроде как знакомая одной из членов клуба влюбилась в него с первого взгляда. Было в нём что-то такое... необычное. Но он её отшил.

– Потрясающе.

– Затем она спросила его: «Тебе уже кто-то нравится?» Если бы он ответил утвердительно, то тогда она сразу бы сдалась.

– А он что ответил?

– Это было нечто странное. Якобы он вдруг стал серьёзным и сказал: «Я не знаю. В данный момент я не знаю. Но мне хотелось бы это знать».

– Он не уверен в своих собственных чувствах? Любопытно.

– Да. Девочка тоже пришла в замешательство, но она уловила намёк и сдалась. Больше я ничего не знаю.

– Ясно. Спасибо за ваше взаимодействие. И я дико извиняюсь, что отнял у вас много времени.

– Ничего страшного, Николас. Мы благодарны клубу журналистики за то, что он для нас сделал.

– Если вас двоих ещё что-нибудь будет беспокоить, то без проблем обращайтесь к нам.

– Ха-ха-ха! Обязательно.

– На самом деле есть один момент, который меня тревожит.

– Я слушаю, Артур?

– Клуб журналистики в последнее время не занимает массово все временные шкафчики?

– Нет, не думаю. А что с ними?

– Последние два или около того месяца они практически все заняты. И это несколько напрягает. Откровенно говоря, театральному клубу это доставляет большие проблемы.

– Театральный клуб постоянно пользуется временными шкафчиками?

– Да. Для передачи готового реквизита и копий сценария. Кладёшь вещи во временный шкафчик и вешаешь на него кодовый замок. Все в клубе знают его комбинацию. Так что даже в те дни, когда у клуба нет собрания, туда можно заглянуть в удобное время, чтобы что-то оставить или забрать.

– Оригинально. Так делают только в театральном клубе?

– Да нет. Последние несколько лет этим способом пользуются практически все клубы. Если видишь на временном шкафчике кодовый замок, то это значит, что он почти наверняка принадлежит какому-нибудь клубу. Хотя мы стараемся держать это в тайне, ведь временные шкафчики всё-таки предназначены для отдельных учеников.

– Понятно. Возможно клубу журналистики тоже...

– Вероятно, это не лучшая идея. Гораздо важнее другое – может, вашему клубу стоит выпустить статью с призывом установить больше временных шкафчиков?

Показания №2.

Свидетель: Лена Портман – двенадцатиклассница и президент школьного оркестра.

– Трейз Бэйн? Не припомню, чтобы я слышала о нём? Кто он такой?

– Десятиклассник, который перевёлся в этом месяце.

– Наталья Штейнбек, а разве тебе не больше известно о десятиклассниках, чем мне?

– Да не особо. Ну хорошо, если ты не знаешь Трейза, тогда как насчёт Королевства Икс? Знаешь что-нибудь о нём?

– Никогда не была в этом регионе. У тебя всё? А то я сегодня сильно занята.

– Но ведь до конца обеденного перерыва ещё далеко.

– В отличие от некоторых, я всегда занята клубной деятельностью. Мне нужно заглянуть в кабинет музыки, чтобы забрать свои ноты.

– Хм-м... А разве оркестр не пользуется временным шкафчиком?

– Ты как всегда ничего не знаешь. Временных шкафчиков в последнее время катастрофически не хватает. При нынешнем их количестве, они практически бесполезны.

– Для меня это новость.

– Они бесполезные, прямо как кое-кто, чьего имени я даже называть не хочу.

– Понятия не имею, о ком ты говоришь, но он, должно быть, тот ещё лентяй.

– Я говорю о тебе! Ты хоть изредка приходи на репетиции!

Показания №3.

Свидетель: Лени Кранц – учительница домоводства.

– О-о, это же Ларри Хепбёрн.

– Здравствуйте госпожа Кранц. Спасибо, что пригласили прошлым летом поработать.

– Это мне стоит тебя поблагодарить. Вы двое проделали огромную работу!

– Спасибо, госпожа Кранц. Простите моё любопытство, но мне хочется узнать, это правда, что вы ездили в Королевство Икс? Мне об этом рассказал Артур.

– Да, около трёх лет назад. Мне очень понравилось это путешествие.

– И как там? Я тоже было заинтересовался поездкой в Икс, но я почти никого не знаю, кто бывал в нём.

– Там замечательно! Как бы это выразиться?.. Что обычно приходит на ум жителям Столичного Округа, когда мы говорим «горная страна»?

– Точно не скажу... Может: крутые горы, обильные снегопады, люди, живущие скромно и придерживаясь традиций?

– Совершенно верно. Королевство Икс словно квинтэссенция горной страны, вышедшая напрямиком из книг.

– Всё понятно. Возможно, этот вопрос прозвучит странно, но насколько традиционный у них быт? Например, они продолжают готовить пищу на дровяных печах?

– В столичном городе Кунст и северном городе Мушке проведён газ. В остальных районах по-прежнему пользуются дровами. В самых же отдалённых местах у нет даже электричества.

– Невероятно. Значит у них, наверное, до сих передаётся множество традиционных искусств.

– Хм-м. Они настоящие мастера в ювелирном деле. Ну вот, например, их женщины средних лет создают самые изысканные украшения из золота, какие только можно представить, и делают это с невероятной лёгкостью.

– А как насчёт боевых искусств?

– О-о, узнаю Ларри Хепбёрна. Для них охота имеет большое значение, так что все мужчины, по-видимому, умеют обращаться с оружием. Ты не можешь считаться мужчиной, если не умеешь стрелять.

– Ясно. Что насчёт рукопашного боя?

– Вот об этом я ничего не слышала.

Показания №4.

Свидетели: Стелла Уитфилд и Маргарет Уислер, ученицы девятого класса.

- Ой, Максвелл. Добрый день.
- Д-добрый день, уважаемый Максвелл. Д-давно не виделись.
- Это точно. Привет.
- Я слышала, вы с одноклассницей собираетесь пожениться. Мои поздравления.
- Поздравляю. Я п-пойду.
- М? Я вам помешал? Извините.
- Не переживай, Максвелл. Вообще-то Мэгги нашла себе новую любовь, и теперь они встречаются. То, что ты ей отказал, в итоге пошло всем на пользу.
- ...Ясно.
- Я ещё не поблагодарила тебя как следует. Или поблагодарила? Я так признательна тебе за помощь.
- А, да без проблем.
- Ну а теперь и мне пора.
- П-подожди. Я хочу у тебя кое-что спросить.
- Слушаю? Кстати, у Линуса всё хорошо. Дедушка им тоже гордится.
- Рад это слышать. Но я хочу спросить о другом. Ты, случайно, ничего не знаешь об Икстове?
- О Королевстве Икс. Прости, но нет.
- М, понятно. Извини, что задержал.
- Это для клуба журналистики?
- Можно и так сказать.
- Я ничего не знаю об Икс, но в последнее время происходит что-то странное.
- Странное?
- Вообще-то, я бы сказала, что оттуда пахнет вкусно. Где-то в районе временных шкафчиков.
- Как?
- Видишь ли, я очень чувствительная к запахам. И когда я прохожу мимо временных шкафчиков, то чувствую с их стороны аромат роз и что-то цитрусовое.
- ...
- Разве не странно? Я думаю, что странно.
- ...
- Пока, Максвелл.

Показания №5.

Свидетель: Лилия Шульц, ученица десятого класса.

- Привет, Мэг.
- Привет, Лилия. Ты сегодня выглядишь счастливой.
- Можно и так сказать.
- Прости, что заставила тогда тебя поволноваться.
- Да ничего страшного. Кстати, у тебя не найдётся лишнего замка?
- Для шкафчика?
- Ага. Ты говорила, что купила два, но пользуешься только одним. Можно у тебя позаимствовать второй?

- Прости, я отдала его Курту.
- А, понятно. Какая жалость.
- Это для Трейза?
- Ага. Он тут уже несколько дней, но только сегодня узнал про шкафчики! Я сказала ему купить замок в школьной лавке, но, по-видимому, их уже все распродали.
- Ой. Наверное, их завозят только в начале учебного года. Подожди, тут что-то странное. Я точно видела несколько штук ещё в прошлом месяце.
- М-м. Ага, походу спрос на них вдруг взлетел до небес и в торговой лавке тут же ничего не осталось.
- Ох.

Восемнадцатое число. В комнате клуба журналистики после окончания уроков.

– Хм-м. И это всё, что у нас есть? – поинтересовалась Дженни после того, как все предоставили ей свои отчёты.

Она сидела на диванчике скрестив ноги, так что её нижнее бельё чуть не являло себя свету. Но поскольку Дженни всегда сидела в такой позе, а бельё так никогда и не показывалось, то сидевшие напротив мальчики уже не обращали на это внимания.

– Это всё, что нам получилось достать, – объявил Ларри, протягивая руку к печенью.

Сладостью дня сегодня было ассорти из печенья в прямоугольной жестяной коробке. Вкусовые варианты варьировались от шоколадного и кофейного до вкусов чёрного чая и фруктов.

– А ну стоять. Шоколадное печенье моё! – поправляя очки, Наталья стрельнула в него выразительным взглядом. Ларри замер на месте. – Я сегодня в школу пришла только ради этого печенья.

Ларри уступил:

– Ну, хорошо. Тогда я возьму в обсыпке из сахарной пудры, – произнёс он, перемещая руку.

– Оно тоже моё! Только ради него я поступила в 4-ю Столичную старшую школу!

– Тогда я возьму абрикосовое.

– О нет, только не его! Я была рождена только для того, чтобы испробовать его вкус.

– Банановое.

– Ради этого печенья Я создала весь окружающий Мир!

– Каков предел твоего величия?

Ник отвернулся от спорщиков и со своей как обычно элегантной улыбкой произнёс:

– Дженни, мы же только начали. Я уверен, что в этом деле появится что-то ещё.

Мэг и Серон не принимали активного участия в разговоре. Они выбрали для себя вариант сидеть и наблюдать.

А вот Наталья говорила даже с набитым печеньем ртом:

– И всё-таки кое-что всплыло.

– Что именно, Ната?

– Всё ещё не догадываешься, детектив Хепбёрн?

– Не называй меня так.

– Воспользуйся головой и методом дедукции, Ларри. В большинстве показаний упоминаются временные шкафчики.

– Хм? А ты права. Но тут нужна не столько дедукция, сколько наблюдательность, – ответил Ларри, понимающе кивнув головой.

– Это достойная информация, – согласилась Дженни, – но нам никто не заказывал исследование шкафчиков.

– До нынешнего расследования я и не догадывался, что клубы пользуются временными шкафчиками, – заметил Серон.

– Я тоже сегодня обрела ещё одно знание, – кивнула Мэг. – Я считаю, что это нечестно, но зато очень удобно.

– Может, нам тоже стоит захватить один для себя? – предложил Ларри.

– Здоровая мысль! Будем оставлять в нём дополнительные закуски на обеденный перерыв!

Наконец наступил черёд Ника:

– Минуточку все! По-моему, мы начинаем сбиваться с темы. Если так и дальше пойдёт, мы закончим тем, что начнём заниматься временными шкафчиками.

Но без какой-либо дополнительной информации о Трейзе даже попытка Ника вернуть обсуждение в нужное русло не могла им помочь. Все молча продолжали есть печенье.

– Тогда может нам стоит спросить его об этом напрямик? – спросил Ларри в промежутке между двумя печеньями. – Мол, мы хотим написать статью о твоих секретах, так что давай колись.

Шутка не вызвала реакции, но Наталья всё равно ответила:

– Хорошая идея. Но только если ты достанешь нам сыворотку правды, – сказала она и тут же отправила в рот сразу два печенья.

– Президент, что ты думаешь о неукротимом энтузиазме остальных членов клуба? – ехидно поинтересовался Ник.

– Ну а что тут поделаешь, – просто ответила Дженни. – Пока у нас не будет чего-то конкретного, все разговоры бессмысленны.

Ник поник:

– Понятно. Значит, даже у твоей знаменитой информационной сети ничего нет об этом новом ученике.

– Он ведь только-только перевёлся. Я более чем уверена, что через год у нас на него будет достаточно информации.

Пока остальные болтали, Мэг молчала, но внутри она почувствовала облегчение. С улыбкой на лице она взяла печенье. А когда она встретилась взглядом с Сероном, то улыбнулась ещё шире.

Серон дрожащей рукой потянулся к чашке с чаем.

Дженни всё ещё сидела в вызывающей позе.

– В общем, – сказала она, откусив от печенья, – меня больше всего задевает эта история с временными шкафчиками. Хотя, наверное, она не имеет никакого отношения к нашему делу.

– Ты выглядишь ещё менее заинтересованной, чем обычно, – произнёс Ларри.
– Может, нам всё же стоит переключиться и разобраться, что происходит с временными шкафчиками? Напишем об этом статью, будто вокруг них крутится какая-то большая загадка. Можем придумать, что внутри шкафчиков живёт что-то вроде монстра. До сих пор мы публиковали только серьёзные материалы, так что, может, на этот раз клубу стоит вернуться к своим корням?

Дженни, которая раньше одобряла любую статью, заголовок которой заканчивался невероятным предположением...

– Нет.

...в этот раз отклонила предложение Ларри.

– Почему нет?

– Потому что...

Все кроме Ника, который и так уже знал ответ, повернулись к Дженни.

– Потому что я лично в начале прошлого года написала статью под названием «Неужели на территории школы замечена двухголовая говорящая змея?»

И снова встреча завершилась, не оставив после себя ничего, кроме пустых чайных чашек и крошек от печенья.

После того как все выразили своё воодушевление либо недоверие в ответ на откровение Дженни, никто больше не упоминал о том, какая может быть их следующая статья.

Тема разговора перешла на учёбу и экзамены, которые неумолимо приближались. Мэг рассказала о талантливых новичках в клубе хорового пения, а Ларри с Сероном обсудили свою программу тренировок. Что же касается Ника...

– Похоже, никто у нас не заинтересован в захватывающих приключениях и открытиях. Наверное, мне стоит вступить в клуб исследователей истории, – громко вздохнул он. Такого клуба в школе не существовало.

Вечернее небо начало потихоньку покрываться красными красками...

– Ого, который уже час. Так-с, народ, заканчиваем нашу чайную вечеринку, – объявила Дженни, поднимаясь с дивана и хлопая в ладоши. Все тут же начали собираться.

– Скорее бы попасть домой и поужинать, – пробормотала под нос Наталья, убирая со стола пустую жестяную коробку из-под сегодняшнего печенья.

– Как только ты не толстеешь из-за своего обжорства? – поинтересовался Ларри.

– Вероятно это знак свыше, чтобы я ела как можно больше, – ответила ему Наталья.

После того как в клубной комнате уборка была завершена, клуб журналистики полным составом проследовал до школьных ворот где и попрощался друг с другом. Затем Серон – единственный кто жил на территории школы – направился в общежитие, остальные же разошлись по домам.

Несколько минут спустя Серон вошёл в свою комнату и переоделся в бежево-зелёный школьный спортивный костюм и кроссовки.

Он снова покинул помещение, как обычно провёл несколько разогревающих упражнений, и затем начал пробежку по почти уже опустевшему школьному двору. Пробежав один круг вокруг большой школьной территории, далее он последовал

тренировочной программе, которую для него составил Ларри. Он ускоренным темпом пробежал часть второго круга, потом повисел на турнике, на траве сделал упражнение на пресс и так далее. Обычно Серон повторял эти упражнения один раз в день, а если ему удавалось выкроить время утром – то дважды.

Хорошенько пропотев на тренировке, он напился воды из уличного крана и пошёл обратно в общежитие.

В комнате, которая была немного больше других благодаря его статусу старосты общежития, он повесил спортивный костюм на вешалку и переоделся в футболку с шортами, чтобы отправиться в баню.

Помещение бани в общежитии было огромным. Оно могло посоперничать даже с гостиничной баней – здесь было множество ванн с водой разной температуры и огромное количество душевых кабин. Школьники обожали эту баню. И мало кто знал, что пользоваться ей разрешалось даже тем, кто не проживал в общежитии.

Серон в душевой кабинке обмыл с себя пот и затем тщательно вымылся. Потом он сел в самую дальнюю от остальных посетителей ванную с горячей водой.

Пребывая в прострации и настроившись как следует отмокнуть, он заметил другого школьника, который приближался к нему справа. Однако опознать его было невозможно, так как через потолочный иллюминатор в помещение валил густой пар.

У школьника были короткие чёрные волосы и подтянутое телосложение, такое же рельефное, как у Ларри (который ни дня не пропускал без тренировки), а то и ещё более выраженное. Серон, начавший заниматься совсем недавно, рядом с ним явно не тянул.

– Привет, Серон, – произнёс школьник, присаживаясь рядом с ним в ванну.

Серон, наконец, смог разглядеть его лицо, хотя голос уже выдал его немного раньше. Это был Трейз Бэйн, тот самый, личность которого клуб журналистики пытался расследовать.

– Привет. Не помню, чтобы я тебя раньше видел в бане.

Трейз кивнул:

– Ага. Я только недавно обнаружил, что в это время тут мало народа, – произнёс он, откидываясь назад. Оглядев потолок он вздохнул и затем повернулся к Серону. – Спасибо.

– М? За что? – Серон явно не ожидал услышать подобное.

– За то, что ты намеренно предал свой клуб, чтобы предупредить меня о расследовании, – небрежным тоном ответил Трейз.

Серон удивлённо вскинул брови:

– Понятия не имею, о чём ты говоришь. Почему ты считаешь, что я мог пойти на что-то подобное?

– Для этого есть несколько причин, – произнёс Трейз. – Во-первых, мне о расследовании рассказала Лилия. Она не сказала, от кого именно это услышала, но судя по уровню деталей и явной свежести информации, я с уверенностью могу заключить, что информатором могла быть только её подруга Штрауски. Лилия как-то нас друг с другом познакомила, и она оказалась куда спокойнее Лилии. Она

произвела на меня впечатление человека, который будет метаться между клубом журналистики и своей лучшей подругой, пытаюсь решить эту проблему в одиночку.

– И что?

– Это значит, что кто-то её к этому подтолкнул, чтобы она всё рассказала Лилии. Этот кто-то мог сделать это с единственной целью, чтобы Штрауски стало легче на душе. И кто же ещё мог это сделать, кроме как не её парень и коллега по клубу журналистики – Серон Максвелл?

– Ты меня раскусил. Хорошая детективная работа.

– Вот поэтому у меня и есть причина тебя поблагодарить. Большое тебе спасибо.

– Всегда пожалуйста.

Некоторое время Серон и Трейз отстранённо отмокали в ванной, не говоря ни слова. Но вскоре Серон прервал молчание и, глядя в потолок, сказал:

– По правде говоря, нам так и не получилось раздобыть о тебе никакой информации. В результате у всех пропал интерес. Так что сомневаюсь, что после этого мы будем ещё что-то раскапывать.

– Рад это слышать, – тихо рассмеялся Трейз.

Серон бросил взгляд в сторону Трейза:

– Да. У каждого человека есть что скрывать.

– О-о. То есть, ты уверен в том, что я храню какой-то секрет? – удивлённым тоном спросил Трейз.

– Большинство людей расстроится, узнав, что их безосновательно в чём-то подозревают. Но ты совсем не выглядел расстроенным. Наоборот, тебе даже как будто бы полегчало.

– Что же, в этот раз меня раскусил ты. Хорошая детективная работа.

– Я даже не могу представить, какого рода секреты ты скрываешь, но проявлять любопытство не собираюсь. Хотя...

– Да?

– Может, вам с Шульц стоит как-нибудь прийти в гости в клуб журналистики?

– Хм-м...

– Это успокоит Мэг, а также позволит развеять все сомнения и подозрения у нашего местного знатока истории – Николаса Браунинга – с которого всё расследование и началось.

– Ха-ха-ха! Я поговорю об этом с Лилией, – засмеялся Трейз, а потом тихо добавил. – Школа это действительно забавное место.

– Я так понимаю, в Икс ты не ходил в старшую школу?

– М? А, нет. Я жил в глухой деревне в отдалённой долине и находился на домашнем обучении у старейшин.

– Должен признать, это просто удивительно, что тебе до сих пор удаётся успевать за нашей школьной программой, – сказал Серон.

– Спасибо, – кивнул Трейз, умышленно умолчав о том, какие именно люди отвечали за его образование. – Но мне, как школьнику, ещё далеко до совершенства. Я даже не знал как пользоваться шкафчиком, пока на днях Лилия мне не объяснила. Она пришла в ужас, когда увидела, как я повсюду таскаю свои вещи в чемодане.

Серон припомнил, как недавно увидел Трейза с чемоданом. Трейз продолжил:

– Но когда я обратился в кабинет поддержки учеников, там сказали, что они не знают номера моего шкафчика. Я стал разбираться, и оказалось, что мне его вообще забыли назначить! Один из учителей допустил ошибку.

– Звучит ужасно.

– Так что сегодня мне наконец-то присвоили шкафчик... – начал Трейз, но закончил его мысль Серон:

– Но в школьной торговой лавке закончились замки?

– Откуда ты знаешь?

– Это один из результатов нашего расследования. Мэг сообщила, что об этом ей рассказала Шульц.

Затем Серон кратко пересказал собранные клубом показания.

Он объяснил, что временные шкафчики почти все были заняты последние два месяца, что создало трудности для клубов, которые тайно ими пользовались. Вероятно, именно поэтому в школьной лавке закончились замки. И ещё он упомянул, что в районе временных шкафчиков витает приятный аромат.

Пока Трейз слушал, на его лице крупными каплями выступил пот. Наконец, он заговорил:

– Ты думаешь, это... возможно... а, может, и нет. Это всё, конечно, притянута за уши, но...

– М? – настал черёд удивляться Серону. – Эта ситуация тебе что-то напоминает?

– Я... полагаю, можно сказать и так.

– Расскажи, пожалуйста. Если, конечно, можно.

– Хм-м... откуда бы мне начать? Ну, хорошо. В общем, эта неразбериха с временными шкафчиками мне действительно кое-что напоминает, вот только это далеко не самая приятная история. Как ты к такому относишься?

– Нормально.

– Это было в Икстове два года назад. Там произошёл... один инцидент.

– Какого рода?

– Кто-то нашёл мёртвого младенца в ячейке камеры хранения на самой оживлённой улице города Кунст – это наша столица.

– Ч-что с ним случилось?

– Молодая девушка тайно родила ребёнка, но она не знала, что потом с ним делать и поэтому всё кончилось тем, что она его убила.

– ...А потом? – полюбопытствовал Серон с немного печальным видом. Трейз безразличным тоном продолжил:

– Девушка стала думать о том, как избавиться от тела. В конце концов, она запеленала младенца, поместила его в сумку, а сумку сдала в ячейку камеры хранения.

– Но разве в скором времени не должен был появиться запах?

Трейз отрицательно повертел головой:

– Стояла середина зимы. К тому же камера хранения находилась в открытом торговом квартале, а в Икстове зимой очень холодно. Так что ячейка по сути представляла собой морозилку.

– Но разве у камеры хранения нет ограничения по времени пользования? Если она слишком долго не используется, то приходит администратор и открывает занятую ячейку с помощью запасного ключа. У нас в Столичном Округе время пользования камерой хранения составляет трое суток.

– Всё так, – утвердительно кивнув головой, ответил Трейз. – В Икстове срок единовременного хранения составляет пять суток.

– И таким образом администратор обнаружил тело?

– Нет.

– ...Всё, до меня дошло!

– Серон, ты понял, что было?

– Должно быть, она периодически забирала сумку и потом сдавала её в другую ячейку.

– В точку. Девушка была очень молодой и работала на постоянной работе на полную ставку. Поэтому она заходила в камеру хранения по пути на работу и перекладывала сумку. Она сказала администратору, что подрабатывает в сомнительном месте и ей нужно хранить сменную одежду вне дома. Ей удалось его в этом убедить. Тело младенца за зиму полностью мумифицировалось и поэтому с приходом весны и даже лета оно не начало разлагаться. Девушка целый год отчаянно платила, чтобы перекладывать вещи из одной ячейки камеры хранения в другую.

– Тогда каким образом его обнаружили?

– На самом деле всё вышло довольно нелепо, – пожал плечами Трейз. – В Икстову приезжает много туристов. Но среди них попадаются и преступники, которые хотят воспользоваться доверчивостью гостей. Одна такая организованная преступная группировка решила взломать камеру хранения в оживлённом торговом квартале. Когда администратор отвлёкся, они стащили запасные ключи и обчистили все ячейки. Можешь себе представить, что они испытали, когда нашли внутри сумки мумию младенца? Вскоре эту группировку арестовали, и дело о мёртвом ребёнке всплыло наружу.

– Я не слышал об этом происшествии.

– Вероятно потому, что Икстова находится так далеко в глуши. Там это стало настоящим скандалом. Даже сама королева лично выступила с заявлением по этому делу. По итогу разгорелись жаркие дебаты по поводу распространения контрацепции и легализации абортов. Но это уже, пожалуй, отступление от темы. Я вот что хочу сказать – люди стали использовать камеры хранения в преступных целях.

Серон полотенцем вытер с лица пот. Затем он вылез из ванны и сел на её край, чтобы избежать головокружения. Трейз последовал его примеру.

Помещение бани потихоньку заполнялось людьми, хотя никто пока ещё к ним не подсел.

Серон понял, к чему ведёт Трейз:

– Другими словами, ты утверждаешь, что кто-то может использовать временные шкафчики для грязных дел?

– Ага, – ответил Трейз, причём выглядел он в этот момент не столь угрюмо, как Серон. – А может и нет. Это просто один из вариантов.

Но Серон по-прежнему оставался серьёзен:

– Два месяца назад все временные шкафчики внезапно оказались заняты.

– Значит это не совпадение – ты это имеешь в виду? За этим стоит какой-то ученик, или даже целая группа школьников.

– Да. Трудно поверить в то, что спрос на временные шкафчики вдруг резко вырос без какой-либо на то причины, – утвердительно кивнул Серон.

– В таком случае, будем называть наших подозреваемых «они», – сказал Трейз. – Они хотят что-то спрятать внутри шкафчиков, и для этой цели им удалось заполучить почти все шкафчики. Точно так же, как та девушка, о которой я тебе рассказал.

– Да. И вне зависимости от того, что они пытаются спрятать, это то, что они не могут принести домой... А что меня беспокоит больше всего, так это само количество шкафчиков, которые они используют. Неужели у них так много чего прятать? – предположил Серон.

– Нет, я так не думаю, – ответил Трейз. – Скорее всего, всё помещается в один шкафчик. Но если они будут всё время вертеться вокруг одного и того же шкафчика, то однажды кто-нибудь это обязательно заметит.

– Я понял! Тот факт, что они все заперты, ещё не означает, что внутри них что-то есть.

– Совершенно верно. Скорее всего, они хранят свои вещи в одном или двух шкафчиках, остальные же используются для маскировки, либо в качестве запасных.

– Поэтому они захватили все шкафчики, чтобы в любой момент можно было воспользоваться любым из них. Это объясняет, почему временные шкафчики всегда заняты, – сказал Серон.

– Да. Это, несомненно, снижает риск быть обнаруженным. И это же поможет им, если кто-то всё же заподозрит что-то неладное с временными шкафчиками. Я не знаю, кто они, но они явно основательно всё продумали. А это делает всю ситуацию ещё более подозрительной.

– Точно. Ты хочешь сказать, что само количество предосторожностей, которое они принимают, настораживает ещё сильнее?

– Всё верно, – кивнул Трейз. – Допустим, что речь идёт о предметах, которые несовершеннолетним запрещено покупать, например, порнография или алкоголь. Неужели им действительно нужно прилагать такие усилия, чтобы всё это спрятать? Ещё и замки им, наверное, обошлись в целое состояние. И даже если их поймают, то в худшем случае они отделаются лишь выговором от учителей.

– Ага.

– Угу.

Затем Серон предположил:

– Значит, единственное, что оправдывает столь серьёзные меры предосторожности... это нечто такое, за что их могут арестовать.

– Согласен, – ответил Трейз. – Я считаю, что они прячут наркотики.

– Почему? – спросил Серон с широко раскрытыми от удивления глазами.

– Ты не против, если мы в бане побудем чуть подольше? – спросил Трейз и забрался обратно в воду. – Ух, как же здорово. Горячая ванна это просто супер! – проговорил он разомлев.

Серон тоже залез в ванну, причём в этот раз он подсел к Трейзу ближе, чем было до этого. Со стороны это выглядело должно быть несколько странно, всё-таки два парня сидели одни в огромной ванне практически плечом к плечу, но у Серона не было времени, чтобы об этом задуматься.

– Почему ты так уверен, что они прячут наркотики?

– У меня нет прямых доказательств, но... – ответил Трейз. – Ты сказал, что одна школьница почувствовала приятный аромат, ведь так?

– Да, но...

– У женщин обоняние развито сильнее, чем у мужчин. Поэтому даже если ты сам ничего не чувствуешь, а она говорит, что присутствует запах, значит, так оно и есть. Возможно, кто-то в шкафчике разбрызгал одеколон.

– Кто-то... нет, преступники...

– Да – «они». А если они там даже одеколоном прыскают, это значит, они прячут нечто такое, что имеет специфический запах. Нечто незаконное, что источает запах...

– Это точно наркотики, – наконец-то осознав, произнёс Серон. – А ведь точно, я их знаю! Это рокшенуксский наркотик под названием Голубая Роза! У него очень характерный запах!

Трейз утвердительно кивнул головой:

– Именно. Значит, их тут называют «Голубая Роза», всё понятно. А на юге люди в насмешку называют его «Столичная дурь».

Серон громко вздохнул:

– Если эти наркотики прячут во временных шкафчиках...

– Именно – «если».

– Значит, наши подозреваемые учатся в 4-й Столичной старшей школе.

– Ага. Старшие школы это своего рода закрытые миры. В них много охраны, которая не пускает на территорию никого, кроме учителей и учеников. И если бы учитель регулярно пользовался временными шкафчиками, то это наверняка кто-нибудь уже заметил.

– В таком случае понятно, чем занимаются подозреваемые, – произнёс Серон.

– Да. Они курьеры. Скорее всего, они не производят наркоту в школе. Это не невозможно, конечно, но маловероятно. Потому что если бы они сами были производителями, то постарались бы как можно быстрее избавиться от товара. Они бы не прятали его на территории школы. Значит, остаётся только один вариант – они доставляют наркотики для кого-то другого. Сомневаюсь, что школьники входят в наркокартель, так что, скорее всего, они просто подручные шестёрки. Вполне возможно, что они даже не знают о том, что именно они перевозят.

– Значит, они одновременно и курьеры и хранители. Наверняка они получают наркотики где-то за пределами школы, скорее всего в оживлённых районах города, а затем прячут их во временных шкафчиках. А потом они же, или кто-то другой, по требованию забирают товар из этих шкафчиков и передают дальше.

– Ага. Но я считаю, что мы имеем дело с одним человеком. Наш курьер работает без напарников, – высказал своё мнение Трейз.

– Почему? Чем больше людей вовлечено в процесс доставки и передачи, тем меньше подозрений они будут вызывать.

– Потому что при увеличении числа людей также повышается и вероятность возникновения конфликтов. Что если один из них испугается и решит сдать остальных? Что если кто-то заподозрит остальных в том, что они предатели? К тому же, если работает всего один человек, то в случае чего с ним проще разобраться. Всё можно списать на несчастный случай.

– Ясно. В таком случае вероятно дело не ограничивается только нашей школой.

– Да. То же самое, наверное, происходит и в других старших школах города. Это очень умная тактика – использовать систему безопасности школ в преступных целях.

Серон молчал. Трейз тоже больше не произнёс ни слова.

Вскоре они оба выбрались из ванны и направились в раздевалку. Там они обтёрлись полотенцами, оделись, и напились воды словно последний раз в жизни. После чего они прямо свалились на скамейку.

– У меня кружится голова... – У меня кружится голова...

Остальные школьники с изумлением смотрели, как Серон и Трейз с покрасневшими лицами продолжили беседу.

– Серон, это был замечательный разговор. Хотя и несколько глупый, конечно.

– Согласен с тобой, Трейз. Так о чём это мы с тобой говорили?

– А на чём мы остановились?

– Как это называется?

Глава 8 – Клуб журналистики берётся за дело

– Надо организовать наблюдение за временными шкафчиками!

Это было редкое событие даже для комнаты клуба журналистики – Серон повысил голос.

Клуб снова собрался на чай, на этот раз с закуской в виде знаменитых хрустяшек Столичного Округа, печально известных своим насыщенным, вызывающим привыкание вкусом.

Продолжая жевать, все повернулись в сторону Серона.

– Ой, простите, что начал кричать. Просто в последнее время мне не даёт покоя одна запутанная мысль. И я хотел бы вместе с клубом её распутать.

– Что за мысль? – поинтересовался Ларри.

В этот день неожиданно пошёл дождь, и к данному моменту он перешёл в сильный ливень. Поэтому Серону пришлось громко говорить, чтобы его голос не заглушило.

Он рассказал о том заключении, к которому пришли они с Трейзом в прошлый вечер. Однако Серон не упомянул Трейза в разговоре, дабы не вызывать у остальных излишнего к нему любопытства.

На фоне остальных жующих хрустяшки и пьющих чай членов клуба, Ларри заговорил:

– Если ты прав, то это реально большая проблема! Давайте за неё возьмёмся!

– Мне немного страшно! – вставила слово Мэг.

– Должен признать, превосходно проработанное умозаключение, – произнёс Ник. – Загадка достойная того, чтобы клуб занялся её исследованием. Ах, прошу вас, не принимайте мои слова за сарказм – я не питаю никакой обиды за то, что моё предложение было проигнорировано.

– Звучит разумно, – сказала Дженни.

– Не для меня, – покачала головой Наталья. – Кстати, хрустяшки уже закончились? А вон там что за маленькая горка? Устроили жертвоприношение богам?

– Это доля Серона, – решительно произнёс Ларри.

– Очень плохо, – вздохнула Наталья и недовольно надула губы.

– Нася, если хочешь, то можешь взять, – разрешил ей Серон.

– Ух ты! Готова поклясться, что сейчас устами Серона заговорили сами боги!

– Серон, не надо её баловать.

– Ещё слово, Ларри, и я потрачу всю свою жизнь, чтобы испортить жизнь тебе.

– Вот, Ната, я совсем не удивлён, что тебе больше заняться нечем.

– В таком случае, Нася, можешь взять только половину моей доли.

– Очень мило! – Наталья отсчитала ровно половину из кучки Сероновых хрустяшек и принялась их жевать. – Но если серьёзно, то как мы это сделаем? Как будет организовано наблюдение?

– Насчёт этого мне хотелось бы услышать мнение Дженни, – ответил Серон.

Дженни скрестила на груди руки и задумалась.

– Мы могли бы приглядывать за шкафчиками на переменах между уроками, но учитывая, что сейчас наступает время экзаменов, это не представляется возможным.

Все остальные дружно закивали головами. Так как школьники использовали перемены для перемещения между классами, то постоянное нахождение в зоне шкафчиков может вызвать подозрение.

– Не следует забывать, что согласно теории Серона, некий неизвестный школьник часто появляется у шкафчиков, – указал Ник. – Так сможем ли мы вообще выделить именно того, кого мы ищем? И даже если мы поодиночке каждый для себя его как-то выделим, то всем шестерым запомнить его лицо будет непросто.

Ларри с этой мыслью согласился.

– Дженни, а что если сделать фотографии? – предложил Серон. – На переменах мы можем скрытно фотографировать зону шкафчиков. За несколько дней мы наделаем кучу кадров и потом по ним посмотрим, не найдётся ли среди учеников подозрительных личностей, которые в одиночку используют сразу несколько шкафчиков.

Дженни ухмыльнулась:

– У нас нет ни времени, ни людей, чтобы издалека тайно снимать через телеобъектив. Но у меня есть идея получше. Она позволит нам фотографировать периодически и вблизи.

– Правда? – Наталья сверкнула очками. – Шеф, я отдам тебе Сероновы хрустяшки, если расскажешь нам, каким образом.

Три дня спустя, двадцать второго числа.

Время незадолго до обеда. Погода ясная.

Так как шли выходные, то зона шкафчиков пустовала. Серон, Ларри и Дженни выпросили пропуск в главный учебный корпус, мотивируя перед учителями это тем, что в качестве клубной деятельности им надо пофотографировать на территории школы.

Как обычно все они были одеты в школьную форму. Дженни несла дальномерный фотоаппарат и кожаную сумку. Ларри и Серон тащили большую спортивную сумку и жёсткий кофр для фотоаппарата.

И хотя большинство школьных строений в связи с выходными днями были безлюдны, главный корпус по-прежнему патрулировался школьными охранниками и дежурными учителями.

– Если кого-то увидите, то сразу говорите мне, – предупредила Дженни, останавливаясь перед одним из временных шкафчиков.

Данный шкафчик располагался почти по центру ниши с временными шкафчиками. Двумя днями ранее Серон случайно застал его незанятым и тут же незамедлительно повестил на него свой собственный замок, которым он пользовался уже три года. В результате его личный шкафчик остался без замка.

Дженни получила от Серона ключ.

– Ну всё, поехали. На горизонте чисто?

– Ага. – Да.

Получив сигнал от своих наблюдателей, Дженни смело приступила к делу. Она достала большие ножницы по металлу и сжала ими заслонку одной из четырёх вентиляционных щелей на двери. Девочка надавила на ручки ножниц. Раздался звук разрезаемого металла и заслонка с лязгом упала на пол. Шкафчики в школе были настолько старыми, что многие из них уже лишились одной, а то и двух таких заслонок.

Дженни торопливо закинула отрезанную заслонку в шкафчик и приступила к выполнению следующего шага своего плана.

Она открыла спортивную сумку, вынула из неё небольшой штатив и установила внутри шкафчика, оставив ноги штатива не выдвинутыми. Затем она настроила его высоту, после чего прикрепила штатив к задней стенке шкафчика при помощи скотча.

Потом из жёсткого кофра она достала фотоаппарат и установила его на штатив.

Фотоаппарат был крупным по размеру и напоминал собой дальномерную камеру с присоединённым к задней стенке дополнительным блоком. Из его корпуса наружу выходил толстенный силовой кабель.

Дженни достала из спортивной сумки большую коробку и осторожно поставила её на дно шкафчика. Затем девочка подсоединила силовой кабель к специальному гнезду на коробке.

– Потрясающе, – восхитился Ларри, бросая украдкой взгляд в сторону работающей одноклубницы.

Дженни принесла суперсовременную камеру наблюдения. Данная модель использовалась для наблюдения за животными, для съёмки небесных тел и для слежки за людьми.

Большая коробка на полу шкафчика была её аккумулятором электропитания. Он был необходим, так как камера обладала небольшим мотором для прокручивания фотоплёнки, механизмом автоспуска и автотаймером.

Аппарат мог вести съёмку в соответствии с установленными Дженни настройками. Без участия человека срабатывал спуск затвора, и затем плёнка медленно и бесшумно проворачивалась для следующего кадра.

– Ты же позаимствовала эту штуку у своего дяди? Сколько всё это оборудование стоит?

– Тебе лучше не знать. Если его украдут, тебе придётся три года работать на нашу фирму, чтобы расплатиться.

– Какой ужас. Может, мне и свой замок тоже повесить на дверь? Чисто на всякий случай.

Наконец Дженни заправила в фотоаппарат чёрно-белую плёнку на тридцать шесть кадров. Но так как камера была полуформатной моделью и могла делить место каждого кадра пополам, то с одной стандартной плёнки можно было получить семьдесят две фотографии.

Дженни благодаря большому опыту интуитивно настроила экспозицию и выдержку, и с особой тщательностью подобрала параметры объектива. Широкоугольный объектив целиком захватывал всю зону временных шкафчиков.

– Отлично. А теперь проведём тестовое испытание.

Дженни включила питание. Она установила таймер срабатывания через каждые шестьдесят секунд, после чего закрыла шкафчик и повесила на дверь замок.

После этого члены клуба журналистики начали перемещаться по зоне шкафчиков, притворяясь, будто они выполняют задание клуба.

Раз в минуту фотоаппарат срабатывал, и звук затвора заполнял область возле шкафчиков. Однако он был достаточно тихим, так что мог полностью раствориться в обычном фоновом шуме, царившем здесь в учебные дни.

– Что если камеру обнаружат? – спросил Ларри.

– Тогда мы сошлёмся на то, что клуб журналистики ведёт наблюдательную съёмку помещения личных шкафчиков. А если наш подозреваемый что-то заподозрит, то мы просто возьмём инициативу в свои руки и вытянем из него показания.

– Понятно.

Удовлетворённые результатом своей работы, Дженни, Серон и Ларри продолжили имитировать газетную фотосъёмку ещё с полчаса, прежде чем официально завершили пробную скрытую съёмку.

Они вынули отснятую плёнку из камеры наблюдения и направились в клубную комнату. Дженни незамедлительно приступила к проявке материала. Пока она этим занималась, Серон с Ларри сходили в кафетерий общеджития и взяли всем обед.

На обед в тот день подавали бутерброды из ржаного хлеба с картофельным салатом и хрустящими ломтиками бекона, к которым прилагалось одно яблоко. Помимо этого Ларри взял дополнительно куриное рагу в сливочном соусе и щедрую порцию нарезанной кубиками моркови.

Обед провели в клубной комнате.

– Интересно, сколько времени всё это займёт? Я так чувствую, что больше одного дня, – предположил Серон.

– Может, нам стоит выделить на съёмку три дня? Перемены объявляют каждый день в одно и то же время, поэтому если мы установим таймер на эти окна, то семьдесят два кадра будут сниматься довольно долго, – ответил ему Ларри в промежутке между пережёвыванием бутерброда.

– Так не получится, – произнесла Дженни, похлёбывая из чайной кружки жижу от рагу. – Таймер настроен на срабатывание через каждые пять минут. Я буду запускать камеру каждое утро, и за те шесть часов, что мы проводим в школе, она отснимет все семьдесят два кадра. Нам придётся ежедневно забирать плёнку и тут же её проявлять.

Серон утвердительно кивнул головой:

– Да. Таким образом, мы на каждой перемене получим по два снимка, что увеличит наши шансы на поимку подозреваемого. Однако мы не можем отбросить и вероятность того, что он пользуется шкафчиками во время уроков.

– Всё понятно, – согласился Ларри.

После обеда они изучили проявленную Дженни плёнку. Оказалось, что если увеличить изображение и распечатать отдельные участки кадра, то можно получить вполне приемлемые снимки людей, которые пользуются шкафчиками.

Естественно, расположенные впритык слева и справа от камеры шкафчики оказались вне кадра, но тут уже клуб ничего не мог поделать с этой проблемой.

– Отлично. Завтра же приведём наш план в действие.

– Вот это больше похоже на тебя, – удовлетворённо произнёс Серон.

– ...Ой, можешь не скупиться на комплименты.

– Я тоже сильно впечатлён! Клуб журналистики лучше всех! – задорно воскликнул Ларри, похлопывая Дженни по тощим плечам.

– Кхе-кхе. В следующий раз достаточно мне просто поаплодировать, – сказала Дженни с редкой для неё улыбкой на лице.

– А теперь перейдём к самому важному, – начал Серон. – Как мы поступим, когда обнаружим нашего подозреваемого?

– Хм-м... сложный вопрос, – Дженни глубоко задумалась.

Ларри такой вопрос не застал врасплох:

– М? Мы просто должны связаться с господином Хартнеттом, разве нет?

Хартнетт был следователем Федеральной Полиции. Клуб журналистики познакомился с ним прошлым летом. Кроме того, он помог клубу во время инцидента в деревне Эрко. *(прим. пер.: это сюжет первого, второго и четвёртого томов серии книг «Мэг и Серон»)*

– Мы не можем этого сделать. У нас ведь нет никаких доказательств, что в шкафчиках именно наркотики, не говоря уже о чём-то хотя бы отдалённо незаконном. Может, тогда пусть Ник припугнёт того типа, чтобы он открыл все шкафчики? А вдруг окажется, что парень просто обменивался любовным дневником со своей девушкой?

– Т-точно.

– Тогда, пока придётся установить за ним или за ней слежку, – сказал Серон.

– Ага. Мы решим, что дальше делать, только после того, как обнаружим подозреваемого. Ну а пока доверимся нашему оборудованию и будем ждать. Я буду проявлять плёнку после каждой съёмки.

– В таком случае, получается, нам на данный момент больше нечем заняться, – заметил Ларри.

– Как насчёт поучиться?

– Учебой, Ларри.

Четвёртый день пятого месяца.

Первая в этом году пора экзаменов перевалила за свою вторую половину.

На время экзаменов вся деятельность школьных клубов была официально приостановлена. Школьникам, нарушившим это правило, учителя выносили предупреждение. Даже клуб журналистики, у которого куратор был только формально, не осмеливался входить или выходить из своей комнаты, пока кто-нибудь мог это заметить.

Дженни продолжала работу в одиночку. Она приходила спозаранку, чтобы незаметно для всех открыть шкафчик, извлечь плёнку, вставить новую катушку и снова привести механизм в рабочее состояние.

Она в обеденный перерыв проявляла плёнку и распечатывала все кадры, на которых присутствовали люди. Помимо этого Дженни одновременно заряжала запасной аккумулятор.

После окончания уроков Серон или Ник помогали девочке заменить тяжёлую аккумуляторную батарею в шкафчике. Ларри сначала тоже вызвался, но ему было приказано заниматься уроками.

И поскольку собрания клуба не проводились, в обеденное время Серон стал проводить с Мэг куда больше времени, чем раньше. Всякий раз, когда они под тёплыми солнечными лучами вдвоём сидели на террасе школьной столовой...

– Смотри-смотри, вон они. – А-а, это те, которые собираются пожениться?

...они слышали, как школьники шепчутся про их новые отношения.

– Меня это не волнует! Потому что это правда! – с улыбкой произнесла Мэг, в конечном итоге привыкнув к подобному вниманию.

На обед Серон взял себе остро-сладкий гамбургер с авокадо и тёплый овощной салат с заправкой из анчоусов. Мэг выбрала густой ризотто с ассорти из сыров и салат из куриной грудки.

Мэг дождалась, когда сидящие за соседним столом школьники уйдут, и шёпотом заинтересовалась у Серона:

– Я насчёт наблюдательной камеры... как идут дела?

– Дженни пока ничего существенного не обнаружила. Думаю, у неё сейчас недостаточно информации, – ответил Серон. – Но она говорит, что накопилось много фотографий, которые нужно просмотреть. Я собираюсь сегодня зайти в клубную комнату и их перебрать.

– А можно мне с тобой?

Серон молчал.

– Моя успеваемость по предметам в последнее время повысилась.

– Ну, хорошо. Тогда, увидимся после занятий, Мэг.

– Ага, Серон!

После окончания уроков.

Серон подошёл к клубной комнате раньше обычного. Когда он открыл дверь, то обнаружил внутри Дженни, которая с помощью прищепок развешивала уже напечатанные фотографии для просушки.

– Привет, Дженни. Как успехи?

– А-а, вы вовремя. Заходите оба, посмотрите сами.

– Кто ещё?

Серон в замешательстве оглянулся назад.

– Ой, нет! Меня нашли!

Мэг уже собиралась легонько толкнуть Серона в спину.

– Ох! – Серон вздрогнул. – М-мэг, я и не заметил, что ты тоже здесь.

– Хе-хе-хе. Я сняла ботинки, чтобы не было слышно моих шагов. А носки я постираю дома, – с улыбкой ответила Мэг, проходя мимо Серона в клубную комнату. Она села на один из диванчиков и надела обувь обратно.

Серон с облегчением приложил руку к груди и закрыл за собой дверь. Он поставил сумку и подошёл к столу, на который ему указала Дженни.

Девочка разложила фотографии по всему столу. Размер каждого снимка составлял 25×30 сантиметров.

Так как все фотографии были сняты с одного угла, то задний фон у них, что естественно, был одинаковым – выстроенные слева и справа ряды временных шкафчиков.

На фотографиях также были запечатлены школьники: стоящие у шкафчиков, подходящие к шкафчику или уходящие от шкафчиков. Объекты для съёмки были самыми разнообразными.

– Фотографии без людей я само собой не печатала. Кадры расположены в хронологическом порядке, начиная с верхнего левого угла. Во время уроков посетителей не оказалось, хотя и возможно, что фотоаппарату просто не удалось никого заснять в этот момент, – сказала Дженни.

– Уже нашла кого-нибудь подозрительного? – спросил Серон.

– До сегодняшнего дня никого. Да фактически даже до этого момента, – с ухмылкой на лице ответила Дженни. Она начала показывать на фотографии, начиная слева. – Вот смотри: эта, вот эта, ещё эта и эта...

Всего она указала на шесть фотографий. Серон наклонился вперёд, чтобы рассмотреть поближе, но тут он заметил подошедшую и ставшую рядом с ним Мэг, после чего сделал шаг назад, уступая.

– Подождите. Давайте я их соберу в кучу, – предложила Дженни, аккуратно выбирая шесть фотографий. Затем она пошла к диванчикам и выложила все фотографии в один ряд на кофейном столике между ними.

Серон и Мэг сели бок о бок на одном из диванов. Они некоторое время просматривали каждое фото, прежде чем передать его соседу.

– Это определённо один и тот же человек.

– Теперь я вижу! Это вот этот мальчик!

На статичном заднем фоне несколько раз появлялся один и тот же школьник.

Он был невысокого роста и худощавого телосложения, но не особо юный. Скорее всего, он был десятиклассником, как и Серон, или даже старше. У парня были светлые, слегка длинные и растрёпанные волосы. На одном из снимков хорошо просматривалось его робкое, мягкое выражение лица.

– Вообще говоря, не только он один несколько раз появляется на фотографиях, – пояснила Дженни, – но я точно уверена, что это наш человек.

– Дженни, почему ты так считаешь? Ты знаешь, кто он такой?

– Но по одним только этим фотографиям нельзя с уверенностью сказать, что он пользовался разными шкафчиками в один день.

Мэг и Серон заговорили одновременно. Затем продолжил один Серон:

– Или он каждый день появляется в одно и то же время?

– Нет. Он всегда приходит по-разному. Дата и время указаны в нижнем правом углу.

В правом нижнем углу каждого снимка стояла метка с датой и временем, рассчитанная на основе настроек таймера и количества отснятых фотографий. Шесть фотографий были сняты во время утренних перемен, обеденных перерывов и после окончания уроков. Чёткой закономерности в них не прослеживалось.

– А ну подождите... – пробормотал Серон, медленно просматривая метки в очередной раз. – Первое фото датируется двадцать четвёртым числом прошлого месяца. То есть, десять дней назад утром. Следующее снято в обед двадцать шестого числа. Следующая – двадцать восьмого числа утром и после уроков. А последние две фотографии сделаны второго числа днём... Я всё понял!

Серон поднял взгляд. Мэг с любопытством ожидала продолжения, а Дженни с каверзой ухмылялась.

– Дженни, все фотографии сняты в дождливые дни.

– В точку. Серон, у тебя отличная память.

– Ой! Теперь, когда вы об этом сказали, и ведь правда, в эти дни шёл дождь! – воскликнула Мэг. Дженни продолжила:

– Я перерыла всю нашу гору фотографий, пытаюсь найти хоть какую-то закономерность. Сначала я искала людей, которые появлялись бы у шкафчиков в одно и то же время, но безрезультатно. Также я не нашла никого, кто бы пользовался сразу несколькими шкафчиками. Впрочем, при съёмке по таймеру на фотоаппарат это в принципе невозможно отследить. Для этого нужна видеосъёмка.

– Да, но...

– Этот тип единственный, кто попадает под наш профиль и действует по определённой схеме. Он появляется у временных шкафчиков только в дождливые дни. Другими словами, он совершает обмен за пределами школы именно в дождь. Это идеальная погода для тайных делишек, так как дождь снижает видимость вокруг и скрывает большинство запахов.

– Дженни, ты просто потрясающая. Теперь на следующие несколько дней мы можем сфокусироваться на отслеживании этого школьника. У нас есть все необходимые для этого показания, – удовлетворённо кивнул головой Серон.

– Спасибо.

– Дженни, ты просто молодец!

– Ох, да ладно тебе.

Серон отложил в сторону все фотографии, кроме той, на которой чётко отображалось лицо мальчика.

– Нашим следующим шагом будет выяснить, кто он такой. Дженни, это ведь не составит для тебя труда? – поинтересовался он.

– Да не вопрос. Встречаемся через два дня, в последний день экзаменов. Сообщите об этом остальным.

Два дня спустя – шестое число.

Экзамены закончились, и приближались выходные дни. Стояла ясная, солнечная погода.

Будто бы в компенсацию за уныние и мрак экзаменов, школьная территория наполнилась суетой. Клубы снова взялись за дело, а выкрики спортивных клубов и музыка школьного оркестра, как и раньше, раздавались вдалеке.

– Ната, тебе не надо репетировать с оркестром? – проветривая клубную комнату, поинтересовался Ларри.

– Не-а! Потому что у на-а-с~ есть шефа прика-а-з~ собраться сейча-а-с~ – сидя на табуретке пропела Наталья, перебирая струны гитары. – О, кстати. Получилось экзамены сда-а-ть?~ Своё имя в бланк не забыл ты вписа-а-ть?~

– Как такое забудешь!

– А, ну тогда-а~ за каждый предмет получаешь ты два-а~

– В этот раз я ответственно подготовился. Так что, так или иначе, я наберу нужный балл.

– Ты мне пове-е-рь~ какая скромная у тебя в жизни це-е-ль~

– Да ну тебя!

К тому времени как Наталья спела несколько песен, а Ларри проветрил комнату и заварил чай, клуб журналистики собрался в полном составе.

На кофейном столике располагались шесть чайных чашек и купленный в крупнейшем столичном универмаге сдобный кекс.

– Можете начинать есть и слушать, что я вам буду говорить, – произнесла Дженни, а затем объяснила ход мыслей, который привёл их к подозреваемому школьнику. – Вот, пожалуй, и всё. Если уж на то пошло, то у нас не так уж и много доказательств. Есть вопросы?

– У меня, у меня! Можно добавки?

– Ларри, подели второй кекс.

– Хорошо...

– Ещё вопросы будут?

Заметив, что все ждут, когда она продолжит, Дженни достала несколько фотографий.

На всех фотографиях отображался подозреваемый школьник. Дженни не пришлось объяснять, кто именно снял эти кадры.

На некоторых снимках, сделанных издали на фотообъектив, школьник был изображён в полный рост. Одна фотография была снята тайком с близкого расстояния. Несмотря на то, что все фотографии были чёрно-белые, лицо объекта съёмки на них было чётко видно.

– Ты как всегда на высоте, Дженни. Не хотелось бы мне иметь тебя в стане своих врагов, – сказал Ник.

Ларри подал Наталье дополнительный кусок кекса и занял своё место. Дженни приступила к оглашению своего двухдневного расследования:

– Его зовут Джулио Эйдельман. Ему семнадцать лет. Он учится в одиннадцатом классе. Ни разу не оставался на второй год, и имеет достаточно высокие оценки. Проживает в Столичном Округе по адресу: проспект Южный, дом 34; так что ему приходится долго добираться до школы. Он не состоит ни в каких клубах и о нём мало что известно, потому что у него нет друзей. Я это к тому, что мне нельзя было слишком глубоко под него копать, чтобы не вызвать подозрений с его стороны. Из вас кто-нибудь знает хоть что-нибудь о нашем подозреваемом? Может, у кого-то из вас были с ним совместные занятия?

Все присутствующие отрицательно завертели головами. Дженни продолжила:

– Вчера и сегодня я за ним немного понаблюдала. К сожалению, он так ни разу и не подошёл к временным шкафчикам. Что вполне понятно, так как нет дождя. Замки, которыми он пользуется, судя по всему, куплены в школьной торговой лавке. В общем, ничего необычного. У меня всё.

– Спасибо, Дженни, – поблагодарил Серон. – Значит, его зовут Джулио Эйдельман? Хм-м. Как-то неприлично обращаться к старшекласснику чисто по имени, но пока мы среди своих в клубной комнате, давайте называть его просто «Эйдельман». Не забывайте, что за пределами этой комнаты, мы не можем упоминать его имя напрямую.

– И что нам теперь делать с этим Эйдельманом? У нас нет доказательств, что он занимается противозаконными делами, так что, полагаю, вариант подстеречь его у шкафчиков и там припугнуть, пока отпадает?

– Ник, ты как-то уж слишком сильно воодушевлён этой идеей. Я думаю, нам стоит начать приглядывать за ним в дождливые дни, и проследить за ним, как только он придёт в движение, – предложил Ларри.

– Я тоже так считаю, – согласилась с ним Дженни.

Наталья покончила со своей порцией кекса и задала вопрос, который витал у всех на уме:

– Каким образом?

– Я попрошу Каца и Литнер нам помочь.

Эдвард Кац и Эльза Литнер были телохранителями Дженни. Кац был крепко сложенным мужчиной возрастом за сорок лет. Что касается Литнер, то ей было чуть меньше тридцати. Члены клуба журналистики познакомились с ними во время летнего лагеря.

– Мы попросим их проследить за ним пешком или на машине, если такое потребуется. Конечно, мы и сами могли бы вести слежку, но я оставлю основную часть этой работы Кацу с Литнер. Если существует шанс хотя бы один на миллион, что Эйдельман действительно торгует наркотиками, то мы столкнёмся с настоящим криминалом. Так что лишняя осторожность тут не помешает. Мы на безопасной школьной территории сделаем всё от нас зависящее, соберём необходимую информацию, и уж затем вызовем полицию. Возражения по этому поводу не принимаются.

Все присутствующие ответили серьезными кивками головой.

– Народ, – заметно оживляясь, подал голос Ларри, – мы же ещё даже не знаем, что именно он прячет! Может, он просто готовит подарок-сюрприз для своей матери.

– Зачем тебе прятать что-то подобное в школьном шкафчике? – заметила Наталья.

– А мне откуда знать? – парировал Ларри.

Глава 9 – Преступление Эйдельмана

Девятый день пятого месяца.

Выходные дни прошли и начались учебные будни. На улице стояла дождливая погода.

Встав как обычно рано, Серон безразличным взглядом оглядел окутанный туманом мир за окном.

– Наверное, сегодня...

Он спустился в вестибюль к телефонным будкам.

К тому времени как закончились уроки, сильный дождь всё ещё продолжал идти.

Эйдельман находился в зоне временных шкафчиков. Как и на фотографиях, он обладал хрупким телосложением и выглядел довольно замкнутым. У него были светло-каштановые волосы. Через плечо у него была перекинута сумка, а в руке он держал большой зонт.

Он пошёл напрямик к одному из временных шкафчиков и открыл его. Открыв дверь шкафчика, мальчик присел на корточки. Закрывая шкафчик спиной чтобы никто не подсмотрел, он выставил вперёд сумку и что-то в неё положил.

Затем он поднялся на ноги и повесил сумку обратно на плечо. Но вместо того, чтобы закрыть дверь на замок, он огляделся вокруг и подошёл к другому незанятому шкафчику. Он проверил, что шкафчик пустой, после чего запер его своим замком.

Одновременно с ним какая-то школьница тоже возилась у временных шкафчиков, но его действия не вызвали у неё никакого интереса.

Эйдельман медленно направился к выходу из главного корпуса.

– Он идёт! – прошептал Ларри. Его напарники мигом спрятались.

В этот день вместе с Ларри работали Серон и Дженни. До поры они притворялись, что разговаривают неподалёку от зоны шкафчиков, при этом они по очереди следили за временными шкафчиками.

Серон, Дженни и Ларри прошли по коридору метров десять, удаляясь от зоны шкафчиков. Когда они оглянулись назад, Эйдельман как раз проходил мимо.

– Значит, наши подозрения оказались правы, – сказала Дженни.

– Мне так и не получилось разглядеть, что он оттуда достал, – заметил Ларри.

– Что бы это ни было, оно не большое и не тяжёлое, – произнёс Серон.

Три члена клуба журналистики покинули главное здание через второй вход и с зонтиками в руках быстрым шагом двинулись к школьным воротам. В целях безопасности, ученикам разрешалось пользоваться только одними воротами на школьной территории. Таким образом, для членов клуба слежка за подозреваемым упрощалась.

Дженни с мальчиками выбежали за ворота и затерялись в толпе на круговой развязке, притворяясь, будто ждут друга.

Некоторое время спустя появился Эйдельман с сумкой на плече.

Сгорбившись, из-за чего его силуэт стал казаться даже ещё меньше, он прошёл мимо. Он почти растворился в толпе школьников, но клуб журналистики отчаянно не терял его из вида.

Эйдельман покинул оживлённую круговую развязку, на которой машины ждали, чтобы забрать школьников, и направился к главной дороге.

– Значит, он всё-таки поедет на метро.

Члены клуба подошли к машине, которая была гораздо меньше и доступнее по цене, чем остальные на круговом перекрёстке. Это была стандартная модель фирмы «Джонс Моторз» в чёрной раскраске, которую часто использовали в Столичном Округе в качестве такси.

– Кац, пришла ваша очередь, – произнесла Дженни, открывая пассажирскую дверь напротив водителя.

Вместо своего повседневного чёрного костюма Кац был одет в простой серый пиджак и держал в руках самый обычный офисный портфель и чёрный зонт. Если бы не его телосложение, он с лёгкостью сошёл бы за простого бизнесмена.

– Хорошо, госпожа Дженни. Пожалуйста, ни при каких обстоятельствах не выходите из машины... Эльза, всё остальное на тебе, – обратился он к темноволосой женщине на водительском сиденье. После этих слов он пошёл пешком следить за Эйдельманом.

– Поехали.

– Здравствуйте, госпожа Литнер.

– Спасибо, что помогаете нам.

Дженни, Ларри и Серон свернули свои зонты и все трое забрались на заднее сиденье. Никто не сел спереди, так как переднее пассажирское место было слишком хорошо видно снаружи. Они полуприкрыли занавески на задних окнах.

Эйдельман и Кац скоро исчезли в толпе. Так как на круговом перекрёстке возникла пробка, машине потребовалось некоторое время, чтобы последовать за ними.

– Эйдельман поедет на метро до Столичной Западной станции, затем по Кольцевой линии он доедет до Столичной Южной станции, а затем снова пересядет на линию меридионального направления «Север-Юг», – объясняла Дженни по карте столичного метро. И Кольцевая линия, и линия «Север-Юг» были кратчайшим маршрутом в городе до дома Эйдельмана. Машина с клубом журналистики будет ждать Эйдельмана и Каца у Столичной Западной станции.

Литнер повела автомобиль через пока ещё не забитый часом пик город.

– Его маршрут проходит по куче людных мест, – заметил сидящий справа от Дженни Серон.

– А раз там много людей, – с улыбкой добавил Ларри, – значит, у него будет множество шансов провести обмен.

Кац некоторое время должен следить за Эйдельманом, и как только тот свяжется с кем-либо, Кац просто запомнит внешность этого человека и потом немедленно уйдёт. Даже имея при себе официально зарегистрированное огнестрельное оружие, Кац не собирается рисковать и ввязываться в дела наркокартеля.

Автомобиль доехал до Столичной Западной станции на удивление быстро. Кац и Эйдельман, скорее всего, ещё не приехали, так как у поезда достаточно много остановок по пути.

Литнер припарковала машину таким образом, чтобы была видна надземная платформа напротив станции. Сидящие внутри люди могли видеть лица высаживающихся пассажиров.

Один за другим прибывали поезда метро и высаживали людей, направляющихся на Столичную Западную станцию. Хотя дождь не переставал нещадно хлестать по миру, до заката, когда из-за сумерек могла снизиться видимость, оставалось ещё некоторое время.

Прибыл ещё один поезд, и из двух его вагонов полились пассажиры.

– Вот они! Во втором вагоне! – воскликнул Ларри.

Появились Эйдельман и Кац.

– Если у него не запланировано других остановок по пути, то Эйдельман пойдёт прямо на станцию, – сказал Серон. И пока члены клуба журналистики и Литнер наблюдали, Эйдельман вместе с другими пассажирами спустился по крытому перрону и пешеходному переходу к станции... но в само здание вокзала не вошёл.

– Ух ты. – О! – ...

Эйдельман раскрыл зонт и покинул пешеходный переход.

Он пошёл не к универмагу возле станции, а к небольшому развлекательному кварталу позади него.

Поздно вечером аллея будет наполнена неоновым светом ресторанных вывесок, но в данный час ещё ни одно заведение не было открыто. И сейчас улицы квартала были пусты.

– Всё-таки он действительно курьер, – тяжело вздохнул Ларри.

– Нельзя сказать наверняка, – ехидно произнесла Дженни. – Может, он просто решил пройтись по магазинам.

Кац начал преследовать Эйдельмана на некотором отдалении. Он принял дополнительные меры предосторожности, потому что на улице было безлюдно.

– Я выдвигаюсь за ними, – сказала Литнер, выводя машину с улицы на аллею с односторонним движением. Она медленно ехала за Эйдельманом с Кацем, притворяясь, будто подыскивает себе место для парковки.

– Народ, а у Эйдельмана раньше разве был этот пакет? – своим отличным зрением Ларри первый заметил несоответствие.

Дженни с Сероном напрягли зрение. Им едва удалось различить Эйдельмана с сумкой на плече... А также тряпичный пакет, который он нёс в левой руке.

– Возможно это его обед или что-то подобное? – изумилась Дженни. Тканевый пакет действительно был размером с контейнер для еды.

– Наверное, он его достал из школьной сумки, – предположил Серон.

Сразу после этих слов Эйдельман свернул налево и ступил в переулок, который оказался ещё уже, чем аллея. И хотя школьник пропал из виду, автомобиль не мог мгновенно продолжить преследование. Пришлось вместо этого дать Кацу одному продолжить пешую слежку.

Прошла пара десятков секунд, прежде чем машина смогла подъехать к переулку. Но вместо того, чтобы в него свернуть, Литнер остановилась.

Слева от них располагался маленький узкий переулок с пока ещё не открывшимися развлекательными заведениями. Ширина переулочка не позволяла автомобилю по нему проехать.

Эйдельман находился примерно посередине переулочка. Он медленно шёл метрах в пятидесяти от перекрёстка. За ним на некотором отдалении следовал Кац.

И тут вдруг внезапно Эйдельман бросил тряпичный пакет куда-то дальше по улице. Пакет исчез из виду где-то в глубине переулочка. Дальше Эйдельман не ступил ни шагу. Он развернулся на каблуках и пошёл обратно на станцию.

Всё выглядело так, будто он осознал, что свернул куда-то не туда.

Хотя это и застало его врасплох, Кац развернулся быстрее Эйдельмана и бросился к одному из магазинов. Он сделал вид, будто только что из него вышел, и даже помахал рукой пустому входу, чтобы убедительней разыграть эту сцену.

– Ух ты, – воскликнул Ларри.

Эйдельман заметил Каца, но прошёл мимо него с низко опущенной головой. Привлекающая внимание униформа старшей школы пересеклась с подозрительно выглядящем серым деловым костюмом.

– Госпожа Дженни, я проеду немного вперёд.

Эйдельман вот-вот должен был пройти прямо перед машиной. Литнер свернула с дороги и припарковалась примерно в тридцати метрах дальше по аллее.

С противоположной стороны приблизился небольшой грузовик и с шумом пронёсся мимо автомобиля.

Следя через заднее окно, как Эйдельман уходит, Ларри, Серон и Дженни вдруг увидели заднюю часть грузовика. Тот устремился прямо на мальчика.

– Ха? – Эй?! – Ах!

Три выкрика пронзили воздух, и в этот же момент грузовик ускорился.

Эйдельман, наконец, увидел приближающийся грузовик. Его глаза расширились от ужаса, но времени, чтобы как-то отреагировать уже не оставалось.

Все уже приготовились к неизбежному столкновению, как вдруг чья-то сильная рука схватила Эйдельмана за воротник и выдернула в сторону. Едва только его одеревеневшее от ужаса тело пропало с пути, как грузовик пролетел сквозь пустое место. Затем машина резко сменила направление и умчалась дальше по дороге, будто ничего и не произошло.

– Его вытащил господин Кац, – произнёс Серон.

Насквозь промокший от дождя Кац, словно невесту держа Эйдельмана на руках, рванул к машине. В тот момент, когда Литнер потянулась, чтобы открыть изнутри пассажирскую дверь, он уже забрался внутрь.

Запихнув себя и Эйдельмана на одноместное переднее сиденье, Кац захлопнул дверь и громко скомандовал: «Поехали!»

Литнер хладнокровно надавила на педаль газа:

– А зонт и портфель?

– Они со мной. Мальчик не пострадал, – ответил Кац.

Переполненная машина поехала под дождём и выехала обратно на большую улицу.

Теперь дорога была сильнее занята, а большое число одинаковых с их моделью автомобилей помогало им замаскироваться.

– Госпожа Дженни, вы были правы насчёт мальчика, – произнёс Кац. – Его чуть не сбил грузовик. Я еле успел!

Дженни с одноклубниками подались вперёд. Эйдельман с закотившимися глазами лежал без сознания.

– Хорошо сработано, Кац, – сказала Дженни и похлопала Каца по плечу. – Можете ожидать премию.

– Большое спасибо.

– Господин Кац! – воскликнул Ларри. – Этот грузовик его чуть не задавил!

– Так и было. Вы видели, как он чуть ранее выкинул маленькую сумку?

– Да, видели, – ответил Серон. – Вот, значит, как он передаёт товар. Преступники наверняка её уже подобрали. После этого они собирались заставить его замолчать, устроив ему «несчастный случай». И судя по синхронности событий, это не потому, что они заметили нас. Вероятно, сегодня был последний день, когда он был полезен для криминала.

– Мы еле избежали опасности, – сказал Кац, снимая сумку с плеча Эйдельмана. – Если бы вы не решили сегодня за ним проследить, он был бы уже мёртв.

– Куда нам надо ехать? – спросила Литнер.

– В полицию, само собой. В столичном отделении городской полиции попросим, чтобы ему предоставили официальную защиту.

– Всё поняла, – ответила Литнер, сворачивая в сторону главного отделения городской полиции.

– Нет! Только не в полицию! Они меня убьют!

Автомобиль продолжал ехать под непрекращающимся дождём.

– Успокойся, молодой человек. Рад видеть, что ты очнулся, – успокаивающим тоном обратился Кац к Эйдельману.

На заднем сиденье Дженни прижала палец к губам, показывая, чтобы Серон и Ларри молчали.

– К-кто вы такие?

– Мы просто случайно оказались рядом. А тебе повезло, молодой человек.

– Ох-х... спасибо...

– Ты уже успокоился? Вот и славно, давай теперь побеседуем. Прежде всего, приношу свои извинения за стеснённые условия. А теперь, объясни, пожалуйста, почему тебе нельзя ехать в полицию?

Эйдельман задрожал:

– О-они мне угрожали. Сказали, что убьют меня, если я обращусь в полицию...

– Кто?

– Я... я не знаю! Однажды я обнаружил в стене дома три дырки. Мне это показалось странным. А потом один из тех людей сказал, что это пулевые отверстия и что они могут убить меня в любой момент, когда им вздумается!

– Действительно, звучит опасно. Значит, эти люди заставили тебя что-то передавать? У тебя есть предположение, кто это может быть?

– Н-нет! Никаких!

– А что именно ты передавал в пакете?

– Я ничего не знаю! Они сказали, что убьют меня, если я загляну внутрь! Я ничего не видел! Всё что я знаю, это то, что предмет был маленьким и лёгким!

Ужас сковал все чувства Эйдельмана, подействовав на него, почти как сыворотка правды. Этим и воспользовался Кац:

– Почему ты связался с такими опасными делами? Из-за денег?

– О-они подставили меня... это была ловушка.

– Что они сделали?

Эйдельман разразился слезами. Крупные слёзы покатались по его лицу, и он начал всхлипывать.

– Я находился на станции... когда ко мне подошла красивая девушка... она сказала, что хотела бы со мной близко познакомиться... и мы познакомились... и я считал, что мы с ней стали парой... а потом однажды появились эти жуткие типы... и один из них сказал, что это его девушка... мне было так страшно...

– *А-а, любовная ловушка! Старая добрая школа!* – подумал Ларри.

– Ясно-ясно. Если это была красивая девушка, то тебя вполне можно понять. И как, у неё большие?

На лице Литнер появилась неодобрительная гримаса.

Эйдельман – хоть и сквозь слёзы – решительно ответил:

– Да... и мягкие...

– Значит, именно таким образом они тебя в это и втянули. Всё понятно.

Кац так ни разу толком и не объяснил, что именно ему было понятно. Он продолжал допрос:

– И они, вероятно, проинструктировали тебя, что надо делать. Насчёт того, как пользоваться временными шкафчиками и как передавать товар. Это ведь не твоя идея?

– Н-нет... не моя.

Если бы Эйдельман пришёл в себя, то он бы наверняка задумался о том, откуда Кац узнал про шкафчики. Но сейчас он находился не в том состоянии, чтобы ко всему относиться с подозрением.

– Они сказали, что никто об этом не узнает... что мне нужно просто прикидываться дурачком, если вдруг кто-то что-нибудь заподозрит... и что другие ученики тоже так подрабатывают на карманные расходы.

– Конечно. Что ещё?

– В дождливый день... когда я буду идти в школу, ко мне подойдут... и передадут пакет... и письмо, в котором говорится, что я должен выкинуть пакет в следующий дождливый день в определённом месте и в определённое время...

– И это всё? Никакой контактной информации?

– Нет... мне нельзя... связываться с ними...

– Ясно. Ну и последний вопрос. Чисто ради из любопытства.

– Да?

– Кто-нибудь в твоей школе об этом знает?

– Нет... я никому не рассказывал.

– Понятно.

Кац бросил взгляд на заднее сиденье. Когда его глаза встретили глаза Дженни, девочка кивнула. У неё больше не было вопросов.

– Что будем делать теперь? Лучше всего, конечно, оставить тебя под охраной полиции...

– Нет! Высадите меня здесь! – закричал Эйдельман, дёргаясь в истерике. Кац безжалостно его удерживал.

– Успокойся. Почему ты так боишься городской полиции?

– Потому что...

– Я слушаю.

– У них есть там сообщники! Они мне так сказали!

Глухое урчание двигателя.

Шуршание рассекающих лужи шин.

Ритмичный скрип дворников по лобовому окну.

Барабанная дробь дождя по крыше.

Всё это лишь подчёркивало звенящую тишину в салоне.

– Госпожа Дженни, такое вполне возможно, – наконец произнёс Кац.

– Вам лучше знать, Кац, чем мне, – ответила Дженни, в конечном итоге прерывая её (и Серона с Ларри) молчание. – Тогда пока забудем о городской полиции Столичного Округа.

– У господина Каца какие-то связи с полицией? Может, он сам когда-то служил в органах? – про себя подумал Ларри.

– А-а-а-а-а! К-к-кто вы такие?! – закричал Эйдельман, осознавая, что на заднем сиденье сидят трое школьников из его школы.

– Они те, кто спасли тебе жизнь, – с улыбкой на лице ответил Кац. – И не забывай об этом.

– И что теперь? – поинтересовался Ларри.

Серон ненадолго задумался, прежде чем ответить:

– Мы не можем отправить его домой, и не можем обратиться в городскую полицию. Значит, наш единственный выход это Федеральная полиция. Но если мы пойдём к ним без веских доказательств и они нас отошлют, то всё будет кончено.

– Именно, – кивнула Дженни.

– Эйдельман, – продолжил Серон, – твои родители сильно будут переживать, если ты пару дней проведёшь не дома? Ну, например, они будут возражать, если теперь, когда экзамены закончились, ты погостишь несколько дней у друга?

– А? Н-нет, думаю, они не будут против... хотя, у меня всё равно нет друзей, у которых можно было бы переночевать.

– Хорошо. Госпожа водитель, – произнёс Серон, намеренно избегая обращения к Литнер по имени, – пожалуйста, отвезите нас обратно в школу.

Из-за дождя мир погрузился во тьму гораздо раньше обычного.

На круговой участок дороги перед школьными воротами въехал автомобиль с включёнными фарами. Большинство школьников в этом месте садились в машины, чтобы разъехаться по домам. Но автомобиль фирмы «Джонс Моторз» наоборот, высадил своих пассажиров.

Четверо школьников и телохранитель без зонтов под дождём бегом побежали к воротам, предъявили свои пропуска охраннику и исчезли внутри.

Несколько минут спустя по всей школе разнеслось сообщение по системе голосового оповещения:

[Господин Марк Мардок, у клуба журналистики посетитель. Просим вас незамедлительно пройти в клубную комнату. Повторяю...]

Марк Мардок – номинально числящийся куратором клуба журналистики – в это время листал журнал в туалете для персонала.

Когда прозвучало объявление, он поморщился и злобно уставился на висящий под потолком динамик.

– Опять мелкие негодяи что-то нехорошее задумали?

– Ещё чаю, господин Мардок? – предложил Ларри.

– Нет, спасибо.

Учитель Мардок громко вздохнул и откинулся на диване.

Перед ним находились трое членов клуба, телохранитель, который вероятно и был тем самым названным посетителем, и ещё один школьник.

– Ч-ч-что мне делать?..

Всхлипывающий одиннадцатиклассник, которого он раньше не встречал.

Члены клуба журналистики изложили учителю все детали произошедшего.

– Чёрт побери. Неужели вам так нравится создавать проблемы на пустом месте? Проклятье! Почему вы не можете вести себя как обычные школьники?!

Судя по его обычному поведению на уроках, трудно было представить, что господин Мардок может ругаться. Но здесь он не сдерживался.

Шторы на окнах были наглухо задёрнуты. За ними на улице царил непроглядная тьма, и дождь лил как из ведра.

– Хорошо, давайте сначала. Никто не знает, что было в пакете, и ни у кого нет иной информации?

– Нет, – ответила Дженни.

– Какова вероятность того, что водитель просто не справился с управлением?

– Не нулевая. Но время уже позднее и вы предлагаете выставить Эйдельмана на холод, чтобы на него мог «случайно» наехать очередной грузовик?

Учитель Мардок покачал головой:

– Так что же вы от меня хотите? Опять хотите принудить меня к чему-то гадкому?

– Совершенно верно. Я рада, что вы такой догадливый, господин Мардок.

Эйдельман уставился на их диалог – немыслимый между обычным учеником и учителем. Он наблюдал за происходящим с пустым взглядом, словно в полусне.

– *Бедняга. Дорого же он заплатил за свой медовый месяц,* – подумал Ларри, глядя на Эйдельмана.

Клуб журналистики уже позвонил семье Эйдельмана и предупредил его родителей, что он на несколько дней останется с друзьями для совместной учёбы.

– Серон расскажет вам детали, – сказала Дженни. Серон выступил вперёд:

– Учитель Мардок, вы нужны нам, чтобы укрыть Эйдельмана на ночь, а возможно, что и на несколько дней, – произнёс он. – Сейчас слишком опасно выпускать его из стен школы. Торговцы наркотиками могут снова попытаться организовать ему смерть от «несчастливого случая» или же с ним на связь выйдет завербованный ими полицейский. Первую ситуацию мы можем предотвратить, но со второй мы ничего поделать не сможем.

– Это понятно. Но что конкретно требуется от меня? Школа, конечно, самый безопасный вариант, но Максвелл, как староста общежития ты же легко можешь устроить ему комнату в общежитии.

– А ведь точно, – пробормотал себе под нос Ларри. Общежитие располагалось на школьной территории, а значит, было закрыто от внешнего доступа. И в общежитии были свободные комнаты, которые предназначались для гостей учеников.

Но Серон отрицательно повертел головой:

– Есть вероятность, что преступники попытаются застрелить Эйдельмана с одного из окружающих школу зданий жилого квартала. И не только это. Его сразу приметят постоянные жители. А что если наши коррумпированные полицейские решат войти на территорию школы под предлогом расследования? Мы ни в коем случае не должны вовлекать в это проживающих в общежитии учеников.

– *Неплохо, Серон. Ты действительно всё продумал,* – мысленно отметил Ларри, не говоря ни слова вслух.

– И именно поэтому, учитель Мардок, нам нужна ваша помощь.

– Да? И что я, собственно, могу для вас сделать? – язвительно бросил Мардок, пожав плечами.

– Пожалуйста, разрешите нам воспользоваться вашей комнатой в подвале.

Глава 10 – Преследователи и преследуемый

Двенадцатый день пятого месяца.

Парк Бемарте находился в старом центре Столичного Округа. Стоял восхитительный весенний день.

На одной из парковых скамеек сидел мужчина возрастом под пятьдесят лет. Он был крупного телосложения со светло-русыми коротко стриженными волосами. На нём был надет обычный серый костюм с очень свободно повязанным тёмно-синим галстуком.

Мужчина в одиночестве жевал бутерброд, так слабо подхлотивший атмосфере парка. Пришедшая в парк со своим ребёнком женщина почёркнуто выбрала самую отдалённую от него скамью, что бы присесть отдохнуть.

При ближайшем рассмотрении некоторые люди могли заметить неестественный выступ под его левой рукой – спрятанный под пиджаком пистолет в кобуре.

– Гхм. Неплохой бутерброд.

Мужчина покончил со своим обедом и, скомкав бумажную упаковку в шарик, швырнул её в стоящую в трёх метрах от него мусорную корзину. Шарик попал точно внутрь корзины.

– Простите за ожидание, – пытаюсь отдышаться, произнёс только что вбежавший в парк мужчина помоложе.

Молодому человеку было слегка за двадцать лет, и одет он был в синий костюм с галстуком. Мужчина обладал стройной фигурой и имел каштановые волосы и серые глаза, из-за чего он выглядел словно кинозвезда. В каждой руке он держал бумажный стаканчик с кофе.

– Ты опоздал, я уже пообедал.

– В таком случае, господин инспектор, можете называть это десертом.

– Нда. Ну, ты тоже сядь, поешь.

Молодой человек подчинился и принялся за свой собственный бутерброд. Хотя он и торопился, его движения были чуть более неторопливыми и спокойными, чем у инспектора.

Инспектор сделал паузу между глотками кофе и вздохнул. Некоторое время он прислушивался к звукам играющих в парке детей.

– Вот скажи мне, что подвигло тебя устроиться на работу в органы?

Покончив с бутербродом, молодой человек поднял взгляд.

– Какой неожиданный вопрос, господин инспектор.

– Мне просто стало любопытно.

– Что же, я хотел следить за безопасностью в городе.

– Не смеди мои тапки. Я понимаю, что ты молодой и талантливый, но не утруждай себя попытками стать героем города. Тебе никогда не искоренить все наркокартели континента. Эта битва бесконечная.

– Ого. Не такой реакции я ожидал от человека, который раскусил подстроенное фальшивое самоубийство директора фармацевтической компании «Дезер», и который в одиночку уничтожил целый картель.

– Я просто констатирую факты. И... в случае с «Дезер» мне просто повезло. А тот картель оказался мелкой сошкой. Осталось ещё предостаточно коррупции, с которой предстоит разобраться. А теперь, давай приступим, – невозмутимо сказал старший мужчина, поднимаясь со скамьи.

– Так точно, господин инспектор. У нас ещё много работы, – молодой человек тоже поднялся на ноги.

Пустой стаканчик, который инспектор швырнул в сторону мусорной корзины, пролетел мимо цели.

– Убери его.

– Слушаюсь.

Тем же вечером.

– Привет, Мэг. Ни разу не видела, чтобы ты так рано возвращалась домой. Что случилось?

Лилия увидела впереди себя Мэг, идущую по двору 4-й Столичной старшей школы. Девочка с улыбкой повернулась на голос, её хвостики заколыхались.

– Привет, Лилия! У клуба журналистики в последнее время мало дел, поэтому я на сегодня свободна. И в клубе хорового пения сегодня тоже выходной.

Разговаривая на безельском языке, Лилия с Мэг пошли вместе. Окружающие их школьники с любопытством смотрели, как кто-то разговаривает на иностранном языке.

– Правда? Вы же в клубе журналистики, даже если особо было нечем заняться, всегда оставались на чай с вкусняшками, разве нет?

– Дело в том, что... нам поступил приказ приостановить деятельность.

– Чего?

– Я в детали не вдавалась, но Дженни говорит, что на нас наложен информационный карантин.

– Ха?

– Это значит, что мы ограничиваем круг посвящённых, чтобы всё прошло гладко. Похоже, клубу сейчас будет проще, если о проблеме будут знать только те, кто непосредственно занимается её решением.

– П-понятно... – Лилия была не новичком в вопросах доверенной ей конфиденциальной информации. Она улыбнулась. – Что же, полагаю, они не хотят нарушать твою обычную жизнь.

– Именно так. Мы обычные старшеклассники и поэтому должны жить обычной жизнью! – сияя, ответила Мэг.

У школьных ворот они разошлись.

– Ты только посмотри на них. Улыбаются так, будто ничего в мире их не волнует. Богатенькие детишки меня просто бесят.

Издали за улыбающимися девочками через бинокль с большим увеличением наблюдал мужчина. Он находился на пятом этаже расположенного через дорогу от школы многоквартирного жилого дома, откуда просматривались

главные ворота и перекрёсток с кольцевым движением. Слева за воротами виднелись учебные корпуса, а справа – общежитие.

Мужчине было около тридцати лет. Он носил коричневые брюки и кожаную куртку. Было ясно, что он не из тех, кто зарабатывает на жизнь честным трудом. За школой он наблюдал через щель в жалюзи.

В комнате отсутствовала какая-либо мебель.

Помещение, вынуждено снятое два дня назад, было подключено лишь к самому минимуму электроэнергии. Внутри царил беспорядок – повсюду лежали горы купленной в магазине еды и стояли бутылки с водой.

Компанию мужчине составлял ещё один человек – одетый в джинсы и чёрный свитер мужчина возрастом помоложе.

Мужчина в свитере кипятил на портативной электроплитке (вместо отключённой от газа плиты на кухне) воду, чтобы заварить чай.

– Ты уверен, что пацан вернулся в школу? – спросил он, передавая кружку своему напарнику.

– Он не вернулся домой. Куда он ещё мог пойти? Давай поменяемся, я хочу спокойно попить чаю.

Мужчина в свитере утвердительно кивнул и взял с подоконника свой бинокль. Затем он глянул на висящую рядом с оконной рамой фотографию.

На фотографии был изображён Джулио Эйдельман с обнажённым торсом и лицом, искажённым рыданиями.

Мужчина в кожаной куртке сел на голый пол и стал попивать чай:

– Это будет изматывающая борьба, но нам просто необходимо найти эту жалкую рожу и покончить с ним. Жаль, что план с авткатастрофой не сработал, но тут уже ничего не поделаешь. Как только получим приказ, тут же всадим ему пулю в голову. То же самое с любыми учениками или охранниками, которые окажутся рядом. Главное, чтобы никто не догадался, зачем мы на самом деле сюда пришли. Нужно, чтобы всё выглядело как стрельба сумасшедшего по случайным целям. Впрочем, полиция сама всё представит именно так. Нам же нужно просто вовремя убраться с места.

– Звучит довольно легко. Постреляем вдоволь и затем смоемся в соседнюю страну, – ответил мужчина в свитере и уставился в бинокль. Он заметил мужчину в светло-голубом комбинезоне.

Мужчине в комбинезоне было за двадцать лет. Его короткие каштановые волосы были зачёсаны назад, а на лице застыла гримаса недовольства. В руках мужчина держал большой ящик с инструментами.

Он выделялся как белая ворона среди школьников в дорогущей школьной форме. Школьники смотрели на него далеко не самым приветливым взглядом.

Мужчина подошёл к школьным воротам и поговорил с охранником. Несколько минут спустя вышел учитель возрастом за пятьдесят лет, чтобы его встретить. Прежде чем войти на школьную территорию, мужчина в комбинезоне ещё раз поговорил с охранником.

За всем этим из окна наблюдал мужчина в свитере.

– Какой-то ремонтник. Он только что прошёл внутрь, – сказал он.

– Нас не интересует, кто туда входит, – пренебрежительно ответил мужчина в куртке. – Нам интересно знать, кто оттуда выходит.

– Серон Максвелл! С чего же мне начать? – сходу повысил голос мужчина в комбинезоне. – Прежде всего: почему комната в подвале до сих пор доступна? Почему Мардок ваш куратор? И почему вы суёте свой нос в настолько опасные дела?

Произнесённые пулемётной очередью вопросы поступили от Теодора Хартнетта – следователя Федеральной полиции. *(прим. пер.: в первых томах серии «Мэг и Серон» он появляется под именем Хайнц Хартнетт, но позже выясняется, что его настоящее имя Теодор)*

В Рокше много разных органов полиции. У каждого члена-региона Федерации была собственная полиция, то же касается и Особого Столичного Округа. Даже в армии была собственная Военная полиция для расследования своих внутренних происшествий. Федеральная же полиция имела самую широкую юрисдикцию, отвечая за происшествия межрегионального уровня.

Федеральная полиция была одной из самых могущественных организаций в Рокше, и вызывала благоговейный трепет и ужас у граждан. Иногда она вмешивалась в местные расследования, чтобы взять их под свой контроль, из-за чего другие органы полиции испытывали к ним неприязнь.

В подвальном помещении в данный момент находились: Хартнетт, учитель Мардок (который тайно провёл Хартнетта в школу под видом ремонтника), Серон, Ларри (у которого сегодня был день рождения), Дженни, Кац и Эйдельман собственной персоной.

Помимо Эйдельмана, бессильно сидевшего на стуле, все остальные стояли.

В помещении отсутствовали окна. Из комнаты с каменными стенами вели три двери. Слабо освещённое помещение было достаточно просторным, его обстановку составляли небольшой комод, кресло-качалка, кровать с металлическим каркасом из труб и другой минимум необходимых предметов. Стены даже украшали несколько картин.

4-я Столичная старшая школа была построена на месте старых зданий, и их подвалы – забытые – так и остались под школьной территорией.

Учитель Мардок несколько лет назад обнаружил подобный подвал. Он провёл в него электричество, водяное отопление и даже сделал водопровод, чтобы обустроить себе небольшую личную комнату.

И примерно два года вплоть до прошлого лета он прятал своего младшего брата в этой комнате. История с братом как раз и стала тем случаем, который впервые свёл клуб журналистики с Хартнеттом.

Серон стал последовательно отвечать на заданные вопросы:

– Я уверен, вы сразу догадались, когда мы вас сегодня сюда привели, что один вход из двух действительно запечатан.

– Проклятье! Почему мне никто об этом не рассказал?

– Потому что вы не спрашивали? А разве господин Мардок во время допроса ни о чём таком не говорил? – Серон сделал вид, что ничего не понимает. Учитель Мардок отвёл глаза в сторону.

В представляющий собой лабиринт подвал можно ещё попасть через склад в старом учебном корпусе. А учитель Мардок как раз отвечал за этот склад.

– Какие ещё допросы, надо было вас пытаться, пока вы были у нас под следствием! – прошипел Хартнетт в сторону Мардока.

– Что касается учителя Мардока в качестве нашего куратора, то Дженни просто решила, что он идеально подходит для этой роли. А учитель Мардок... с радостью принял наше предложение, когда вернулся к работе.

– Так вы теперь ещё и учителей шантажируете? Невероятно...

– Насчёт последнего вопроса. Мы наткнулись на это дело по чистой случайности. Но если бы этого не произошло, то Эйдельмана уже не было бы в живых. Вы ведь согласны?

Эйдельман задрожал.

– Мне дико не хочется этого признавать, но это так, – проговорил Хартнетт, скрипя зубами.

Последние три дня Эйдельман жил в подвале. Здесь он ел и спал. Серон купил ему в школьной торговой лавке спортивный костюм, чтобы он мог ходить в нём по комнате. Помимо всего Эйдельман каждый день ходил на занятия и регулярно звонил из комнаты клуба журналистики родителям, чтобы сообщить им, что с ним всё хорошо.

– Эйдельман, у меня к тебе есть несколько вопросов. И я хочу, чтобы ты отвечал на них честно, – сказал Хартнетт, бросая на мальчика острый взгляд.

– Хорошо.

– Ты сказал, что никогда внутрь пакетов не заглядывал?

– Всё верно...

– Каким размером они были? Они были тяжёлые?

Эйдельман свёл кисти рук вместе и образовал ими окружность:

– Примерно такого размера. И всё помещалось в маленький полиэтиленовый пакет. Но по весу они были тяжелее, чем выглядели.

– Ты помнишь лицо человека, который тебе угрожал? Или, быть может, у тебя есть фотография женщины?

– Нет...

Хартнетт повернулся к Серону:

– Безнадёжно. Для Федеральной полиции этого недостаточно чтобы возбудить дело, – он вздохнул. Хартнетт находился в школе по личной просьбе Серона и Дженни, а не по служебной обязанности.

– Но вы же не думаете, что Эйдельман занимался передачей пакетов с мукой? – указала Дженни.

– Именно! Мы все видели, как его чуть почти не убили! – поддержал её Ларри.

– Господин Хартнетт, – заговорил Серон, – конкретно это происшествие с Эйдельманом, вероятно, касается только нашей школы. Но то же самое, возможно, происходит и в других школах Столичного Округа. Может быть, даже в вашей родной школе.

– Я никогда не говорил, в какой школе учился, – нахмурился Хартнетт.

– Нет. Но вы, скорее всего, закончили одну из семи старших школ Столичного Округа. Я не ошибаюсь?

– Почему ты в этом так уверен? – поинтересовался Хартнетт. Серон незамедлительно ответил:

– Потому что когда вы прошлым летом впервые посетили комнату клуба журналистики и увидели наш обед, то произнесли «Значит, это и есть тот самый знаменитый обед из четвёртой». Только ученики другой столичной старшей школы могли назвать нашу «четвёртая». (прим. пер.: этот эпизод описан в главе 13 второго тома «Мэг и Серон»)

Хартнетту нечем было возразить.

– После этого вы без тени смущения попросили нас о содействии в ваших расследованиях. Вы попросил нас протянуть руку помощи, если когда-нибудь произойдёт преступление, связанное со школой. У меня тогда возникло ощущение, что вы, должно быть, сами учились в старшей школе и, возможно, стали свидетелем преступления, которое так и не было раскрыто.

Хартнетт оставался безмолвным.

– Нас серьёзно волнует безопасность Эйдельмана, и пока он находится здесь, он в безопасности. Но ведь где-то могут быть и другие невольные курьеры, которых уже выбрали целью следующего «несчастливого случая». Одни люди пострадают. Другие же будут по ним скорбеть.

– Всё, Серон, хватит! Я знаю! Ты думаешь, я ничего не хочу с этим поделаться? Да как бы ни так! Послушай меня, в мире столько ужасных людей, что у Федеральной полиции просто рук не хватает за всех взяться. Она не станет расследовать дело, в котором отсутствуют улики! – выпалил Хартнетт.

И только в этот самый момент голос подал Кац:

– Господин Хартнетт, есть в городской полиции Столичного Округа человек, которому вы бы безоговорочно доверяли?

Хартнетт отрицательно повертел головой.

Городская полиция и Федеральная полиция относились к разным организациям, отношения между которыми оставляли желать лучшего. И Кац это прекрасно знал.

– Ясно...

Если полицейского ловят на сотрудничестве с наркокартелем, ему гарантирована тюрьма и крах всей жизни. Вот почему такие люди крайне тщательно заматают следы. Так что найти того, кому можно по-настоящему доверять, будет очень непросто.

– Значит, всё зависит от нас самих, – произнёс Серон. – В нашей школе есть кто-то, кто может быть связан с полицией?

– Ну, мы опросим всех, кого только сможем. Вряд-ли что-то получится, но это всё же лучше, чем сидеть сложа руки, – согласилась с ним Дженни.

– Отлично! Так и поступим! – кивнул Ларри. Серон повернулся к Хартнетту:

– Господин Хартнетт, мы свяжемся с вами, как только найдём подходящего человека. Когда настанет это время, не могли бы вы заявить, что именно вы обеспечили охрану Эйдельману?

– Конечно. Я скажу, что случайно оказался на месте преступления, спас его и доставил сюда ради его же защиты. Начальство, конечно, будет совать нос в это дело, но я как-нибудь выкручусь.

– Спасибо, – поблагодарил его Серон.

Эйдельман, до сих пор хранивший почти полное молчание, наконец, заговорил:

– Б-большое вас спасибо.

– Не волнуйся, сынок. Мы не дадим тебе умереть. Дай взрослым разобраться с этим делом, – обнадеживающим тоном произнёс учитель Мардок.

Серон, Дженни и Ларри переглянулись и пожали плечами.

Незадолго до заката.

Попрощавшись с Эйдельманом в подвале, а с учителем Мардоком и Хартнеттом у ворот, Серон, Дженни и Ларри вернулись в комнату клуба журналистики.

– У нас правда получится кого-нибудь найти? – засомневался Ларри.

– Легко уж точно не будет, – ответила ему Дженни, попивая чай.

– Мы позовём на помощь остальных членов клуба. Но не раскрывайте им деталей. Им нужно знать только то, что мы ищем полицейского, которому можно доверять. Если кто-нибудь спросит причину, то скажите, что у вас по соседству возникли какие-то неприятности или что вы хотите что-то найти. В общем, не важно. На самом деле, нам даже лучше будет, если у каждого будет свой предлог, – сказал Серон. – Проблема только в том, как долго мы сможем держать Эйдельмана в подвале.

Он задумчиво уставился в потолок.

Связываясь с остальными, Серон, Дженни и Ларри были готовы к затяжной борьбе. Но...

– Я нашла. Есть следователь в городской полиции Столичного Округа, которому мы можем доверять.

Уже на следующий день Наталья принесла им информацию, в которой они так нуждались.

– Что? Ната, что ты сказала? – надевая фартук, открыл от удивления рот Ларри.

Серон, Дженни и Ник (в этот день он тоже пришёл в клуб) посмотрели на неё с недоверием. Мэг по просьбе Серона сегодня пошла заниматься в клуб хорового пения и потому отсутствовала.

– М? Я нашла нужного человека. Одна моя знакомая знает в полиции сотрудника, которому можно доверять, – повторилась Наталья, жуя вафлю.

– Как быстро! Но, эм... это надёжная информация?

– Эй, не льсти мне комплиментом, если сразу после этого собираешься сомневаться. Наш информатор скоро придёт. Рядовой Хепбёрн, приготовь ещё одну чашку, и побыстрее!

Ларри только поставил дополнительную чайную чашку на стол, как раздался стук в дверь.

Дженни открыла дверь и поприветствовала гостя.

– Добрый день.

Посетителем клуба оказалась ни кто иная как Лена Портман – блондинка-императрица школьного оркестра.

Как только Портман заняла место на диване, Ларри тут же налил ей чай.

– Ну и ну, я впечатлена. Большое спасибо. Вы всегда так пьёте чай в своём клубе? Тогда ничего удивительного, что Наталья Штейнбек не посещает репетиции оркестра.

– Ой, да ладно тебе, Портман.

– Ната, я не думаю, что это был комплимент.

– Кстати, а где Штрауски Мэгмика? – поинтересовалась Портман.

– Она сегодня отсутствует, – ответил Серон. Портман бросила в сторону Натальи недобрый взгляд.

– Ой, – пожала плечами Наталья.

– ...Ну и ладно. Я пришла к вам по другому делу.

Война закончилась, даже не начавшись.

– Нам сказали, что ты в городской полиции Столичного Округа знаешь человека, которому можно доверять, – произнесла Дженни.

– Так и есть. Я не знаю, что вы задумали, и не хочу этого знать, но за него я могу поручиться. Ему можно доверять.

– Что это за человек? – спросил Серон. – И если тебе не составит труда, можешь рассказать, откуда ты его знаешь?

– Вы, конечно же, умеете хранить секреты? – потребовала Портман.

Все присутствующие уверенно закивали головой.

– Очень хорошо. В конце прошлого лета нашу семью посетил инспектор полиции возрастом около пятидесяти лет. Я недолго поговорила с ним у двери. Не могу сказать, о чём именно шла речь, но заявляю со всей уверенностью, что этот человек ни за что не допустит, чтобы зло осталось безнаказанным.

Серон с Ларри переглянулись. Ларри был совершенно не впечатлён услышанным – это читалось у него на лице. Но вслух он ничего не сказал.

– Мы не будем допытываться о теме разговора. Но разве одного только разговора достаточно, чтобы составить впечатление о характере инспектора? – поинтересовался Серон.

– Да, достаточно. Добавлю только, что я недавно разговаривала с родителями на эту тему. Они со мной согласились. Они сказали, что этому человеку можно доверять, и что мне следует обратиться к нему, если у меня когда-нибудь возникнут проблемы. Я доверяю суждению моих родителей. Вас это устраивает?

Лена Портман – и вся семья Портманов – хранила одну тайну.

Лена, единственный ребёнок семейной пары Портман, была не связана с ними по крови.

Синдром внезапной детской смерти отнял у семейной пары Портман их новорождённую дочь. Гибель ребёнка привела к тому, что родственники пары даже заподозрили их в убийстве. В результате пара уже готова была совершить двойное самоубийство, но именно в тот момент вмешался друг семьи и дал им совет:

<В Толкасии живёт человек, которого все зовут «Мастер». Он продаёт сирот богатым семьям из других регионов.> (прим. пер.: Толкасия – один из регионов Рокше, со столицей Лартика)

Это была торговля людьми, представленная под видом устройства сирот в любящие семьи. Огромное число детей, проданных в Столичный Округ, пропадало без вести. Никто не знал, какие ужасные вещи, должно быть, с ними произошли.

Супруги Портман потратили целое состояние на то, чтобы вырвать из лап извращенца, который по слухам покупал и потом питался маленькими детьми, похожую на их дочь маленькую девочку.

После этого пара уничтожила сертификат о смерти своей настоящей дочери. Купленная ими девочка заменила им умершую дочь.

Таким образом, Лена росла как дочь Портманов – как их родная дочь с юридической точки зрения.

После внезапной смерти Мастера, городская полиция Столичного Округа получила информацию о случаях торговли людьми и навестила тех, кто покупал у него детей. Их целью было оказать давление на этих людей, дать им понять, что полиция ведёт за ними наблюдение.

Инспектор, который всегда носил серый костюм, был одним из тех, кого направили для обхода и предупреждения бесчеловечных покупателей детей.

Он навестил семью Портманов и обнаружил, что они с любовью растят купленную девочку. И семейная пара попросила его закрыть глаза на их преступление.

Инспектор в раздумьях шёл к выходной двери, когда навстречу ему вышла Лена.

– Мои биологические родители меня не ищут, ведь так? Я никогда к ним не вернусь, вы меня слышите? Мой дом здесь! И люди в нём – мои настоящие родители!

Даже Лена, которая знала, что она не родная дочь своих родителей, заявила протест инспектору.

И инспектор умолчал об их деле.

Впоследствии семья Портман обсудила этого инспектора. И они пришли к общему мнению:

<Ему можно доверять. Если у тебя когда-нибудь возникнут проблемы, то обращайся к нему.>

Серон посмотрел на Портман.

– Вас это устраивает? Это всё, что я могу сказать.

Портман улыбалась. Элегантной, красивой и искренней улыбкой.

– Тогда... – не зная причины непоколебимой веры Портман, Серон сделал следующий шаг. – ...Ты нас с ним познакомишь?

Глава 11 – Снайперский выстрел

Семнадцатый день пятого месяца.

– Наводка оказалась верной. Видишь серый костюм вон там? – с усмешкой сказал мужчина в кожаной куртке.

– Наконец-то, – ответил мужчина в свитере.

Оба собеседника наблюдали через бинокли, как светловолосого мужчину в сером костюме через школьные ворота проводил черноволосый мальчик. Его обращённое в профиль лицо на мгновение мелькнуло в поле зрения.

– Это инспектор городской полиции. Скоро он выведет нашего простофилю. Убьём их обоих.

– Хорошо.

Мужчины смотрели за всем из жилого многоквартирного дома, возвышавшегося напротив школьных ворот.

Мужчин окружал мусор. Вокруг них грудились пустые бутылки из-под алкоголя, упаковка от еды, мусорные корзины с недоеденной пищей, журналы, надетое единой нижней белье и гниющие остатки продуктов – следы их шестидневного наблюдения.

От одного только вида квартиры арендодателя может хватить удар.

На полпути от комнаты к выходной двери стояла десятилитровая канистра с надписью «бензин», но внутри неё на самом деле находился керосин.

Снаружи выходящего на школу окна выступала полка для цветочных горшков. Из приоткрытых створок над ними едва заметные снаружи торчали две снайперские винтовки с оптическими прицелами. Жалюзи скрывали стволы оружия.

Когда-то они стояли на вооружении Федеральной армии. Но теперь, списанные с учёта как устаревшие, они представляли собой распространённую и доступную модель, которую мог купить любой желающий, у кого есть водительское удостоверение.

В комнате стоял столик же заурядный письменный стол с лежащими на нём подушками, которые служили импровизированными сошками.

Мужчины начали снаряжать винтовки патронами калибра 7.62 миллиметра с пулей, покрытой цельнометаллической оболочкой. Они собирались открыть огонь, как только цель выйдет к школьным воротам в ста метрах перед окнами. Для винтовок этой модели данная дистанция не представляла никакого труда для стрельбы.

Хотя в комнате было темно, наружный мир озарялся тёплым послеполуденным солнечным светом.

Мужчина в свитере закончил снаряжать магазин пятью патронами.

– Начинаем.

Он медленно стал поднимать жалюзи. Очень медленно, так что почти невозможно было сказать, что они вообще двигаются. Когда нижний край жалюзи достиг середины окна, он, наконец, остановился.

Не прикасаясь к спусковому крючку, мужчина заглянул в оптический прицел. В поле зрения появилось перекрестье прицела. Он навёл его на мелькающие головы, одна за другой выходившие из школьных ворот.

Затем с безумной усмешкой мужчина отнял взгляд от прицела.

– Ха! Лично я надеюсь завалить пару девчонок, желательно седьмого-восьмого класса. Таких маленьких и хрупких, чьи родители сами захотят самоубиться, после того как я их грохну. Ты же можешь заняться инспектором. Ты согласен?

– Ты омерзителен. С таким отношением на долгую жизнь можешь не рассчитывать. Ну да ладно. Кто сегодня снимет меньше голов, тот и платит за выпивку.

– Твоё предложение принято. С такой дистанции наши винтовки всё равно не дадут промахнуться.

– Давай пройдемся по плану ещё раз. После того как закончим стрелять, ты разольёшь керосин по комнате и выйдешь. Я снаружи его подожгу. Я же и поведу потом машину. Как только мы выберемся из Столичного Округа, бросим машину у Лейне и сядем на грузовое судно. *(прим. пер.: Лейне – река, являющаяся основным поставщиком пресной воды в Столичный Округ, впадает прямоком в Северное море)*

– Всё верно. Похоже, придётся на некоторое время распрощаться со Столичным Округом. Надо было вчера закупиться местными закусками.

Наёмники завершили приготовления и стали ждать, когда человек в костюме снова появится вместе с целью.

Прошло двадцать минут.

Мужчины нетерпеливо вглядывались в свои бинокли.

– Что-то долго.

– Ага. Мне уже не терпится пострелять.

Но вскоре это время наступило.

– Вон они! – воскликнул мужчина в кожаной куртке, заметив цель. – У дверей возле дальнего здания.

Мужчина в свитере перевёл бинокль на двери. Оттуда вышли замеченный ранее инспектор вместе с их жертвой.

Двум назначенным целям составлял компанию лысый пятидесятилетний учитель, который словно живой щит шёл впереди них. А позади них появились темноволосый ученик со смазливой внешностью, школьник-блондин довольно низкого роста и маленькая рыжеволосая девочка. Наёмные убийцы не знали, какое отношение они имеют к их целям.

Киллеры опустили бинокли и взялись за оружие.

Одновременно с этим из дверей учебных корпусов стало появляться всё больше и больше школьников, но они пока ещё не образовали толпы, которая могла бы помешать стрельбе.

Группа целей спокойным шагом направлялась к воротам, словно бы ничего не происходило. Им оставалось ещё тридцать метров.

– Пока не стреляй. Дождёмся, покуда они не выйдут за ворота и не подойдут к перекрёстку. Сперва я застрелю пацана, а потом ты можешь оторваться на остальных.

– Хорошо.

Киллеры, стоя плечом к плечу, глубоко вдохнули. В прошлом они много раз выполняли подобную работу, но сейчас так и не могли унять учащённое сердцебиение.

Осталось тридцать метров.

Беззаботные голоса школьников по ветру долетали до ушей наёмных убийц.

– Детишки, позвольте преподать вам урок, ведь сегодня последний день вашей жизни, – мужчина в свитере оскалился и навёл прицел на рыжеволосую девочку. Когда цель сдвинулась, ствол винтовки наклонился вниз в её сторону.

Осталось двадцать метров.

– Приготовься.

– Готов.

Два указательных пальца начали сгибаться.

Десять метров.

Девять.

Восемь.

Семь.

Шесть.

Пять.

Четыре.

И затем...

Две пули просвистели над территорией 4-й Столичной старшей школы.

– Хм?

В тот момент, когда он сделал шаг за ворота, учитель Мардок оглянулся назад.

– Что-то не так? – спросил Серон.

– Ты это слышал? – ответил Мардок вопросом на вопрос.

Болтали школьники, урчали двигатели автомобилей, туда и сюда по улице сновали прохожие. Всё, что слышал Серон, было лишь повседневным шумом окружающей среды.

– Нет, господин Мардок. Вы услышали что-то странное? – поинтересовался Серон.

– Должно быть, просто воображение разыгралось. Не обращай внимание, – покачав головой, сказал учитель Мардок и продолжил движение. За ним последовали инспектор городской полиции Столичного Округа и Эйдельман.

Инспектор и Эйдельман сели в роскошный автомобиль, который поджидал именно их.

Учитель Мардок наряду с Сероном и остальными убедились, что те благополучно сели в машину, а затем прошли мимо, словно никакого отношения к уезжающей паре не имели.

Когда Серон бросил быстрый взгляд назад к машине, то увидел смотрящего в его сторону сквозь закрытые шторы Эйдельмана.

– Спасибо, – говорил Эйдельман одними только губами снова и снова.

Как только автомобиль покинул круговой перекрёсток, Серон с остальными повернули назад и вернулись на территорию школы.

– Хм-м... – глубокие морщины прорезали лоб погрузившегося в раздумья учителя Мардока. – Два выстрела... – пробормотал он себе под нос.

Винтовочные пули летят быстрее скорости звука, оставляя за собой короткий, резкий взрывной свист.

Он будто бы только что услышал те самые звуки, что преследовали его на поле боя тридцать лет назад. Но учитель Мардок больше не находился на острове Лестки с его траншеями и выжженной полосой между армиями.

Школьная территория была такой же, как и обычно – гул машин за воротами, звуки клаксонов и беззаботные молодые голоса.

– Какая глупость. Должно быть, я уже старею.

Бывший солдат покачал головой и вошёл в здание школы.

Несколькими днями ранее. Двенадцатое число.

Дело происходило в тот же день, когда полицейские разговаривали в парке, а Хартнетт посетил школу.

Трейз приспособился к жизни ученика старшей школы и избежал внимания клуба журналистики.

– Мирная жизнь в Столичном Округе. Спокойная школьная жизнь. Это всё, о чём я мечтал, – пробубнил он, лениво потягиваясь в своей комнате в общежитии.

Внезапно через динамики системы голосового оповещения раздалось объявление:

[Почтовая доставка для Джона Эйворда, Кати Нельсон и Трейза Бэйна. Пожалуйста, пройдите в комнату коменданта и заберите посылки. Повторяю...]

– Очень мило! Должно быть передача из дома! – радостно произнёс Трейз, поднимаясь на ноги и накидывая поверх зелёной футболки верхнюю часть спортивного костюма.

У Трейза в комнате находился минимум личных принадлежностей.

В почти пустом шкафу висело несколько смен одежды, включая кожаную куртку. На столе лежали учебники и тетради, а рядом со столом стояли большая и маленькая сумки. Также у него была небольшая открытая коробка с фотоаппаратом от матери. Камера однажды послужила оружием и, как и ожидал Трейз, сломалась, но её починили, и теперь она снова была в рабочем состоянии. И наконец, в самой глубине его шкафа находился небольшой сейф с пистолетом и патронами.

Трейз подобрал ключ от комнаты, запер за собой дверь, прошёл по коридору и спустился вниз по лестнице.

– Привет, Трейз! Если тебе из дома прислали местных гостинцев, не забудь потом угостить! – произнёс один из соседей по общежитию.

– Мечтать не вредно! – ответил Трейз и направился напрямиком в служебное помещение рядом с вестибюлем на первом этаже.

В коридорной стене располагалось большое окно в помещение, но Трейз всё равно сперва постучал в дверь, прежде чем войти.

– Здравствуйте, я Трейз Бэйн. Я пришёл забрать посылку.

– А ты быстро, – сказала сорокалетняя комендантша. – Распишись здесь.

Трейз подписал форму выдачи посылки.

– Какая из них моя?

– Та, что на полу.

– ЭТА?!

– Угу. Будь осторожнее, когда понесёшь её по лестнице.

На полу стояла картонная коробка 150 сантиметров в длину и 50х50 сантиметров в ширину и высоту. Хотя коробка была целиком обмотана скотчем, один из её углов всё же был полностью смят – вероятно, из-за большого размера.

– Ну и дела...

– В описи вложения говорится, что это какой-то спортивный инвентарь. Я надеюсь, они ничего не сломали при доставке, – сказала комендантша и придержала для Трейза открытую дверь. Трейз поблагодарил женщину и обеими руками обхватил коробку.

– Ох-х...

– Выглядит тяжёлой. Ты не знаешь, что там внутри?

– Понятия не имею, – соврал Трейз.

Трейз потащил коробку в свою комнату. Нёс он её осторожно, дабы по пути ненароком никого не зашибить.

Как только они с коробкой оказались в комнате, Трейз тут же закрыл дверь на ключ и даже повесил дверную цепочку.

С помощью карманного ножа он осторожно начал вскрывать коробку.

Внутри находился замотанный в тряпку и стянутый жгутом тяжёлый длинный предмет, а также деревянный ящик.

Подозрения Трейза подтвердились. Даже не разворачивая предмет, он снова вышел из комнаты. Проверив за собой, что он точно запер дверь, Трейз пошёл к расположенным в вестибюле телефонным будкам.

– И что всё это значит?! – убедившись, что вокруг никого нет, прошипел Трейз сквозь зубы.

[Ваше Высоч... в смысле, молодой господин, мы ждали вашего звонка. Что и говорить, услуги логистики в Столичном Округе и правда не знают себе равных. Вы уже заглянули внутрь?]

Голос на том конце провода принадлежал спокойной женщине средних лет возрастом. Она служила в охране королевской семьи и проживала в соседнем со школой многоквартирном жилом доме.

– Мне не надо куда заглядывать, чтобы понять, что там. Пожалуйста, не посылайте мне ничего такого. Мне и без того хватает проблем с Лилией! Она сказала, чтобы я вёл себя как самый обычный школьник!

[Молодой господин, мне надо обсудить с вами одно срочное дело.]

Голос женщины внезапно изменился, он стал холодным и невозмутимым, как лёд.

– Что за дело?

Голос Трейза тоже приобрёл серьёзный тон.

[Появились наблюдатели. На пятом этаже многоквартирного дома, который находится напротив школьных ворот через дорогу от кругового перекрёстка. Четвёртое окно справа. Два дня назад вечером мы заметили бинокль, выглядывающий из-за оконных жалюзи.]

– ...Я верю вашему суждению, – тихо ответил Трейз. Он прекрасно знал, что ни один член королевской охраны не ошибается, когда дело касается чего-то настолько серьёзного. – Кто они такие?

[Мы пока ещё не знаем. Вчера утром мы провели сбор информации, и узнали от соседей, что недавно туда кто-то заселился. Но новые жильцы так и не показались на глаза и ни с кем из соседей даже не попытались установить контакт.]

– Ну, для Столичного Округа в этом нет ничего необычного.

[Так точно, молодой господин. Но мы установили слежку за этой квартирой и всё же сумели мельком увидеть жильцов. Двое мужчин – один в кожаной куртке и второй в свитере. Оба в высшей степени подозрительные.]

– И?

[Оба вскоре вернулись в квартиру и продолжили наблюдение за школьными воротами. Оружия мы у них не заметили, но на всякий случай всё же отправили вам посылку.]

– На какой такой случай?

[На случай, если это наёмные убийцы и они охотятся на вас, Ваше Высочество. Мы должны нанести удар прежде, чем нанесут они. Балкон вашей комнаты очень хорошо расположен, чтобы с него застрелить их обоих. Хотя и обратный вариант тоже возможен.]

– П-подождите! Как вы вообще пришли к такому выводу? Вы разве сперва не сообщили всё столичной полиции?

[Сообщили.]

– И?

[Мы с ними связались и передали наводку, что в квартире находятся два подозрительных человека. Но обратного ответа от них не получили. Тогда мы надавили на полицию, и в результате получили простую отговорку, что без существенных доказательств наше заявление рассматривать не станут.]

– Зная вас, могу предположить, что вы проследили за этими типами, ведь так?

[Конечно. Мы обнаружили, что эти люди встретились в городе с неким мужчиной в костюме. Мы проследили за ним и увидели, как он вошёл в здание главного управления городской полиции Столичного Округа. Затем мы выяснили, что этот мужчина является следователем полиции.]

– Что здесь вообще творится?

[Мы точно не уверены, Ваше Высочество. Но мы убеждены в том, что среди тех, кто учится в школе, вы – наиболее вероятная мишень для покушения.]

– И?

[Мы продолжим наблюдение. В деревянном ящике вы найдёте радиостанцию. Она должна быть включена всё время, пока вы находитесь в своей комнате. Также мы подготовили вам карту школьной территории с безопасными маршрутами передвижения. Пожалуйста, пользуйтесь ими, даже если это доставит вам неудобство. Не выходите на балкон и не пользуйтесь главными воротами. Вы можете использовать запасной выход позади общежития, но пожалуйста, предупредите нас заранее, если планируете покинуть школьную территорию.]

– Хорошо. Спасибо. Я не хочу, чтобы из-за меня кого-то ещё втянуло в эту историю. Я прослежу, чтобы окружающие не пострадали, – уверенно кивнул Трейз. Его взгляд упал на прохлаждающихся в вестибюле школьников.

[Ваше Высочество, мы так и знали, что вы нас поддержите.]

После телефонного разговора Трейз стремительно взбежал по лестнице.

– Ну как, Трейз, это еда?

– Если тебе по вкусу учебники под соусом из словарей, то – да.

– Ещё чего! Умнее от них я всё равно не стану.

Обменявшись с соседом фразами, Трейз вернулся к себе в комнату.

Он открыл деревянный ящик. Внутри находилась портативная радиостанция, бинокль и винтовочные патроны. Развернув ткань, под ней он обнаружил снайперскую винтовку и металлический цилиндр.

Совершенно новая модель снайперской винтовки, которая использовалась во время новогодней суматохи в Икстове, была передана в дар королевской семье сразу же после инцидента. Винтовка представляла собой облегчённую модель с узкой рамой. Одним нажатием на спусковой крючок можно было в автоматическом режиме выпустить до десяти патронов. (*прим. пер.: это происшествие описано в третьем и четвёртом томах серии «Лилия и Трейз»*)

Левую сторону оружия украшала инкрустация, а на крепление с той же стороны был установлен оптический прицел переменной кратности с увеличением от четырёх до девяти крат.

Металлический цилиндр представлял собой глушитель, изготовленный икстовским кузнецом. Он подавлял звук выстрела настолько сильно, что стрелку не требовалась защита для ушей. Это его свойство особенно незаменимо в заснеженных долинах Икстовы, где всегда существовала опасность схода снежных лавин.

– И как только до такого дошло? Лилия сойдёт с ума, если узнает про оружие... – вздрогнув от ужаса, Трейз тяжело вздохнул. – Как же всё-таки нелегко притворятся самым обычным школьником старшей школы.

После этого Трейз строго последовал указаниям и оставался на территории школы, передвигаясь исключительно по маршрутам, обозначенным королевской охраной в целях защиты от снайперов.

Хотя он с нетерпением ждал урока физкультуры, ему пришлось придумать отговорку и остаться в помещении, когда класс вышел на спортивную площадку.

– Ты в последнее время как-то подозрительно себя ведёшь, – однажды на обеде заявила ему Лилия. Так как они учились в одном классе, то она быстро заметила странности в его поведении.

– Ты меня раскусила. Я стараюсь теперь больше не выпендриваться, – полуправдой ответил ей Трейз.

– Ну ладно, – согласилась Лилия, утвердительно кивая головой. – Ты знаешь, Мэг мне сказала, что мы должны когда-нибудь заскочить в клуб журналистики. Но я думаю, можно сделать это попозже.

– Ага. Спасибо, Лилия.

Трейз тоже начал следить за многоквартирным жилым домом.

Поскольку наблюдать из своей комнаты было слишком рискованно, он после окончания уроков выбирал пустой класс, передвигаясь по крытым переходам между учебными корпусами, вместо того, чтобы срезать путь через двор. Он чуть высовывался из-за штор и рассматривал жилой дом через бинокль.

Как и сказала его охрана, мужчины сидели у окна каждый день. Хотя следили они за школой только по утрам и вечерам, когда школьники приходили учиться и уходили домой. Всё оставшееся время мужчины ели, спали и даже выпивали.

– Что же им надо? – задумался Трейз по пути в общежитие, как вдруг он увидел знакомое лицо. – О, привет Серон.

– Трейз? Как неожиданно тебя здесь увидеть.

– С недавних пор я по пути в общежитие забегаю в библиотеку. А ты чего? Разве тебе не надо находиться в клубе журналистики?

– Появились неотложные дела, и мы временно прекратили активность.

– Между прочим, Лилия сказала, что мы можем как-нибудь заскочить к вам в клуб.

– Хорошо. Но я думаю, что сейчас не лучшее время для посещения. Я потом скажу, когда можно прийти.

Трейз помахал на прощание удаляющемуся Серону и тут заметил одну деталь. Серон нёс с собой свежестыранную одежду. Коробка в его руках содержала аккуратно сложенные футболки, шорты и нижнее бельё.

– Он переодевается прямо в школе? Неужели клуб журналистики устраивает какое-то ночное мероприятие? У них там, должно быть, весело, – пробормотал себе под нос Трейз. – ...Я не могу допустить, чтобы их втянули в неприятности.

С серьёзным видом он безмолвно продолжил движение по коридору.

– Я не могу допустить, чтобы Трейз оказался замешен в этом деле... – также себе под нос пробубнил Серон, держа путь в противоположном направлении.

Пять дней спустя. Утро семнадцатого числа.

Было ещё достаточно рано, поэтому в общежитии мало кто не спал.

[Молодой господин!]

Резкий шипящий звук мгновенно вывел Трейза из дремоты.

– Ва-ай! – воскликнул он, принимая вертикальное положение.

[Молодой господин, пожалуйста проснитесь.]

В этот раз голос из спрятанного под кроватью радио прозвучал почти шёпотом. Трейз натянул на голову наушники и подключил микрофон.

– Доброе утро, я вас слушаю. Вы сегодня рано, – ответил он, поглядывая на часы. На циферблате отображалось шесть часов утра. Небо за окном уже светлело.

Радиопередача шла, что естественно, от королевской охраны – на связи была жена семейной пары.

[Мы заметили движение. Оба мужчины достали свои винтовки. Вероятно сегодня они предпримут попытку. Пожалуйста, приготовьтесь.]

– Принял. Приступаю к выполнению плана.

В этот день Трейз не пошёл на уроки. Но он в обязательном порядке сходил в кафетерий и позавтракал. Там же он взял с собой на вынос хлеб и фрукты, а также бутылку воды и сок.

После возвращения к себе в комнату, Трейз снял матрас с металлической рамы кровати, а саму раму прислонил к окну с наглухо задёрнутыми шторами.

С помощью кусачек и стальной проволоки он прикрепил толстые тяжёлые металлические пластины к кроватной раме. Семейная пара из королевской охраны за несколько прошедших дней одна за другой прислали ему эти пластины.

Таким образом, кровать обратилась в щит, а комната в стрелковый рубеж.

Трейз просунул снаряжённый глушителем ствол винтовки в отверстие в щите, после чего положил под цевьё твёрдую подушечку-амортизатор. Он присоединил снаряжённый патронами магазин и передёрнул затвор. С металлическим лягом первый патрон переместился в патронник.

Поставив оружие на предохранитель, Трейз занял место на своём комнатном стуле. Лишь после этого он, наконец, раздвинул шторы и открыл окно.

Трейз прицелился. Через оптический прицел он мог видеть окно, за которым притаились снайперы. Окно с жалюзи казалось таким близким, словно до него можно было дотянуться рукой.

Трейз не шевелился.

Он недвижно сидел на стуле, неизменно наведя прицел на окно.

Примерно в то время, когда школьники добрались до учебных классов и начались занятия, муж из семейной пары королевских охранников передал сообщение:

[Они начали движение. Мужчины подготавливают оружие.]

Так и есть – мужчины подносили винтовки к окну. Трейз уже мог видеть дула их стволов. Вот только оружие было направлено не на комнату Трейза, а в сторону школьных ворот.

[Они взяли за бинокли. Возможно, они пока ещё не обнаружили вашу комнату, но я всё равно прошу вас, не снижайте бдительность.]

– Принял.

Трейз ждал.

Следующие восемь часов он внимательно прислушивался к указаниям, готовый в любой момент открыть огонь.

Он даже пообедал не отводя прицела от окна. А малую физиологическую потребность справил в пустую бутылку.

<В охоте важнее всего не умение предугадывать движение добычи, и даже не меткая стрельба. Главное в охоте – терпение. Добыча достаётся лишь тому, кто умеет ждать.>

В памяти Трейза всплыл урок его пожилого учителя, ушедшего из жизни в первый день нового года.

Он стал одним единым со своей винтовкой. Он стал продолжением её ствола.

После окончания уроков, когда галдящие ученики стали заполнять школьный двор.

[Ваше Высочество, они пришли в движение.]

Услышав свой, обычно находившийся под запретом, королевский титул, Трейз вздрогнул. Левой рукой он нажал на кнопку вызова.

– Я их вижу. Они поднимают жалюзи.

[Они зарядили оружие и готовы открыть огонь.]

Трейз также мог разглядеть едва уловимые движения слегка выступавших из окна оружейных стволов. Из-за освещения он не мог видеть, что происходит внутри помещения, и не мог разглядеть лица стрелков. Но для него это не было проблемой.

– Они оба правши?

[Так точно.]

– Это всё, что мне нужно было знать.

По углу наклона стволов он рассчитал положение голов наёмников.

[Стволы движутся. Они направлены в сторону школьных ворот.]

Эти слова и то, что он видел своими глазами, привело Трейза в замешательство.

– Что? Что они делают?

Королевский охранник ответил до жути механическим тоном:

[Существует две варианта. Первый: они приняли кого-то за вас. И второй: вы не являетесь их целью.]

Трейзу нужно было незамедлительно принять какое-то решение.

– В любом случае, я не могу позволить им начать огонь. Максимум, что мне грозит, это отчисление из школы или арест за убийство.

[Мы так и знали, что вы это скажете, Ваше Высочество. Пусть боги хранят Икстову. Решение за вами. Мы ждём вашего слова.]

Трейз нажал на спусковой крючок.

В воздухе прозвучали два приглушённых выстрела.

Две гильзы вылетели из винтовки, ударились о внутреннюю поверхность щита и упали на пол.

Преодолев скорость звука, две пули соединили комнату в общежитии с квартирой напротив школьных ворот.

Внутри квартиры мужчина в свитере лишился головы. Пуля вошла в правый висок, чудовищной силой снеся череп от виска до затылка.

Спустя ноль целых и три десятых секунды, вторая пуля попала мужчине в кожаной куртке прямо в правое плечо. Раздробив кость и изменив траекторию, пуля вышла через спину и угодила в кучу мусора.

– Гха-а! – вскрикнул мужчина, падая на пол.

Винтовка, из которой он так и не успел выстрелить, упала ему на голову. Оптический прицел сильно ударил его по лбу, оставив глубокую рану.

– А-а-а...

Но этого удара он почувствовать не успел.

– Чёрт... в меня попали...

Когда он с трудом поднялся и повернулся к напарнику, то глазам его предстал молодой человек, у которого только что закончился последний день жизни. Его

тело было наклонено вперёд, из проломленного черепа вываливался мозг, и глаза неестественно вылезали из орбит.

– Ха?

Позади него будто бы открылась дверь, но мужчина больше уже ничего не слышал. От плеча и до спины его пронзала пульсирующая волна боли. Его взор помутнел.

– Кто?..

И тут он заметил женщину средних лет, такую, которую можно встретить за покупками в местном магазине...

...и кончик совершенно обычного молотка из строительного магазина, который она, не произнеся ни слова, занесла для удара.

[Отличная работа, Ваше Высочество. В остальном можете положиться на нас. Вам лучше сфокусироваться на том, чтобы прибраться в своей комнате. Мы приносим вам свои извинения за то, что вынудили вас пропустить уроки.]

Трейз оставался наготове, чтобы при необходимости выстрелить в третий раз. Но теперь он мог расслабиться. Убрав правую руку от спускового крючка, он поставил оружие на предохранитель.

– Фу-х... – выдохнул он. – Если Лилия про это узнает, то я покойник...

Соседом только что застреленных Трейзом снайперов был ворчливый старик.

Он вышел в коридор, как обычно направляясь в магазин за продуктами. Там он столкнулся с семейной парой средних лет возрастом, которая в фартуках и с охапками мусорных пакетов в руках, суетливо носилась туда-сюда по лестнице.

– Я вас раньше здесь не видел. Вы недавно переехали?

– Вовсе нет, – ответила пара, заявив, что они уборщики.

По их словам, прежние арендаторы съехали, не заплатив, поэтому владелец и попросил их всё вычистить. Далее они добавили, что закончат уборку уже к вечеру.

– Всё понятно. Я видел этих двоих несколько раз. Мутные типы. У такой молодёжи нет будущего, если они даже не приходят познакомиться с соседями, – фыркнул старик.

Пара уборщиков охотно с ним согласилась.

[Хартнетт у аппарата. Я вас слушаю.]

[Это я.]

[А-а, инспектор. Как продвигается дело?]

[Полагаю, вам можно сказать, хотя мне этого и не хочется. Эйдельмана и его семью возьмут под охрану. У нас к ним множество вопросов.]

[Превосходно. И я полагаю, информация об их местонахождении будет предоставляться только строго в соответствии со служебной необходимостью?]

[Конечно. Они будут находиться на конспиративной квартире. Если информация о ней утечёт, то мы тут же узнаем, кто крыса.]

[Вы говорите это таким тоном, будто на самом деле хотите, чтобы она утекла.]

[Не стройте из себя всезнайку. Вот кого я терпеть не могу, так это умных всезнаек.]

[Благодарю вас.]

[К чёрту.]

[Я дико извиняюсь, но у меня для вас тоже есть информация о том, как продвигаются дела. Вы можете уделить мне время?]

[Валяйте.]

[Мы установили личность человека, который, возможно, связан с этой организацией. Он может и не иметь прямого отношения к делу, но мы всё равно его идентифицировали.]

[Другими словами, вы предлагаете городской полиции Столичного Округа держаться от этого дела подальше?]

[Я рад, что до вас быстро дошло.]

[Чёрт побери. Расскажите мне детали.]

[Так точно. Есть данные, что с одним из крупных картелей, который мы держим на заметке, может быть связан выходец с Запада.]

[...Продолжайте.]

[Он живёт в Столичном Округе. Однако мы можем подтвердить, что он прошёл все необходимые юридические процедуры, необходимые для въезда и проживания.]

[Значит, здесь он работает под прикрытием.]

[Да. Регулярно выходя на связь с восточными группировками, он, должно быть, планировал проложить новый маршрут сбыта для западных картелей. Конечно, это только предположение, так как наше расследование ещё даже не затронуло самой сути дела.]

[Не стоит мне рассказывать, если деталей всё равно не будет. Слушать такое просто противно. Я уже почти готов придушить этого типа голыми руками.]

[Я заметил, господин инспектор, что вы не особо высокого мнения о выходцах с Запада.]

[Конечно. Хотя, я так думаю, вам молодым нас стариков не понять.]

[Прошу вас, не позволяйте личным чувствам влиять на вашу работу.]

[Так вы же сами сказали, чтобы я не лез в это расследование. Это же нарушение дисциплины.]

[Если вам от этого станет легче, могу дать вам его имя, чтобы вы потом на стрельбище написали его на мишени.]

[О-о-о.]

[Его зовут Травас. Он майор Королевской армии и до недавнего времени он работал военным атташе в посольстве СоБеИль в Рокше.]

[...]

[Вы на связи?]

[Хм-м. Значит, военный?]

[Да. У нас пока ещё нет всех подробностей, но он, похоже, весьма одарённый человек.]

[Всё ясно.]

[Вы о нём слышали, инспектор?]

[Нет.]

[..В любом случае, его имя упоминается в нескольких источниках. Так что прошу вас соблюдать осторожность. Хотя...]

[Что-то ещё?]

[Похоже, что этот человек в прошлом месяце покинул Столичный Округ и по какой-то причине отправился в СоБеИль. Мы до поры отслеживали его местонахождение, но вскоре зашли в тупик.]

[Что такое?]

[Похоже на то, что он, вероятно, погиб в авиакатастрофе.]

В то же самое время, когда инспектор полиции потребовал от Хартнетта больше информации...

– Вы позвонили в квартиру Шульц.

Лилия подняла телефонную трубку.

– Нет, мамы сейчас нет дома. И я не знаю точно, когда она вернётся. Если хотите, я могу записать для неё сообщение.

В руках у неё по-прежнему находилась ручка, так как она в гостиной делала домашнее задание. Девочка начала записывать сообщение в блокнот.

– Да, продолжайте.

Человек на другом конце провода заговорил.

– Что?

Лилия замерла.

– Майор Травас... умер?

Очень поздно вечером того же дня.

– Я дома. Блин, как же я проголодалась.

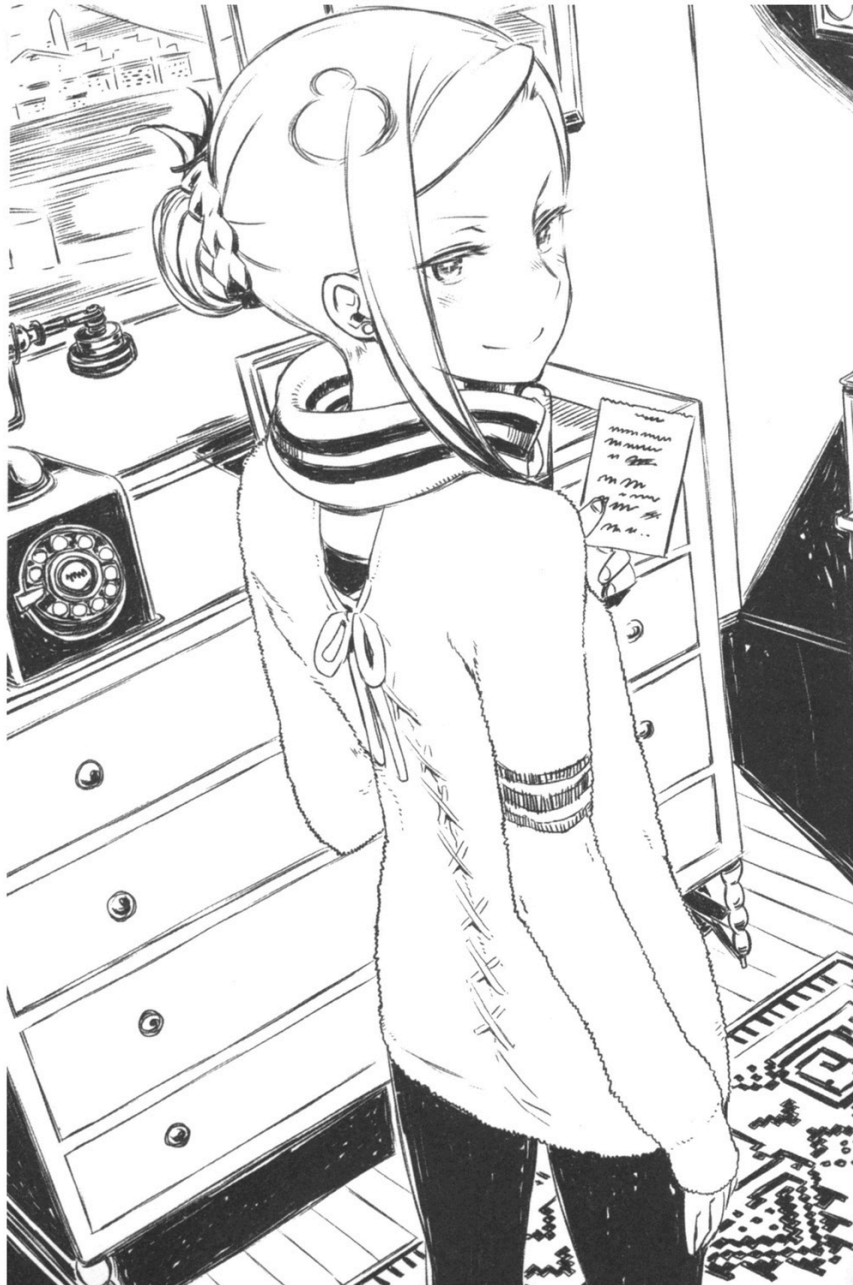
Аллисон вернулась домой в штатской одежде. Лилия поздоровалась с ней и передала лист из блокнота.

– С возвращением, мама. Кто-то оставил для тебя сообщение. Я, правда, не знаю, что мне на это сказать, поэтому просто иду спать.

Аллисон взяла листок и проводила дочь взглядом до её комнаты. Затем она перевернула записку.

Дрожащим почерком с неровными буквами на ней было написано:

[Звонок из посольства. Майор Травас умер. Авиакатастрофа. Военный рейс из Раптоа пропал без вести. Тело нашли в Лутони. Опознали по одежде. Лицо сильно повреждено. Кремирован на месте. Похороны не проводились. Связались с его домом в Суффрестусе. Узнали, что он был другом мамы (твоим). Поэтому и позвонили.]

Аллисон прочитала записку до конца и затем снова посмотрела на закрытую дверь комнаты Лилии.

– Прости, Лилия, что тебе приходится волноваться... – не договорив, она опустила голову.

Но когда она опять подняла взгляд, на её лице играла улыбка.

– Значит, снова играешь в покойника?

–Продолжение следует–

Послесловие

Так как у меня в этот раз для работы был только английский текст без сканов японского оригинала, то, к сожалению, перевод данного тома приводится без послесловия Сигсавы Кейичи. Зато есть послесловие Куробоси Коухаку, который он, как и раньше, сделал в виде иллюстрации, что позволило мне перевести его напрямую с японского языка.

『アリソン』『リリアとトレイズ』『メグとセロン』

“一つの大陸の物語”シリーズ

Playback

